ПРОЕКТ «ОТКРЫТАЯ АНАЛИТИКА»

Р. А. Травин
А. Ю. Аванесов

ЕАЭС В ПУБЛИКАЦИЯХ ВЕДУЩИХ ЗАПАДНЫХ «ФАБРИК МЫСЛИ» В 2019 ГОДУ

Аналитический доклад

ПРОЕКТ «ОТКРЫТАЯ АНАЛИТИКА»

Р. А. Травин
А. Ю. Аванесов

ЕАЭС В ПУБЛИКАЦИЯХ ВЕДУЩИХ ЗАПАДНЫХ «ФАБРИК МЫСЛИ» В 2019 ГОДУ

Аналитический доклад

УДК 338.2
ББК 65.9
Т65

Рецензенты:
Лагутина М. Л., доктор политических наук, профессор кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета
Махмутова Е. В., кандидат политических наук, доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Травин Р. А., Аванесов А. Ю.
Т65 **ЕАЭС в публикациях ведущих западных «фабрик мысли» в 2019 году : аналитический доклад** / Р. А. Травин, А. Ю. Аванесов. – Москва : Издательство «Перо», 2020. – 2 Мб. [Электронное издание].

ISBN 978-5-00171-391-3

В докладе представлены результаты анализа материалов с упоминанием Евразийского экономического союза, опубликованных ведущими западноевропейскими и американскими «фабриками мысли» в 2019 г. на английском и русском языках. Приведены выдержки из всех найденных материалов с указанием контекста, темы и характера публикации, а также количественные и качественные показатели, полученные по итогам проведенного в рамках исследования контент-анализа. Дан ряд рекомендаций, которые могут способствовать популяризации деятельности ЕАЭС, повышению узнаваемости и созданию более привлекательного образа и позитивного имиджа Союза. Материалы исследования могут быть полезны в работе представителей органов власти, международных организаций, экспертного и академического сообщества, общественного сектора и медиа, деятельность которых связана с вопросами интеграции на евразийском пространстве. А также могут быть использованы преподавателями и студентами вузов при изучении дисциплин, в рамках которых поднимаются вопросы, связанные с функционированием и перспективами развития ЕАЭС и деятельности «фабрик мысли» США и Западной Европы.

Проект «Открытая аналитика»

УДК 338.2
ББК 65.9

ISBN 978-5-00171-391-3

© Травин Р. А., Аванесов А. Ю., 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

МЕТОДОЛОГИЯ И СТРУКТУРА ИССЛЕДОВАНИЯ 6

РАЗДЕЛ 1. КОНТЕНТ-АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ С УПОМИНАНИЕМ ЕАЭС, ОПУБЛИКОВАННЫХ ВЕДУЩИМИ «ФАБРИКАМИ МЫСЛИ» США И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В 2019 г. 9

РАЗДЕЛ 2. ЕАЭС В МАТЕРИАЛАХ АМЕРИКАНСКИХ «ФАБРИК МЫСЛИ» 27

2.1.«Большая Евразия», «Пояс и путь», российско-китайские отношения 27
2.2. Центральная Азия 33
2.3. Южный Кавказ и Каспийский регион 36
2.4. Беларусь и Союзное государство 37
2.5. Молдова и Украина 39
2.6. Евросоюз 41
2.7. Сербия 42
2.8. Большой Ближний Восток 43
2.9. Африка и Азиатско-Тихоокеанский регион 44
2.10. Внешняя политика России и ее отношения с Западом 46

РАЗДЕЛ 3. ЕАЭС В МАТЕРИАЛАХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ «ФАБРИК МЫСЛИ» 50

3.1. «Большая Евразия», «Пояс и путь», российско-китайские отношения 54
3.2. Центральная Азия 65
3.3. Южный Кавказ 70
3.4. Беларусь и Союзное государство 76
3.5. Молдова и Украина 78
3.6. Евросоюз и Восточное партнерство 80
3.7. Сербия и Западные Балканы 92
3.8. Большой Ближний Восток 93
3.9. Африка и Азиатско-Тихоокеанский регион 95
3.10. Внешняя политика России и ее отношения с Западом 98
3.11. Сценарий распада ЕАЭС 102

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 104

РЕКОМЕНДАЦИИ 109

ОБ АВТОРАХ 112

О ПРОЕКТЕ 113

ВВЕДЕНИЕ

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) на сегодняшний день является наиболее масштабным интеграционным проектом на постсоветском пространстве, который за пять лет существования показал свою жизнеспособность и результативность. В то же время ЕАЭС сталкивается с рядом объективных и субъективных проблем, которые ограничивают его дальнейшее развитие и не позволяют в полном объеме реализовать потенциал этой организации. Наиболее серьезные из этих проблем – внутренние, они обусловлены диспропорциями в социально-экономическом развитии государств – членов Союза, некоторыми факторами их внутренней политики и спецификой государственного строительства, начавшегося после распада СССР. Эти проблемы достаточно хорошо известны и регулярно поднимаются представителями академического и экспертного сообщества, общественными деятелями и политиками разного уровня всех стран, входящих в ЕАЭС.

В то же время свою роль играет и деятельность внешних акторов – в первую очередь США, западноевропейских стран и Европейского союза (ЕС) в целом, не заинтересованных в укреплении и расширении конкурирующего проекта ЕАЭС. Кроме того, членство в ЕАЭС налагает определенные взаимные обязательства на все входящие в него государства, что дополнительно ограничивает возможности влияния на их внутреннюю и внешнюю политику со стороны третьих стран и других региональных организаций.

Успешное развитие ЕАЭС и других интеграционных проектов в Евразии зависит от их способности эффективно реагировать на внутренние и внешние вызовы. Такая способность зависит, в том числе, от того, насколько детально эти вызовы изучены.

На фоне обострения противостояния между Западом и влиятельными незападными державами, роль внешнего фактора возрастает. И в этом контексте было бы полезно более глубоко понимать то, как видят различные аспекты функционирования и перспективы развития ЕАЭС в западных странах.

Как известно, «фабрики мысли» являются не просто исследовательскими организациями, но и остаются достаточно влиятельными институтами в политических системах стран Запада. Они участвуют в выработке, принятии и оценке политических и управленческих решений, а изучение позиции экспертов западных аналитических центров по широкому кругу вопросов полезно для понимания и прогноза таких решений. При этом только наиболее влиятельные и авторитетные think tank'и генерируют огромные массивы текстов разного рода, значительная часть которых остается неизвестной даже заинтересованному читателю из-за невозможности физически охватить такой объем информации. Поэтому, на наш взгляд, постоянный системный мониторинг и анализ публикаций западных «фабрик мысли» – одно из перспективных направлений исследований.

Некоторые авторы уже обращались к данному вопросу. Так, в одной из наиболее свежих научных статей по теме, была предпринята попытка проанализировать оценки зарубежных экспертно-аналитических центров относительно евразийских инициатив России[1].

[1] *Закарян С. Б. Евразийские инициативы России в оценках зарубежных экспертно-аналитических центров // Постсоветские исследования. 2020. №4. С. 370–375.*

В 2019 г. вышла статья, посвященная восприятию ЕАЭС западным научно-экспертным сообществом[2]. Также следует отметить обзор «Евразийская интеграция в исследованиях иностранных “фабрик мысли” за 2013 год»[3], подготовленный в 2014 г. белорусским автором А. Сивицким. Полный текст этой публикации найти не удалось (ссылка дана по библиографическим описаниям в других работах), в том числе и на сайте Центра стратегических и внешнеполитических исследований, который возглавляет А. Сивицкий. Это, вероятно, связано с тем, что на определенном этапе своей деятельности и Центр, и его руководитель заняли критичные позиции по отношению к ЕАЭС, что не было характерно для периода, когда был опубликован этот обзор. Однако развернутых исследований, в которых бы анализировалась позиция западных «фабрик мысли» в отношении ЕАЭС нет. По крайней мере нам найти их не удалось.

Таким образом, можно констатировать, что на сегодняшний день это направление исследований остается явно недооцененным. Кроме того, в целом параллельно с дальнейшим лавинообразным ростом информационного контента, доступного в открытых источниках, востребованность самого разного рода исследований, ориентированных на его мониторинг и анализ, будет расти.

Анализ публикаций ведущих «фабрик мысли» США и Западной Европы[4], в которых упоминается ЕАЭС, полезен для того, чтобы выявить или уточнить:

– общий дискурс, в рамках которого идет обсуждение вопросов, связанных с ЕАЭС в экспертной среде западных стран, в том числе некоторые шаблоны восприятия деятельности Союза, которые, как представляется, отчасти характерны и для политических элит стран Запада;

– проблемы, которые, по мнению экспертов западных «фабрик мысли», оказывают влияние на функционирование ЕАЭС на нынешнем этапе и которые могут стать преградой для его дальнейшего развития, получить своего рода «взгляд со стороны»;

– основные опасения, которые связывают с деятельностью ЕАЭС на Западе;

– уязвимые места Союза, по которым может осуществляться давление для сдерживания его развития.

– новые и подтвердить уже известные информационные лакуны в представлении о деятельности Союза в западной экспертной среде;

– аналитические центры и экспертов, готовых к конструктивному взаимодействию;

– возможные направления и площадки для такого сотрудничества.

Исследование может представлять интерес для представителей органов власти ряда государств, международных организаций, экспертного и академического сообщества, общественного сектора и медиа, интересующихся вопросами интеграции на евразийском пространстве.

---

[2] Квашнин Ю. Д. ЕАЭС в восприятии западного научно-экспертного сообщества (библиографический очерк) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. №2. С. 212–227.

[3] Сивицкий А. Евразийская интеграция в исследованиях иностранных «фабрик мысли» за 2013 год. Минск: ЦСВИ, 2014. 10 с.

[4] Страны Западной Европы с «фабриками мысли» которых мы работали в рамках данного исследования: Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция.

МЕТОДОЛОГИЯ И СТРУКТУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Более глубокое знание и понимание позиций, с которых западные «фабрики мысли» анализируют различные аспекты функционирования ЕАЭС, перспективы развития Союза, стоящие перед ним вызовы и его роль в региональной политике, полезны как для теоретического осмысления процессов евразийской интеграции, так и для решения ряда задач, возникающих в ходе их практической реализации. Выявление этих позиций, а также выработка эффективного подхода к их изучению и являются основной целью данного исследования.

Для ее реализации необходимо было провести мониторинг публикаций западных think tank'ов и их контент-анализ. При этом возник традиционный вопрос: как добиться баланса, который бы, с одной стороны, позволил получить достаточно цельное и репрезентативное представление об объекте исследования (в нашем случае это – позиция западных «фабрик мысли» в отношении ЕАЭС), с другой – ограничить массив текстов, с которыми необходимо будет работать.

В итоге было принято решение проанализировать материалы ведущих «фабрик мысли» США и Западной Европы за один календарный год. Для этого мы обратились к самой свежей на момент начала работы над исследованием версии известного индекса *Global Go To Think Tank Index Report*[5] и представленных в нем рейтингах ведущих «фабрик мысли» США и Западной Европы – *Top Think Tanks in United States*[6] и *Top Think Tanks in Western Europe*[7].

Рейтинг американских аналитических центров насчитывает всего 97 позиций. И так как сравнение подходов к осмыслению вопросов, связанных с ЕАЭС, которые применяются по разные стороны Атлантического океана, тоже представляет интерес, то мы посчитали целесообразным работать с сопоставимым количеством западноевропейских и американских think tank'ов. Поэтому для мониторинга и дальнейшего анализа мы ограничились сайтами западноевропейских «фабрик мысли», занимающих первые 100 мест в рейтинге из 141. Для удобства читателя везде в тексте в скобках после названия аналитического центра указано место, которое он занимает в рейтинге.

За рамками исследования остались шесть американских и три западноевропейских think tank'а, доступ к сайтам которых закрыт с территории Российской Федерации.

Также следует отметить, что мы работали в основном с текстами на английском и в отдельных случаях на русском языках. Безусловно, было бы полезно проанализировать материалы и на других языках, в то же время «фабриками мысли» из неанглоязычных стран на английском языке публикуется достаточно больший массив исследований и аналитических материалов. В целом проанализированные тексты достаточно репрезентативны и позволяют получить представление об отношении западноевропейских think tank'ов к ЕАЭС.

Таким образом, предметом данного исследования стали публикации с упоминанием ЕАЭС на английском и русском языках, которые были опубликованы с 01.01.2019 по 31.12.2019 на сайтах, ведущих по версии *Global Go To Think Tank Index Report,* американских и западноевропейских «фабрик мысли».

В качестве единицы подсчета была выбрана публикация. По форме большинство публикаций можно разделить на две большие группы, первая – доклады и сборники материалов, вторая – статьи и комментарии. При оформлении библиографических ссылок

[5] *McGann, J. G. 2018 Global Go to Think Tank Index Report (2019) // TTCSP Global Go to Think Tank Index Reports. 16. 261 p. URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/16*
[6] *Ibid. P. 78–81.*
[7] *Ibid. P. 99–102.*

на сборники указывался не отдельный материал и его автор, а сборник в целом. В количественных показателях такие сборники также учтены как одна публикация. Такой подход вполне оправдан, так как издания такого рода по форме, как правило, близки к коллективным монографиям. А в случае с редкими исключениями, мы посчитали, что корректнее будет сохранить единообразный подход.

Поиск материалов производился с помощью соответствующих форм на сайтах «фабрик мысли» и функции расширенного поиска Google в основном по запросам «Eurasian economic union», «EEU», «EAEU», «E.E.U.» – на английском языке и «ЕАЭС», «Евразийский экономический союз», «Евразийский союз» в различных падежах – на русском.

Ни один из найденных материалов с упоминанием ЕАЭС, опубликованный или републикованный непосредственно на сайтах think tank'ов или явно аффилированных с ними проектов, не был проигнорирован и все они были учтены при подсчете количественных показателей в первом разделе и содержательно представлены во втором и третьем разделах. За исключением нескольких публикаций, на которые на сайте того или иного аналитического центра была лишь гиперссылка, а сам он был размещен на другом ресурсе, линейно никак с ним не связанном. В том числе были учтены материалы, авторами или соавторами которых выступили эксперты из стран ЕАЭС, если эти материалы были опубликованы на сайтах ведущих «фабрик мысли» США и Западной Европы.

Все публикации были разделены на материалы с прямым и косвенным упоминанием ЕАЭС. К материалам с прямым упоминанием были отнесены те публикации, в которых название Евразийского экономического союза в той или форме встречается не менее трех раз (как правило, больше), кроме того, автор, даже если это не основная тема публикации, пишет о ЕАЭС достаточно содержательно. В подавляющем большинстве материалов с косвенными упоминаниями ЕАЭС название Союза встречается один, реже два раза и вскользь, как правило, для констатации какого-то факта, с минимальной аналитической составляющей.

Также материалы были дифференцированы по отношению авторов к ЕАЭС в категориях «положительное», «нейтральное», «отрицательное». При распределении по этим категориям мы максимально абстрагировались от тона всего документа, если он не был посвящен целиком ЕАЭС, и старались, насколько это возможно, определить отношение собственно к Евразийскому экономическому союзу в конкретном фрагменте. Приведем некоторые основные критерии, по которым фиксировалось отношение авторов.

Положительное – в случае если авторы признавали положительный эффект от участия в ЕАЭС для стран-членов; какие-то достижения Союза; положительное влияние ЕАЭС на региональную политику; если был дан хотя бы относительно благоприятный прогноз его развития; если в той или иной форме предлагалось сотрудничество между западными странами и организациями и ЕАЭС.

Отрицательное – если авторы писали о негативных последствиях вступления в ЕАЭС для его членов; рассматривали Союз как инструмент гегемонистской политики РФ в регионе; оценивали ЕАЭС как неэффективное объединение; давали однозначно неблагоприятный прогноз относительно перспектив его развития; использовали явно негативно окрашенные эпитеты по отношению к ЕАЭС.

Нейтральное – если проблемы и достижения при оценке деятельности и перспектив развития ЕАЭС подавались более-менее сбалансировано (выделять такие материалы в отдельную группу мы посчитали нецелесообразным и отнесли их к публикациям с нейтральным отношением); если анализ базировался на социологических или статистических данных, а также фактах о ЕАЭС без их оценок; если позиция авторов не содержала выраженных позитивных или негативных посылов в отношении ЕАЭС.

Также было подсчитано количество упоминаний стран и международных организаций в контексте обсуждения ЕАЭС, учитывались именно упоминания, имеющие смысловую связь с ЕАЭС, а не просто встречающиеся в том же материале.

Основная часть исследования состоит из трех разделов. В первом представлены результаты контент-анализа. Во втором разделе собраны все материалы ведущих американских, в третьем – западноевропейских «фабрик мысли» с упоминанием ЕАЭС за 2019 г., которые удалось найти. В приведенных в этих разделах выдержках из текстов мы постарались донести максимум содержательной информации по каждой из публикаций, а также дать общее представление о теме и характере материала, контексте, в котором упоминается ЕАЭС. Для того чтобы облегчить читателю знакомство собственно с позицией экспертов западных think tank'ов, все наши комментарии, наблюдения и выводы, вынесены в «Заключение» и «Рекомендации» (последняя часть работы была добавлена и выделена в отдельный раздел после рецензирования рукописи работы, с учетом полученных замечаний).

В рамках второго и третьего разделов было необходимо структурировать большой массив материалов, что, с учетом их разнородности, представляло некоторые трудности. В итоге они были сгруппированы в тематические блоки по проблемной близости (по большей части, в контексте анализа того или иного региона). Кроме того, в каждом тематическом блоке были отдельно выделены материалы с прямым и косвенным упоминанием ЕАЭС. Понятно, что достаточно часто в одном материале могли рассматриваться разные проблемы, анализироваться ситуация в разных странах, но дублировать одни и те же материалы в разных тематических блоках мы посчитали нецелесообразным, поэтому такие материалы было отнесены к тому тематическому блоку, которому они содержательно соответствовали в большей степени.

Кроме того, мы постарались унифицировать тематические блоки, составляющие второй и третий разделы. В целом это сделать удалось. В обоих разделах тематические блоки получили в основном одинаковые названия, которые соответствуют их содержанию, например, «"Большая Евразия", "Пояс и путь", российско-китайские отношения» или «Беларусь и Союзное государство». Некоторые имеющиеся отличия, за двумя исключениями – наиболее объемным и общим материалом, который был вынесен за рамки тематических блоков и уникальной по формату публикации, единственной в завершающем блоке третьего раздела, – носят уточняющий характер и позволяют более точно отразить содержание. Например, тематические блоки «Евросоюз» и «Сербия» во втором разделе корреспондируются с блоками «Евросоюз и Восточное партнерство» и «Сербия и Западные Балканы» – в третьем.

РАЗДЕЛ 1

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ С УПОМИНАНИЕМ ЕАЭС, ОПУБЛИКОВАННЫХ ВЕДУЩИМИ «ФАБРИКАМИ МЫСЛИ» США И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В 2019 г.

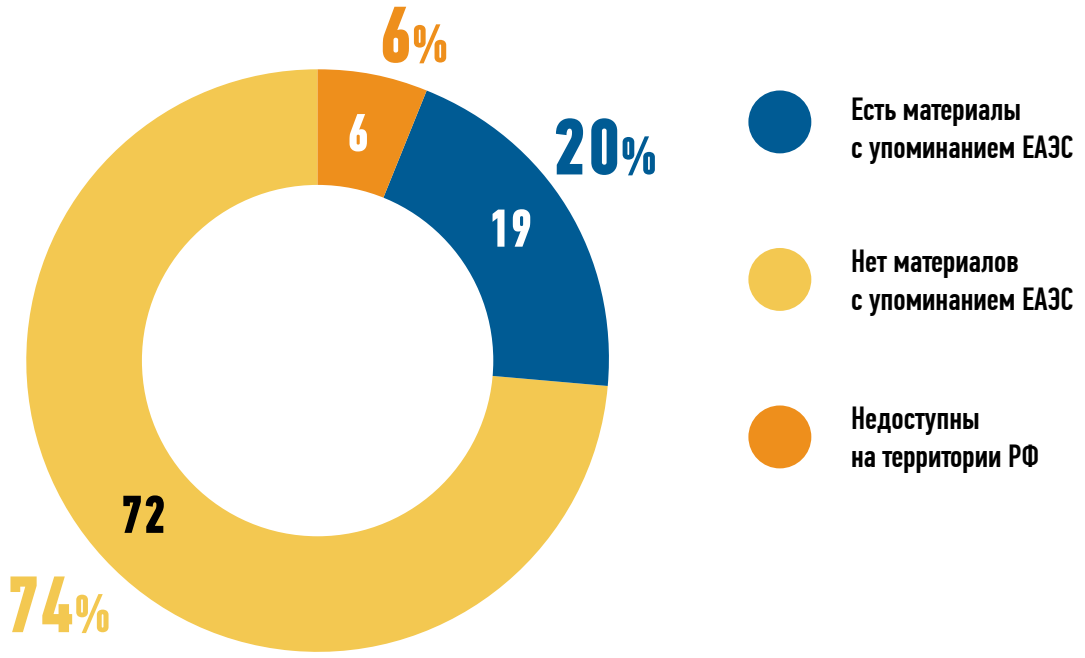
В рамках исследования мы работали с сайтами американских «фабрик мысли» из рейтинга Top Think Tanks in United States (всего в рейтинге 97 позиций), представленном в 2018 Global Go To Think Tank Index Report[8]. А также с сайтами ведущих западноевропейских «фабрик мысли» из первых 100 (всего в рейтинге 141 позиция), представленных в рейтинге Top Think Tanks in Western Europe этого индекса[9].

Доступ к сайтам шести американских и трех западноевропейских think tank'ов закрыт с территории РФ, поэтому они остались за рамками данного исследования.

Таким образом, везде ниже, где идет речь о ведущих «фабриках мысли», имеются в виду 91 американский и 97 западноевропейских аналитических центров из указанных выше рейтингов, доступ к сайтам которых открыт с территории РФ.

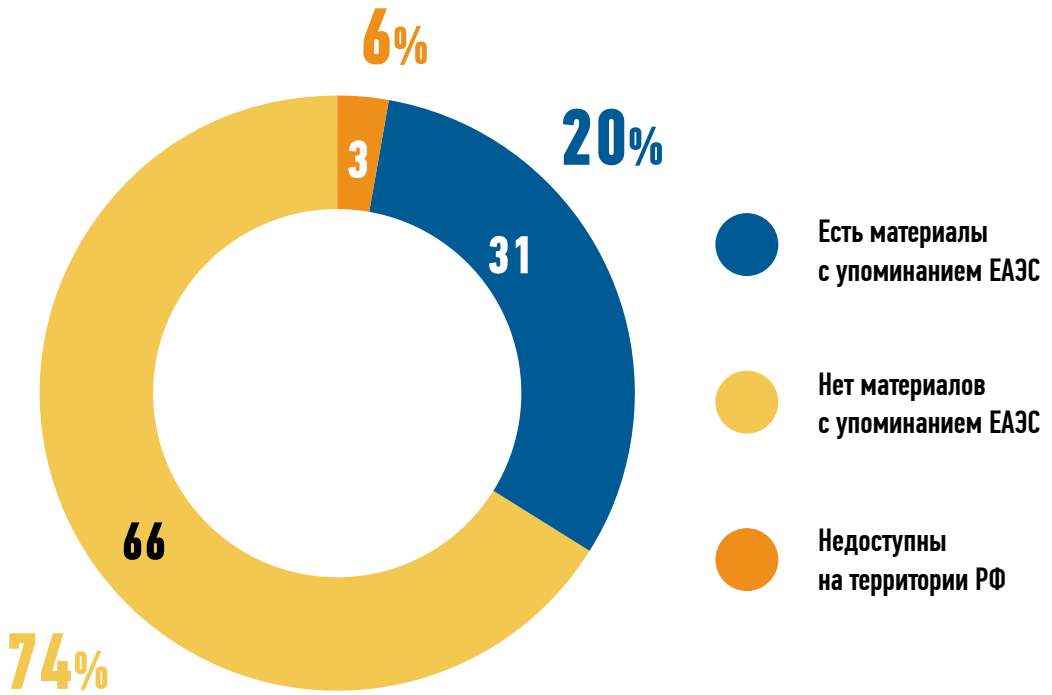
Материалы с упоминанием ЕАЭС в 2019 г. были опубликованы на сайтах 19 think tank'ов, находящихся в США и 31 в Западной Европе *(см. рис. 1; рис. 2).*

Рисунок 1. ***Количество ведущих американских «фабрик мысли», на сайтах которых были опубликованы материалы с упоминанием ЕАЭС в 2019 г.***



[8] *McGann, J. G. 2018 Global Go to Think Tank Index Report (2019) // TTCSP Global Go to Think Tank Index Reports. 16. P. 78–81. URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/16*
[9] *Ibid. P. 99–102.*

Рисунок 2. ***Количество ведущих западноевропейских «фабрик мысли», на сайтах которых были опубликованы материалы с упоминанием ЕАЭС в 2019 г.***

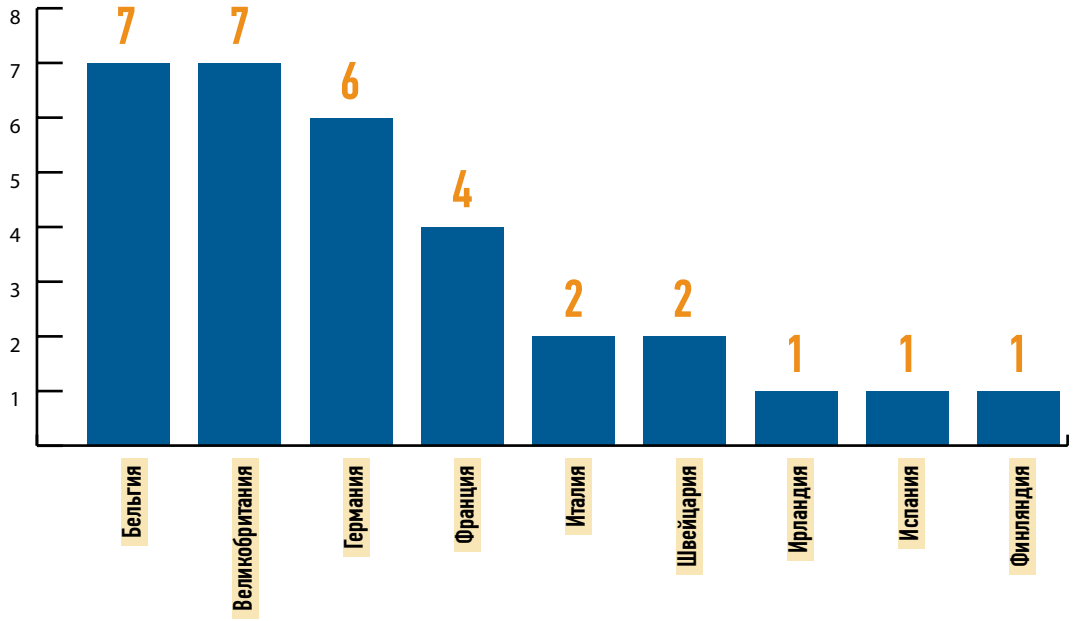


Наибольшее число из упоминавших ЕАЭС западноевропейских «фабрик мысли» находятся в Бельгии, Великобритании, Германии и Франции, в то же время «мозговые центры» ряда западноевропейских государств, таких как Австрия, Греция, Швеция и некоторые другие, в 2019 г. к вопросам, прямо или косвенно связанным с ЕАЭС, не обращались *(подробнее см. табл. 1; рис. 3).*

Таблица 1. ***Ведущие западноевропейские «фабрики мысли» и упоминания ЕАЭС в 2019 г. по странам***

№	Страна	Общее кол-во «фабрик мысли» в рейтинге топ-100	Кол-во «фабрик мысли», упоминающих ЕАЭС	№	Страна	Общее кол-во «фабрик мысли» в рейтинге топ-100	Кол-во «фабрик мысли», упоминающих ЕАЭС
1	Бельгия	11	7 (64%)	9	Финляндия	1	1 (100%)
2	Великобритания	25	7 (28%)	10	Австрия	1	-
3	Германия	20	6 (30%)	11	Греция	2	-
4	Франция	9	4 (44%)	12	Дания	4	-
5	Италия	6	2 (33%)	13	Исландия	1	-
6	Швейцария	2	2 (100%)	14	Нидерланды	2	-
7	Ирландия	2	1 (50%)	15	Норвегия	3	-
8	Испания	5	1 (20%)	16	Швеция	3	-

Рисунок 3. ***Количество ведущих западноевропейских «фабрик мысли», упоминавших ЕАЭС в 2019 г. по странам***



Всего в 2019 г. на сайтах ведущих американских и западноевропейских think tank'ов было размещено 145 публикаций на английском и, в отдельных случаях, русском языках с упоминанием ЕАЭС. Из них 56 – на сайтах американских «фабрик мысли», из которых 7 (12%) – с прямым упоминанием ЕАЭС, 49 – с косвенным. 89 – на сайтах западноевропейских «аналитических центров», из которых 25 (28%) с прямым упоминанием ЕАЭС, 64 – с косвенным *(см. рис. 4; рис. 5).* Наибольшее количество материалов с упоминанием Евразийского экономического союза было размещено британскими и немецкими think tank'ами – 25 и 22 соответственно, наименьшее – по одному – ирландскими и финскими *(подробнее см. рис. 6).*

Рисунок 4. ***Количество материалов с упоминанием ЕАЭС на сайтах ведущих американских «фабрик мысли» за 2019 г.***

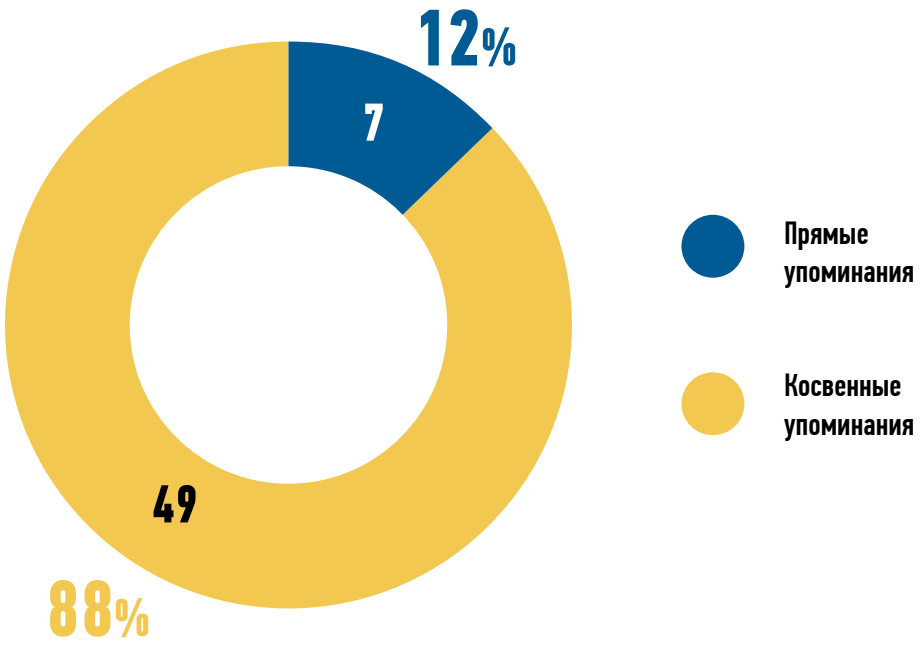


Рисунок 5. ***Количество материалов с упоминанием ЕАЭС на сайтах ведущих западноевропейских «фабрик мысли» за 2019 г.***

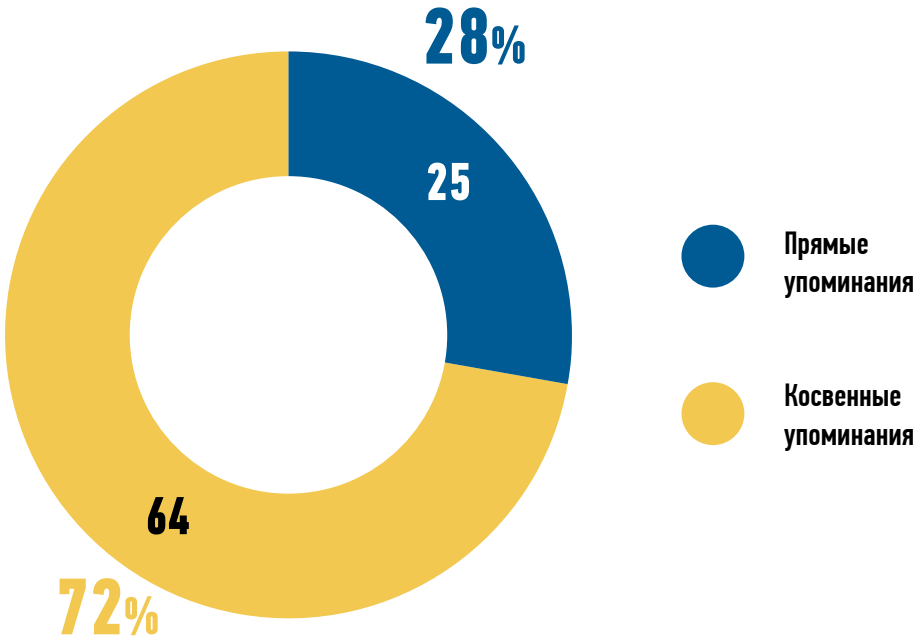
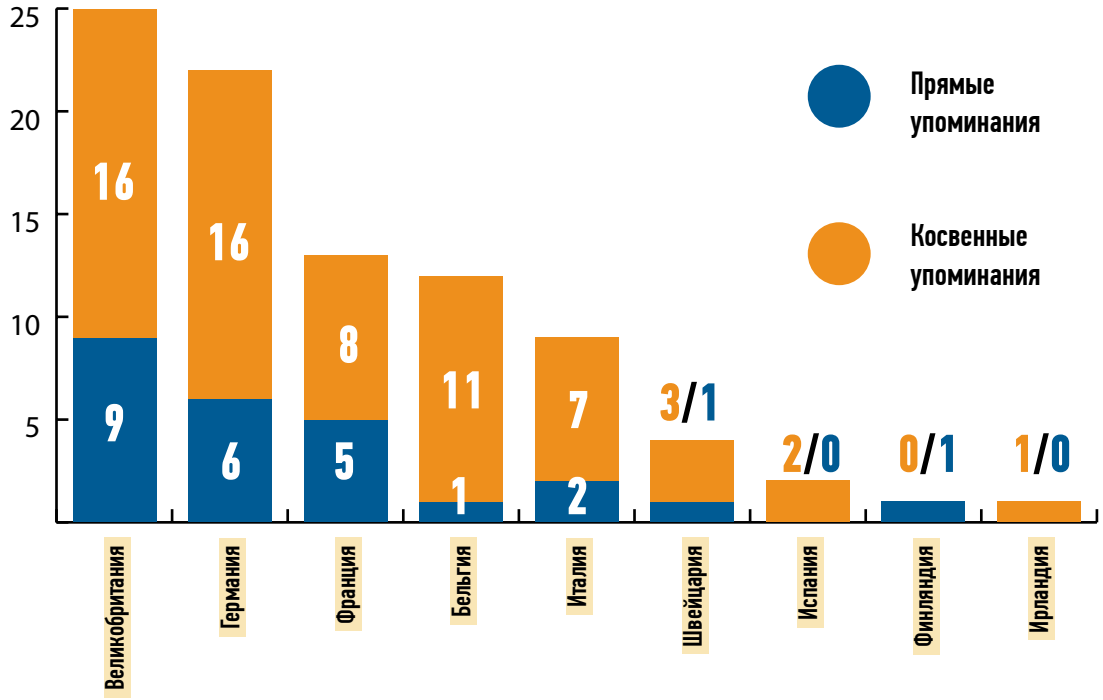


Рисунок 6. ***Количество материалов с упоминанием ЕАЭС на сайтах ведущих западноевропейских «фабрик мысли» за 2019 г. по странам***



Из 56 материалов американских think tank'ов 23 – это доклады и сборники, 28 – статьи и комментарии, 5 – материалы другого типа (стенограммы круглых столов, презентаций, анонсы мероприятий, подкасты с небольшими текстовыми резюме, новости). Из 89 западноевропейских: 45 – доклады и сборники, 41 – статьи и комментарии, 3 – материалы другого типа *(см. рис. 7; рис. 8).*

Рисунок 7. ***Тип материалов с упоминанием ЕАЭС, опубликованных на сайтах ведущих американских «фабрик мысли» в 2019 г.***

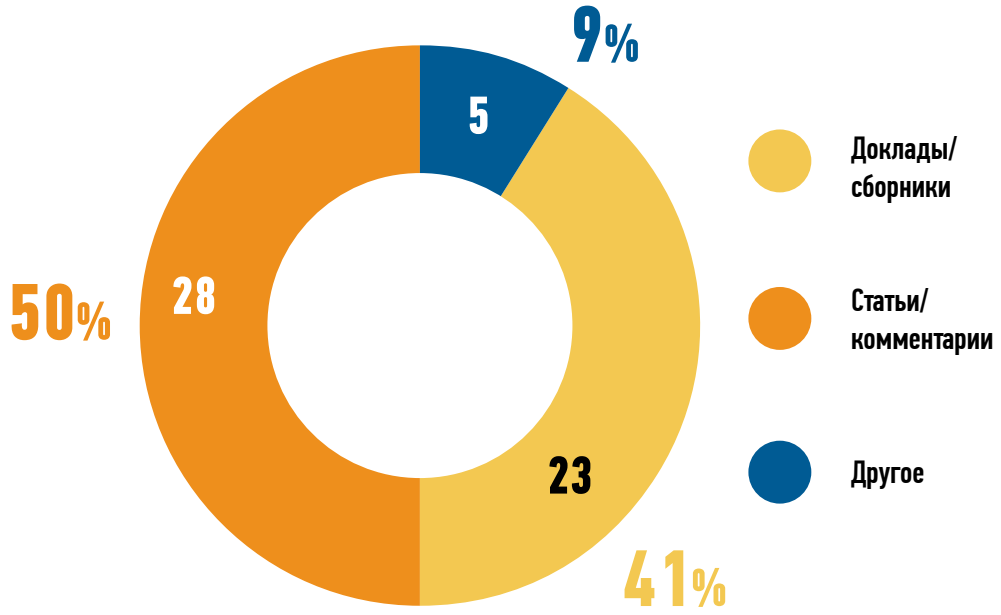
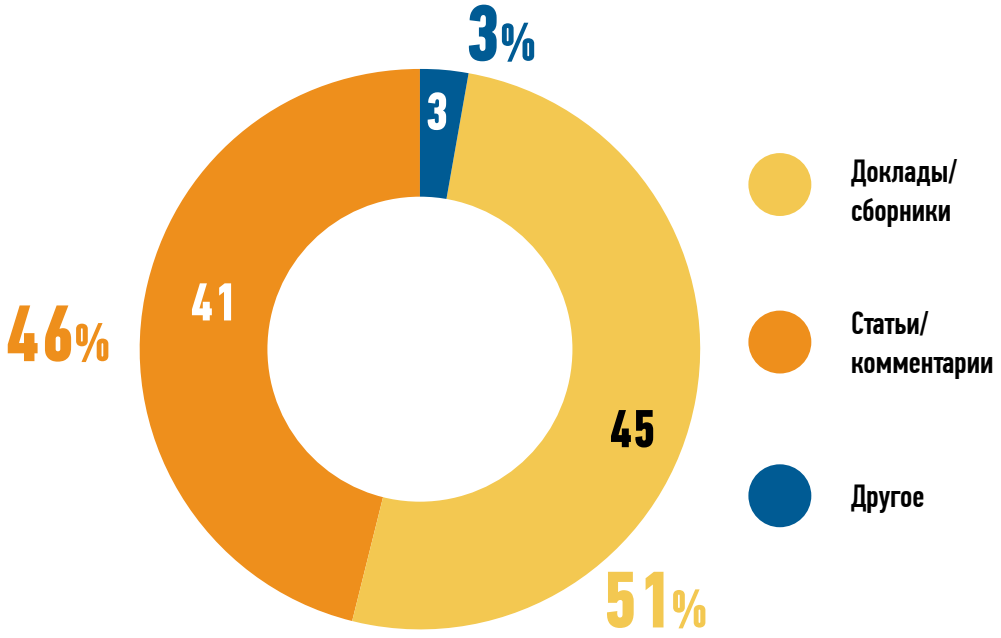


Рисунок 8. ***Тип материалов с упоминанием ЕАЭС, опубликованных на сайтах ведущих западноевропейских «фабрик мысли» в 2019 г.***



Также следует отметить, что в подавляющем большинстве материалов (около 90%) и американских и западноевропейских «фабрик мысли» «в связке» с ЕАЭС так или иначе упоминалась и Россия *(см. рис. 9; рис. 10)*. Кроме того, даже в тех немногочисленных публикациях, где РФ линейно не увязывалась с ЕАЭС, Россия могла упоминаться в другой части текста.

Рисунок 9. ***Упоминание России вместе с ЕАЭС в материалах ведущих американских «фабрик мысли» в 2019 г.***

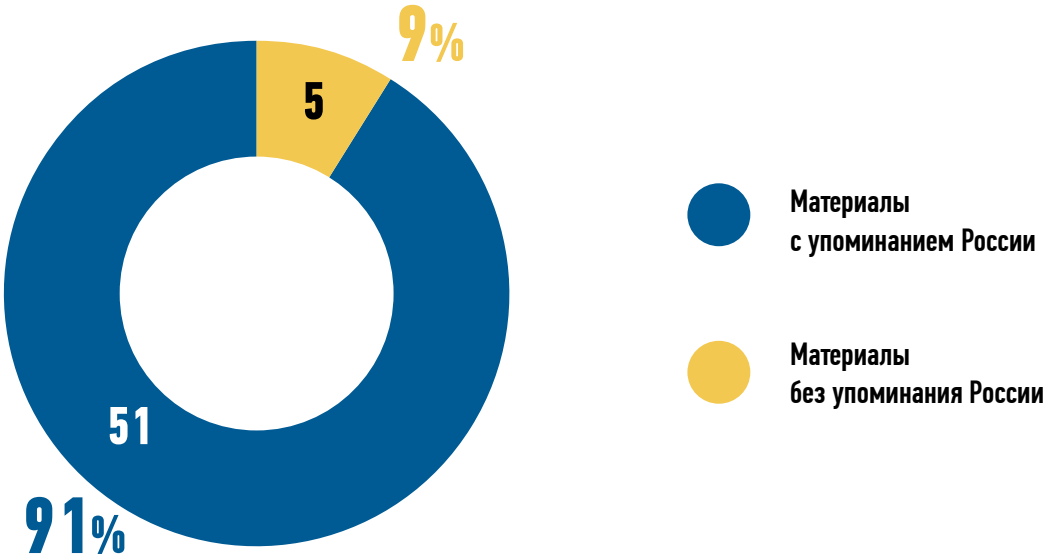
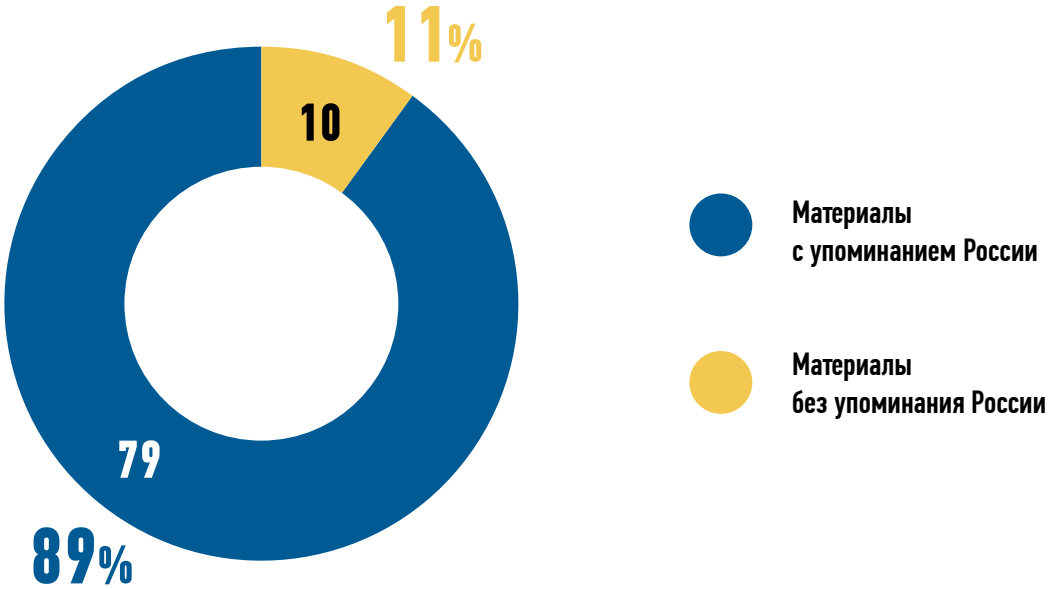


Рисунок 10. ***Упоминание России вместе с ЕАЭС в материалах ведущих западноевропейских «фабрик мысли» в 2019 г.***



Что касается других стран, то когда речь шла о ЕАЭС (были подсчитаны именно упоминания этих стран вместе с ЕАЭС, а не просто в том же тексте) в материалах американских «фабрик мысли» чаще других упоминались Китай – в 27 публикациях, Казахстан – в 21, Беларусь – в 16, Кыргызстан – в 12, Армения и Украина – в 11 (подробнее см. рис. 11). Для западноевропейских think tank'ов цифры следующие: Китай – 35, Беларусь – 27, Армения – 26, Казахстан и Украина – 24, Кыргызстан – 15 *(подробнее см. рис. 12).*

В материалах западноевропейских «фабрик мысли» о США вместе с ЕАЭС идет речь лишь один раз в публикации одного из итальянских аналитических центров, в свою очередь американские «фабрики мысли» отдельно страны, входящие в ЕС, в контексте обсуждения ЕАЭС не упоминают, а Евросоюз рассматривают как единое целое, в качестве актора региональной политики.

В материалах западноевропейских «фабрик мысли», что ожидаемо, упоминания отдельных европейских стран вместе с ЕАЭС встречаются. При этом, например, все (всего четыре) упоминания отдельно Германии и почти все (три из четырех) отдельно Франции были в публикациях немецких think tank'ов.

Рисунок 11. ***Количество материалов ведущих американских «фабрик мысли» с упоминаниями различных стран мира вместе с ЕАЭС в 2019 г.***

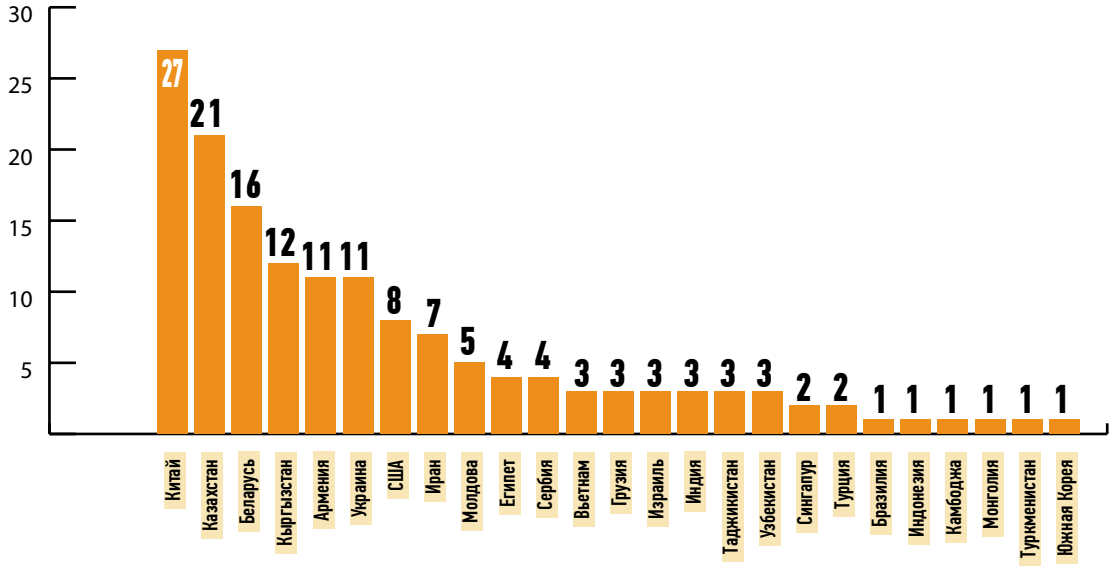
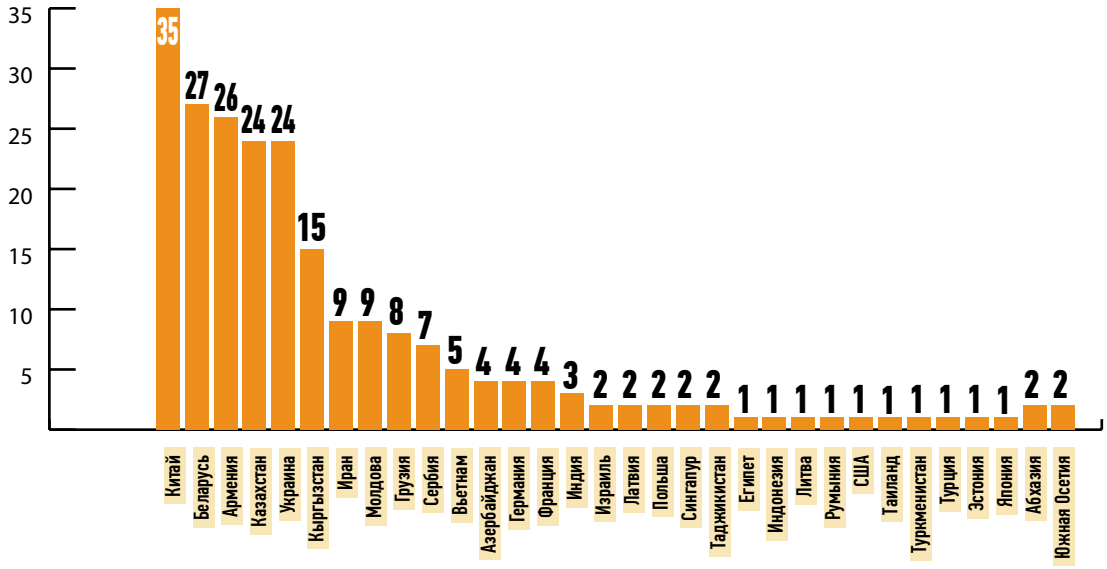


Рисунок 12. ***Количество материалов ведущих американских «фабрик мысли» с упоминаниями различных стран мира вместе с ЕАЭС в 2019 г.***



В материалах западноевропейских «фабрик мысли» вместе с ЕАЭС куда чаще, чем в американских, идет речь о других международных организациях, таких как ШОС (1 – для США и 13 для Западной Европы) или ОДКБ (5 для США и 14 для Западной Европы). Чаще всего упоминается Европейский Союз – в 18 американских материалах и 54 западноевропейских *(подробнее см. рис. 13; рис. 14).*

Кроме того, эксперты американских аналитических центров практически полностью проигнорировали проект «Восточное партнерство», который в минувшем году отмечал десятилетний юбилей, о нем вспомнили лишь в одном материале, в отличие от европейцев, которые упоминали ЕАЭС в связке с ВП более чем в десяти материалах. Также американские think tank'и ничего не писали о наднациональных органах ЕАЭС, тогда как западноевропейские упоминали Евразийскую экономическую комиссию по крайней мере семь раз.

Рисунок 13. ***Количество материалов ведущих американских «фабрик мысли» с упоминаниями других международных организаций вместе с ЕАЭС в 2019 г.***

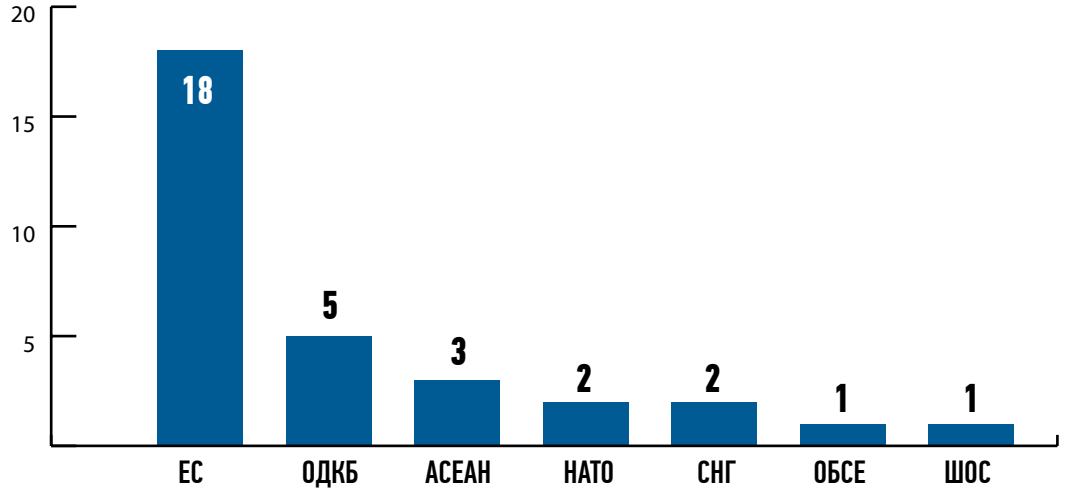
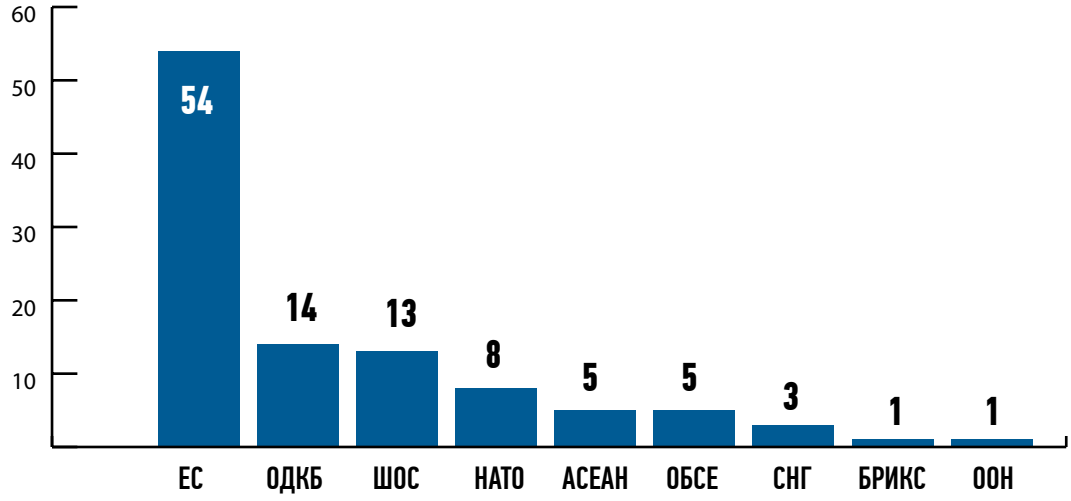


Рисунок 14. ***Количество материалов ведущих западноевропейских «фабрик мысли» с упоминаниями других международных организаций вместе с ЕАЭС в 2019 г.***



Кроме того, было проанализировано отношение к ЕАЭС авторов публикаций в категориях «положительное», «нейтральное», «отрицательное». Наиболее редки материалы, которые можно отнести к группе с положительным отношением.

Среди материалов американских «фабрик мысли» таких лишь два, при этом с отрицательным упоминанием – 23, с нейтральным – 31.

Для западноевропейских «фабрик мысли»: 20 – положительных, 27 – отрицательных, 42 – нейтральных *(см. рис. 15; рис. 16).*

Рисунок 15. ***Отношение авторов ведущих американских «фабрик мысли» к ЕАЭС в 2019 г. (количество материалов)***

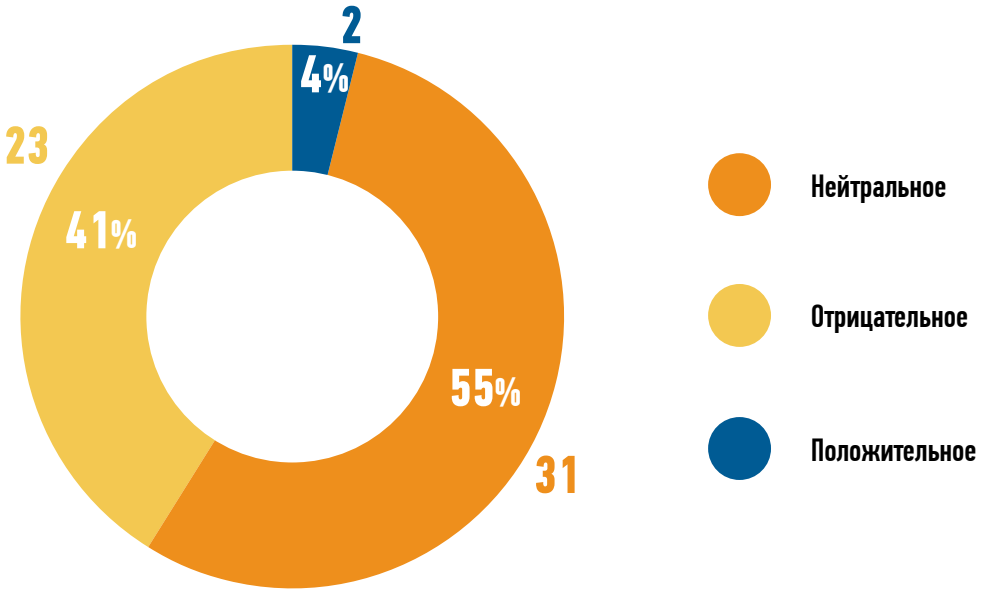
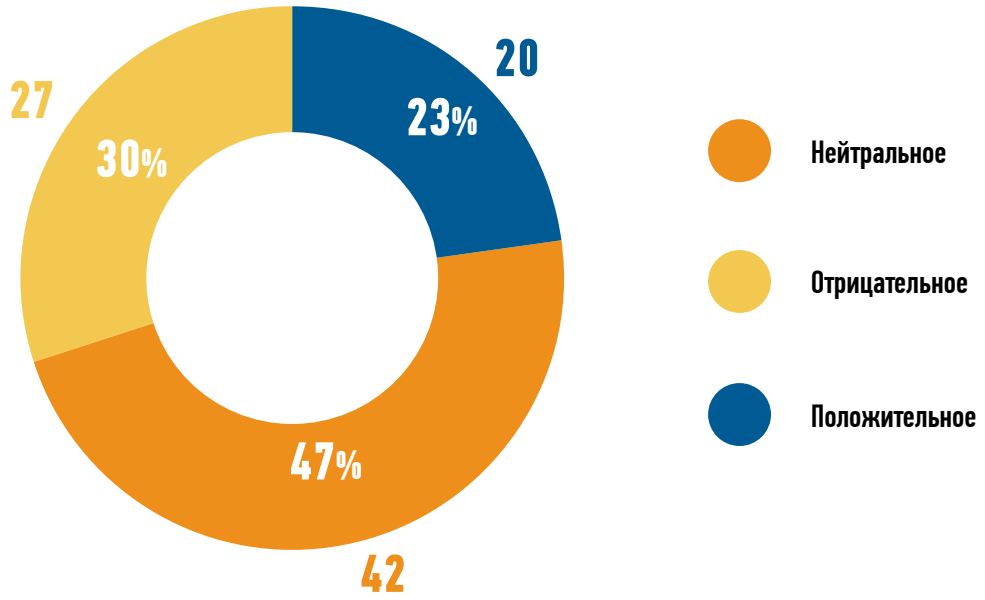


Рисунок 16. ***Отношение авторов ведущих западноевропейских «фабрик мысли» к ЕАЭС в 2019 г. (количество материалов)***



Структурируя разделы 2 и 3 исследования, мы выделили тематические блоки, по которым для удобства читателя были распределены все материалы, с которыми мы работали. Количественные показатели по тематическим блокам указаны на *рис. 17; рис. 18*.

Рисунок 17. ***Распределение материалов по тематическим блокам в Разделе 2. ЕАЭС в материалах американских «фабрик мысли»***

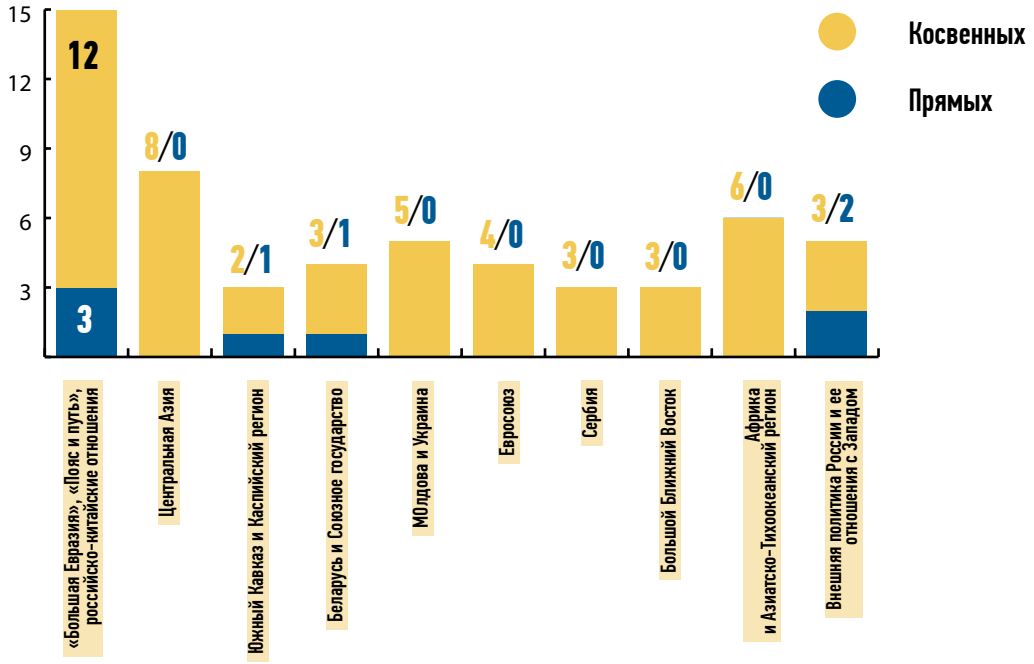
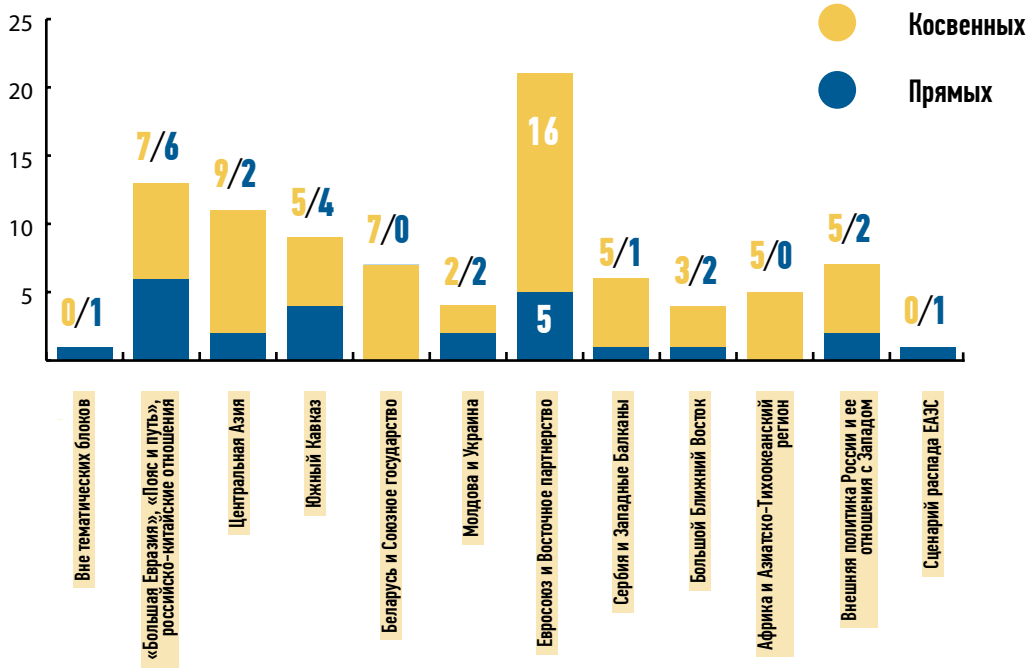


Рисунок 18. ***Распределение материалов по тематическим блокам в Разделе 3. ЕАЭС в материалах западноевропейских «фабрик мысли»***



Также следует отметить, что аналитические центры, специализирующиеся на экономике, в том числе международной, практически не пишут о ЕАЭС. Мы отдельно выделили «фабрики мысли» из обоих рейтингов и западноевропейского, и американского, которые декларируют вопросы экономики в качестве одного из основных направлений своей деятельности. И оказалось, что из 27[10] таких think tank'ов США упомянул ЕАЭС лишь один – *National Bureau of Economic Research* (21), и то лишь в сноске. Из европейских «фабрики мысли» с экономическим уклоном, к которым можно отнести также 27[11] аналитических центров, о ЕАЭС в 2019 г. писали всего три, (по крайней мере, на языках, с которыми мы работали – английском и русском). *Bruegel* (2) – 2 косвенных упоминания, *ifo Institut* (95) – 1 косвенное, и лишь *World Economic Forum* (51) опубликовал единственный материал, который можно отнести к прямым упоминаниям, а также 2 косвенных.

Что касается внимания отдельных think tank'ов к ЕАЭС, то в США наибольшее количество материалов – 15 (т. е. примерно 27% от всех американских материалов) – опубликовал *Carnegie Endowment for International Peace* (3). В Западной Европе по этому показателю лидирует немецкий *Friedrich Ebert Foundation* (7) с 11 материалами, который также является лидером по публикациям с положительным отношением к ЕАЭС. Наибольшее количество публикаций с отрицательным отношением у *Chatham House* (3). Детальная информация относительно количества материалов с указанием соотношения косвенных и прямых, а также отношения авторов – нейтрального, отрицательного и положительного – к ЕАЭС по всем «фабрикам мысли» представлена в **таблице 2** и **таблице 3**. Номер think tank'а в таблицах соответствует месту в рейтингах *"Top Think Tanks in United States"* и *"Top Think Tanks in Western Europe"* представленных в *"2018 Global Go To Think Tank Index Report"*. Напомним, что везде в тексте доклада после названия аналитического центра в круглых скобках указано его место в этих рейтингах.

[10] *Места в рейтинге «Top Think Tanks in United States» и Таблице 2.: 7, 9, 13, 16, 18, 21, 23, 27, 28, 30, 31, 36, 37, 41, 44, 54, 56, 57, 59, 61, 62, 63, 65, 69, 77, 85, 93.*

[11] *Места в рейтинге «Top Think Tanks in Western Europe» и Таблице 3.: 2, 11, 28, 29, 39, 46, 48, 49, 51, 52, 53, 56, 59, 60, 61, 64, 65, 69, 71, 76, 87, 88, 89, 93, 94, 95, 98.*

Таблица 2. ***Количество и характер материалов с упоминанием ЕАЭС на сайтах ведущих «фабрики мысли» США в 2019 г.***

№	Название	Количество материалов с упоминанием ЕАЭС	С прямым/косвенным	С нейтральным	С отрицательным	С положительным
1	Brookings Institution (United States)	2	0/2	-	2	-
2	Center for Strategic and International Studies (CSIS) (United States)	-	-	-	-	-
3	Carnegie Endowment for International Peace (United States)	15	2/13	10	5	-
4	Heritage Foundation (United States)	4	1/3	1	3	-
5	Wilson Center, FKA Woodrow Wilson International Center for Scholars (United States)	2	1/1	1	1	-
6	RAND Corporation (United States)	2	0/2	-	2	-
7	Peterson Institute for International Economics (PIIE) (United States)	-	-	-	-	-
8	Center for American Progress (CAP) (United States)	1	0/1	-	1	-
9	Urban Institute (United States)	-	-	-	-	-
10	Atlantic Council (United States)	нет доступа к сайту				
11	Council on Foreign Relations (CFR) (United States)	2	0/2	2	-	-
12	Center for a New American Security (CNAS) (United States)	-	-	-	-	-
13	Cato Institute (United States)	-	-	-	-	-
14	Belfer Center for Science and International Affairs (United States)	3	0/3	3	-	-
15	Hudson Institute (United States)	-	-	-	-	-
16	American Enterprise Institute for Public Policy Research (AEI) (United States)	-	-	-	-	-
17	James A. Baker III Institute for Public Policy (United States)	-	-	-	-	-
18	World Resources Institute (WRI) (United States)	-	-	-	-	-
19	Stimson Center (United States)	-	-	-	-	-
20	Human Rights Watch (HRW) (United States)	-	-	-	-	-
21	National Bureau of Economic Research (NBER) (United States)	1	0/1	1	-	-
22	Freedom House (United States)	-	-	-	-	-
23	Hoover Institution (United States)	-	-	-	-	-
24	German Marshall Fund of the United States (GMF) (United States)	нет доступа к сайту				
25	Inter-American Dialogue (United States)	-	-	-	-	-
26	Pew Research Center (United States)	-	-	-	-	-
27	Acton Institute for the Study of Religion and Liberty (United States)	-	-	-	-	-
28	Resources for the Future (RFF) (United States)	-	-	-	-	-
29	McKinsey Global Institute (United States)	-	-	-	-	-

30	Center on Budget and Policy Priorities (CBPP) (United States)	-	-	-	-	-
31	Manhattan Institute for Policy Research (MI) (United States)	-	-	-	-	-
32	United States Institute of Peace (USIP) (United States)	-	-	-	-	-
33	Center for International Development (CID) (United States)	-	-	-	-	-
34	Chicago Council on Global Affairs (United States)	-	-	-	-	-
35	Information Technology and Innovation Foundation (ITIF) (United States)	-	-	-	-	-
36	Center for Global Development (CGD) (United States)	-	-	-	-	-
37	Economic Policy Institute (EPI) (United States)	-	-	-	-	-
38	Foreign Policy Research Institute (FPRI) (United States)	6	2/4	3	3	-
39	Carnegie Council for Ethics in International Affairs (United States)	-	-	-	-	-
40	Worldwatch Institute (United States)	нет доступа к сайту				
41	Mercatus Center (United States)	-	-	-	-	-
42	Asia Society Policy Institute (ASPI) (United States)	2	0/2	2	-	-
43	Migration Policy Institute (MPI) (United States)	1	0/1	-	1	-
44	Reason Foundation (United States)	–	–	-	-	-
45	Center for Climate and Energy Solutions (C2ES) (United States)	-	-	-	-	-
46	National Bureau of Asian Research (NBR) (United States)	1	1/0	1	-	-
47	Earth Institute (United States)	-	-	-	-	-
48	Center for the National Interest (CFTNI), FKA Nixon Center (United States)	1	0/1	1	-	-
49	New America Foundation (United States)	-	-	-		
50	Aspen Institute (United States)	-	-	-		
51	Independent Institute (United States)	нет доступа к сайту				
52	Bipartisan Policy Center (BPC) (United States)	-	-	-	-	-
53	Center for Transatlantic Relations (CTR) (United States)	-	-	-	-	-
54	Joint Center for Political and Economic Studies (United States)	-	-	-	-	-
55	Middle East Institute (MEI) (United States)	3	0/3	1	-	2
56	Atlas Network (United States)	-	-	-	-	-
57	Foundation for Economic Education (FEE) (United States)	-	-	-	-	-
58	EastWest Institute (EWI) (United States)	3	0/3	1	2	-
59	Pacific Research Institute (PRI) (United States)	-	-	-	-	-
60	Institute for Policy Studies (IPS) (United States)	-	-	-	-	-
61	Competitive Enterprise Institute (CEI) (United States)	-	-	-	-	-
62	International Food Policy Research Institute (IFPRI) (United States)	-	-	-	-	-
63	Center for Economic and Policy Research (CEPR) (United States)	-	-	-	-	-
64	Third Way (United States)	-	-	-	-	-
65	Committee for Economic Development of the Conference Board (CED) (United States)	-	-	-	-	-
66	Center for European Policy Analysis (CEPA) (United States)	2	0/2	-	2	-
67	Center for Strategic and Budgetary Assessments (CSBA) (United States)	-	-	-	-	-

68	Demos (United States)	-	-	-	-	-
69	Hispanic American Center for Economic Research (HACER) (United States)	-	-	-	-	-
70	Open Society Foundations (OSF), FKA Open Society Institute (United States)	нет доступа к сайту				
71	Berggruen Institute (United States)	-	-	-	-	-
72	Institute for Women's Policy Research (IWPR) (United States)	-	-	-	-	-
73	Arctic Institute (United States)	-	-	-	-	-
74	Tax Foundation (United States)	-	-	-	-	-
75	Center for International Security and Arms Control (CISAC) (United States)	-	-	-	-	-
76	Lugar Center (United States)	-	-	-	-	-
77	Institute for New Economic Thinking (United States)	-	-	-	-	-
78	Milken Institute (United States)	-	-	-	-	-
79	McCain Institute for International Leadership (United States)	-	-	-	-	-
80	Congressional Research Service (CRS) (United States)	-	-	-	-	-
81	Africa Center for Strategic Studies (United States)	-	-	-	-	-
82	Project for the Study of the 21st Century (PS21) (United States)	-	-	-	-	-
83	Institute for Religion and Democracy (IRD) (United States)	-	-	-	-	-
84	Institute for Science and International Security (ISIS) (United States)	-	-	-	-	-
85	Mackinac Center (United States)	-	-	-	-	-
86	Center for International Policy (CIP) (United States)	-	-	-	-	-
87	Washington Center for Equitable Growth (United States)	-	-	-	-	-
88	Center for Naval Analysis (CNA) (United States)	-	-	-	-	-
89	Institute for Defense Analysis (United States)	нет доступа к сайту				
90	Levy Institute (United States)	-	-	-	-	-
91	Public Policy Institute of California (PPIC) (United States)	-	-	-	-	-
92	Goldwater Institute (United States)	-	-	-	-	-
93	Roosevelt Institute (United States)	-	-	-	-	-
94	Institute for the Study of War (ISR) (United States)	4	0/4	3	1	-
95	Center for Immigration Studies (United States)	-	-	-	-	-
96	Center for National Policy (United States)	-	-	-	-	-
97	Pacific Council on International Policy (United States)	1	0/1	1	-	-
		56	**7/49**	**31**	**23**	**2**

Таблица 3. ***Количество и характер материалов с упоминанием ЕАЭС на сайтах ведущих «фабрики мысли» стран Западной Европы в 2019 г.***

№	Название	Количество материалов с упоминанием ЕАЭС	С прямым/косвенным	С нейтральным	С отрицательным	С положительным
1	French Institute of International Relations (IFRI) (France)	6	2/4	1	4	1
2	Bruegel (Belgium)	2	0/2	1	-	1
3	Chatham House (United Kingdom)	7	4/3	1	6	-
4	International Institute for Strategic Studies (IISS) (United Kingdom)	2	1/1	1	1	-
5	Danish Institute for International Studies (DIIS) (Denmark)	-	-	-	-	-
6	Konrad Adenauer Foundation (KAS) (Germany)	4	1/3	2	1	1
7	Friedrich Ebert Foundation (FES) (Germany)	11	4/7	6	-	5
8	Centre for European Policy Studies (CEPS) (Belgium)	4	1/3	3	1	-
9	Elcano Royal Institute (Spain)	-	-	-	-	-
10	Clingendael, Netherlands Institute of International Relations (Netherlands)	-	-	-	-	-
11	Adam Smith Institute (ASI) (United Kingdom)	-	-	-	-	-
12	Barcelona Centre for International Affairs (CIDOB) (Spain)	2	0/2	1	-	1
13	Amnesty International (AI) (United Kingdom)	-	-	-	-	-
14	Transparency International (TI) (Germany)	-	-	-	-	-
15	Institute for International Political Studies (ISPI) (Italy)	8	2/6	5	1	2
16	Ecologic Institute (Germany)	-	-	-	-	-
17	Istituto Affari Internazionali (IAI) (Italy)	1	0/1	1	-	-
18	IDEAS (United Kingdom)	4	2/2	-	4	-
19	German Council on Foreign Relations (DGAP) (Germany)	4	1/3	3	-	1
20	Carnegie Endowment for International Peace Europe Center (Belgium)	1	0/1	1	-	-
21	Institut des Relations Internationales et Strategiques (IRIS) (France)	-	-	-	-	-
22	Notre Europe Jacques Delors Institut (France)	-	-	-	-	-
23	Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP) (Germany)	1	0/1	-	-	1
24	Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) (Sweden)	-	-	-	-	-
25	German Development Institute (DIE) (Germany)	-	-	-	-	-
26	European Council on Foreign Relations (ECFR) (United Kingdom)	8	1/7	3	3	2
27	International Crisis Group (ICG) (Belgium)	1	0/1	1	-	-
28	Institute for Fiscal Studies (IFS) (United Kingdom)	-	-	-	-	-
29	Centre for Economic Policy Research (CEPR) (United Kingdom)	-	-	-	-	-
30	EGMONT - The Royal Institute for International Relations (Belgium)	2	0/2	-	2	-

31	Royal United Services Institute (RUSI) (United Kingdom)	2	0/2	2	-	-
32	Peace Research Institute Oslo (PRIO) (Norway)	-	-	-	-	-
33	Fundacion Alternativas (Spain)	-	-	-	-	-
34	European Policy Center (EPC) (Belgium)	-	-	-	-	-
35	Overseas Development Institute (ODI) (United Kingdom)	-	-	-	-	-
36	Hanns Seidel Foundation (HSS) (Germany)	-	-	-	-	-
37	Institute for Public Policy Research (IPPR) (United Kingdom)	-	-	-	-	-
38	Finnish Institute of International Affairs (Finland)	1	1/0	1	-	-
39	Kiel Institute for the World Economy (IfW) (Germany)	-	-	-	-	-
40	European Union Institute for Security Studies (EUISS) (France)	3	3/0	1	2	-
41	Institute of International and European Affairs (IIEA) (Ireland)	1	0/1	1	-	-
42	Centre d'Etudes et de Recherches Internationales (CERI) (France)	-	-	-	-	-
43	Centre for European Reform (CER) (United Kingdom)	1	1/0	-	1	-
44	Bertelsmann Foundation (Germany)		-	-	-	-
45	Demos (United Kingdom)	-	-	-	-	-
46	Timbro (Sweden)	-	-	-	-	-
47	Heinrich Boll Foundation (HBS) (Germany)	-	-	-	-	-
48	Friedrich Naumann Foundation for Freedom (FNF) (Germany)	-	-	-	-	-
49	Centre d'Etudes Prospectives et d'Informations Internationales (CEPII) (France)	-	-	-	-	-
50	German Marshall Fund (Belgium)	нет доступа к сайту				
51	World Economic Forum (WEF) (Switzerland)	3	1/2	1	-	2
52	Center for Political Studies (CEPOS) (Denmark)	-	-	-	-	-
53	Fondation pour l'Innovation Politique (Fondapol) (France)	-	-	-	-	-
54	Centro Studi Internazionali (Ce.S.I.) (Italy)	-	-	-	-	-
55	Institute for Development Studies (United Kingdom)	-	-	-	-	-
56	Lisbon Council for Economic Competitiveness and Social Renewal (Belgium)	-	-	-	-	-
57	Friends of Europe (Belgium)	1	0/1	1	-	-
58	Foreign Policy Centre (FPC) (United Kingdom)	1	0/1	-	1	-
59	German Institute for Economic Research (DIW) (Germany)	-	-	-	-	-
60	Institute of Economic Affairs (IEA) (United Kingdom)	-	-	-	-	-
61	Policy Network (United Kingdom)	-	-	-	-	-
62	Hellenic Foundation for European and Foreign Policy (ELIAMEP) (Greece)	-	-	-	-	-
63	Fundacion para el Analisis y los Estudios Sociales (FAES) (Spain)	-	-	-	-	-
64	European Centre for International Political Economy (ECIPE) (Belgium)	-	-	-	-	-
65	Legatum Institute (United Kingdom)	-	-	-	-	-
66	Fabian Society (United Kingdom)	-	-	-	-	-
67	Institute for Government (IfG) (United Kingdom)	-	-	-	-	-
68	European Centre for Development Policy Management (ECDPM) (Netherlands)	-	-	-	-	-

69	Centre for Policy Studies (CPS) (United Kingdom)	-	-	-	-	-
70	Wilfried Martens Centre for European Studies (WMCES), FKA Centre for European Studies (Belgium)	1	0/1	1	-	-
71	International Centre for Black Sea Studies (ICBSS) (Greece)	-	-	-	-	-
72	Norwegian Institute of International Affairs (NUPI) (Norway)	-	-	-	-	-
73	Koerber Foundation (Germany)	1	0/1	-	-	1
74	Institucion Futuro (Spain)	-	-	-	-	-
75	Northern Research Forum (Iceland)	-	-	-	-	-
76	Istituto Bruno Leoni (IBL) (Italy)	-	-	-	-	-
77	Oxford Council on Good Governance (OCGG) (United Kingdom)	-	-	-	-	-
78	Policy Exchange (United Kingdom)	-	-	-	-	-
79	ResPublica (United Kingdom)	-	-	-	-	-
80	Jacques Delors Institut (Germany)	-	-	-	-	-
81	Institute of Development Studies (United Kingdom)	-	-	-	-	-
82	Fondation pour la Recherche Strategique (FRS) (France)	1	0/1	-	-	1
83	Security and Defence Agenda (SDA) (Belgium)	нет доступа к сайту				
84	Centre for Global Cooperation Research (Germany)	-	-	-	-	-
85	Centre for Irish and European Security Limited (Ireland)	нет доступа к сайту				
86	CHR. Michelsen Institute (Norway)	-	-	-	-	-
87	Copenhagen Consensus Center (Denmark)	-	-	-	-	-
88	Stockholm Environment Institute (Sweden)	-	-	-	-	-
89	Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung (DIW) (Germany)	-	-	-	-	-
90	Think EUROPA (Denmark)	-	-	-	-	-
91	Action Institute (Italy)	-	-	-	-	-
92	Potsdam Institute for Climate Impact Research (Germany)	-	-	-	-	-
93	Duesseldorf Center for Competition Economics (DICE) (Germany)	-	-	-	-	-
94	Austrian Institute of Economic Research (Austria)	-	-	-	-	-
95	ifo Institut (Germany)	1	0/1	1	-	-
96	Geneva Centre for Security Policy (Switzerland)	1	0/1	1	-	-
97	European University Institute (Italy)	-	-	-	-	-
98	Economic and Social Research Institute (Ireland)	-	-	-	-	-
99	European Organisation for Security (Belgium)	-	-	-	-	-
100	Institute Montaigne (France)	3	0/3	2	-	1
		89	**25/64**	**42**	**27**	**20**

РАЗДЕЛ 2

ЕАЭС В МАТЕРИАЛАХ АМЕРИКАНСКИХ «ФАБРИК МЫСЛИ»

2.1.«БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ», «ПОЯС И ПУТЬ», РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Прямые упоминания

Наибольшее внимание Евразийскому экономическому союзу уделяется в материалах американских «фабрик мысли», в которых так или иначе затрагиваются отношения России и Китая, а также вопросы их взаимодействия в Евразии, в том числе сопряжение российских и китайских интеграционных проектов в регионах.

Целый ряд упоминаний ЕАЭС в этом контексте встречается на сайте *Carnegie Endowment for International Peace* (3). Так, Д. Тренин, директор Московского центра Карнеги и автор ряда публикаций, в которых упоминается ЕАЭС, в одном из своих материалов анализирует российскую стратегию в «Большой Евразии» и отмечает, что «Евразийский экономический союз, при всей его практической полезности, не стал центром силы в Евразии, каким он был задуман вначале». ЕАЭС в тексте упоминается еще несколько раз, в частности отмечается, что «ни один из формальных союзников России по ОДКБ или партнеров по ЕАЭС не признал официально российский статус Крыма». Кроме того, по мнению автора, «в экономической области для сопряжения китайской инициативы “Пояс и путь” евразийской интеграции, поддерживаемой Россией, может быть создан постоянно действующий форум для диалога ЕАЭС – Китай», при этом «процесс сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы “Один пояс и один путь” должен стимулировать российскую экономическую, техническую, организационную активность». В то же время отмечается, что «Россия жизненно заинтересована в стабильности центральноазиатских государств, особенно Казахстана, который, благодаря своему положению, размерам и членству в ОДКБ и ЕАЭС, достоин быть главным региональным партнером Москвы в этих организациях»[12].

Wilson Center (5) – известный американский think tank, учрежденный Конгрессом США, – опубликовал доклад с ретроспективным анализом концепции «Большая Евразия», предложенной В. Путиным, и оценками перспектив этой концепции. ЕАЭС там упоминается более 30 раз. В том числе в контексте основной темы доклада: «Окончательно утратив Украину в качестве потенциального члена ЕАЭС в 2014 г., Россия переориентировала свои цели, связанные с интеграцией на постсоветском пространстве. У Большого Евразийского партнерства есть две масштабные экономические цели. Во-первых, оно призвано соединить Россию и ЕАЭС с китайской инициативой “Пояс и путь”. Вторая, менее значительная цель – пойти дальше Китая и соединить ЕАЭС с Ираном, Индией и Юго-Восточной Азией. Другими словами, стратегия России состоит в сдерживании Китая»[13]. Также отмечается, что «все уважаемые члены Российского научного сообщества, рассчитывали, что ЕАЭС создаст условия для устойчивого развития

[12] *Тренин Д. Контурная карта российской геополитики: возможная стратегия Москвы в Большой Евразии // Московский центр Карнеги, 11.02.2019. Url: https://carnegie.ru/2019/02/11/ru-pub-78328; англ. версия: Trenin D. It's Time to Rethink Russia's Foreign Policy Strategy // Carnegie Endowment for International Peace, 25.04.2019. Url: https://carnegieendowment.org/publications/78990*

[13] *Köstem S. Russia's Search for a Greater Eurasia: Origins, Promises, and Prospects // Wilson Center, February 2019. P.2 Url: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/kennan_cable_no._40.pdf*

и повышения уровня жизни своих государств-членов», в частности приводится мнение известного российского эксперта Я. Лисоволика, который полагает, что ЕАЭС и «Пояс и путь» «дополняют и усиливают друг друга» и, благодаря региональной экономической интеграции, позволяют евразийским странам, не имеющим выхода к морю, преодолеть инфраструктурные проблемы[14]. «Пояс и путь» в связке с ЕАЭС упоминается в документе еще несколько раз. Кроме того, идет речь о соглашении между ЕАЭС и Вьетнамом, о переговорах с другими странами и меморандуме с АСЕАН[15]. Автор полагает, что «невозможно полностью понять цели России по созданию Большой Евразии без учета видения Россией своей роли на международной арене. Как и ЕАЭС, этот новый проект укрепляет самовосприятие России как великой державы». Также в исследовании приведено мнение политолога Д. Льюиса, который полагает, что «как и “Большая Европа” и “Русский мир”, Большая Евразия является “геополитической выдумкой” (geopolitical imaginary), которая позволяет российским политическим деятелям формулировать международную идентичность для России»[16].

Далее в докладе отмечается, что России не удалось убедить членов ЕАЭС Казахстан и Беларусь присоединиться к ее экономическим санкциям против ЕС, Украины и Турции. Автор задается вопросом: захочет ли Казахстан использовать ЕАЭС для расширения связей или предпочтет развивать двусторонние связи с Китаем, Индией и другими странами и сомневается в том, что остальные члены ЕАЭС получат заметную выгоду от сотрудничества с Россией, которая стремится к импортозамещению[17].

С этим докладом во многом перекликается еще одно свежее исследование *Wilson Center*, выпущенное в той же серии Kennan Cable с говорящим названием «Большая Евразия: азиатская фантазия России»[18], которое осталось за рамками данного обзора, так как было опубликовано уже в начале 2020 г. В нем ЕАЭС также уделено значительное внимание.

Еще одно исследование с достаточно большим количеством упоминаний ЕАЭС – доклад *National Bureau of Asian Research* (46) «Китайско-российские отношения: перспективы для России, Китая и Японии». Структурно доклад разделен на три части. В первой из них (автор – В. Кашин) проанализированы российско-китайские отношения сквозь призму российской позиции. Автор отмечает, что во время визита В. Путина в КНР в июне 2018 г. «Китай, по всей видимости, принял российскую концепцию Евразийского экономического партнерства и согласился начать переговоры по этому амбициозному экономическому проекту»[19]. А ранее, в мае 2015 г., Россия убедила Китай подписать совместную декларацию о сопряжении возглавляемого Россией ЕАЭС и китайской инициативы «Пояс и путь». «Главная цель этой декларации состояла в том, чтобы добиться признания Китаем важности ЕАЭС и обязательства сотрудничать с этой организацией в рамках ее юрисдикции». Параллельно с этим ЕАЭС пытался построить собственную «сеть соглашений о свободной торговле» с более мелкими азиатскими экономиками. Первым и пока единственным партнером, с которым было подписано соглашение о свободной торговле, является Вьетнам (май 2015 г.), но в настоящее время

[14] *Ibid.*
[15] *Ibid. P. 3.*
[16] *Ibid.*
[17] *Ibid. P. 6.*
[18] *Starr F. Greater Eurasia: Russia's Asian Fantasy // Wilson Center, January 2020. 11 p. Url: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/KI_200106_cable%2046_v1.pdf*
[19] *Kashin V., Ma B., Tatsumi Y., Zhang J. Sino-Russian Relations: Perspectives from Russia, China, and Japan // National Bureau of Asian Research, May 2019. P. 4. Url: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr79_sino-russian_relations_may2019.pdf*

ведутся переговоры с рядом азиатских стран, включая Южную Корею, Индию, Сингапур, Индонезию, Монголию и Камбоджу[20].

Проект «Большая Евразия», который анонсировал В. Путин в 2015 г., по мнению автора, служит двум целям. «Первая – сугубо идеологическая. Россия не хочет, чтобы ее рассматривали в качестве рядового участника китайского проекта, в ответ Россия предложила собственный, а затем договорилась о координации этих двух проектов с Китаем на формально равной основе. Очевидно, что из-за огромной разницы в экономическом весе сторон это равенство во многом лишь формально. Тем не менее проект работает в интересах российской внешней политики, в частности обеспечивая России большее пространство для маневра в Азии. Вторая цель более практична. ЕАЭС хочет развивать сеть соглашений о свободной торговле, о которых в настоящее время ведутся переговоры, в более широкий экономический интеграционный блок, в котором могли бы быть учтены некоторые практики, которые были опробованы в рамках Транстихоокеанского партнерства»[21].

По мнению автора, рост амбиций Китая на сегодняшний день выгоден России, поэтому она поддерживает «Пояс и путь» взамен на поддержку Пекином российских инициатив[22]. Но ниже он отмечает, что такую позицию определяют внешние обстоятельства, в частности конфронтация с Западом на фоне украинского кризиса.

Отмечена в этой части доклада и важность Центральной Азии для проектов России и Китая, в том числе членство в ЕАЭС Казахстана и Кыргызстана, а также взаимодействие с Таджикистаном и Узбекистаном[23].

Вторую часть исследования подготовили китайские авторы, которые, отмечая в целом потребность в хороших отношениях с Россией для противостояния доминированию США, пишут и о вызовах в рамках двустороннего взаимодействия. Среди таких вызовов – структурная несовместимость экономик[24] двух стран, значительный разрыв в ожиданиях Москвы и Пекина[25], а также «отсутствие координации между российским Евразийским экономическим союзом и китайской инициативой “Пояс и путь”»[26]. Авторы поясняют, что Восточная Европа и Центральная Азия играют ключевую роль для обеих инициатив и отмечают, что СНГ – это приоритетный регион как для Китая, так и для России. Однако Китай продвигает свой проект в СНГ с помощью двусторонних соглашений, в то время как Россия продвигает субрегиональное сотрудничество и пытается с помощью ЕАЭС создать механизм такого сотрудничества. И хотя Китай и Россия подписали соглашения о взаимодействии ЕАЭС и «Пояс и путь», ЕАЭС по-прежнему отказывается обсуждать соглашение о свободной торговле с Китаем и «на самом деле нет никаких конкретных механизмов координации “Пояса и пути” и ЕАЭС», и «если “Пояс и путь” и ЕАЭС продолжат движение по разным трекам, то недостаток координации создаст еще более серьезные проблемы для партнерства»[27].

«Успех ЕАЭС как единого экономического пространства также может создать дополнительные барьеры для выхода Китая на этот интегрированный рынок, несмотря на то, что ЕАЭС подписал соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем в 2018 году. Это соглашение не направлено на создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и Китаем»[28], – полагают авторы.

[20] *Ibid. P. 4–5.*
[21] *Ibid. P. 5.*
[22] *Ibid. P. 19.*
[23] *Ibid. P. 20.*
[24] *Ibid. P. 29.*
[25] *Ibid. P. 30.*
[26] *Ibid. P. 31.*
[27] *Ibid.*
[28] *Ibid. P. 31–32.*

Третья часть доклада, в которой российско-китайские отношения рассмотрены с позиций Токио, не содержит упоминаний ЕАЭС.

Косвенные упоминания

Д. Тренин в одной из своих статей, вышедшей в *China Daily* и републикованной на сайте *Carnegie Endowment for International Peace* (3), отмечает, что «Россия пообещала “гармонизировать” предложенную Китаем инициативу “Пояс и путь” с ее собственным экономическим интеграционным проектом – Евразийским экономическим союзом – и предложила свое видение Большого Евразийского партнерства»[29].

В другой статье этого автора на сайте того же think tank’а, посвященной встрече российского и китайского лидеров, ЕАЭС упоминается в том же контексте «сопряжения» с проектом «Пояс и путь». Автор полагает, что «в геоэкономическом отношении на востоке ЕС соседствует уже не только с Россией и ЕАЭС, но и с российско-постсоветско-китайским экономическим “сопряжением”. Несостоявшаяся Большая Европа от Лиссабона до Владивостока сменяется Большой Азией от Шанхая до Петербурга»[30].

Еще в одной публикации *Carnegie Endowment for International Peace* (3) с заголовком «Как разные страны реагируют на китайскую инициативу “Пояс и путь”?», подготовленной международным коллективом авторов, представляющих центры Карнеги в Москве, Европе, США, Китае, а также китайские исследовательские организации, говорится о том, что Россия с осторожностью воспринимает китайские инфраструктурные проекты, в частности не спешит предоставлять свою территорию и ресурсы для проектов, контролируемых Китаем, что сделало бы Москву более зависимой от Пекина. Авторы отмечают, что «Россия хочет быть уверена, что “Пояс и путь” не будет подрывать поддерживаемый Москвой Евразийский экономический союз, в который входят Армения, Беларусь, Казахстан и Кыргызстан. Она стремится “гармонизировать” ЕАЭС и “Пояс и путь”, имея в виду, что “Пояс и путь” должен работать с ЕАЭС, а не полностью затмевать его, одновременно укрепляя двусторонние связи со странами бывшего СССР»[31].

В статье *RAND Corporation* (6) «Тенденция к потеплению в китайско-российских отношениях» рассматривается современное состояние развивающихся двусторонних отношений между этими странами и опасность сближения между Москвой и Пекином для США. Хотя «Пояс и путь» и ЕАЭС упоминаются по отдельности, но речь в материале идет об обоих проектах.

Говоря о китайских амбициях, авторы отмечают, что КНР имеет потенциал для расширения своей коммерческой деятельности в глобальном масштабе, в том числе вполне возможно появление китаецентричной торговой и инвестиционной зоны в Евразии. Тогда как у России на сегодня аналогичных возможностей нет и она руководствуется

[29] Trenin D. Russia, China Are Key and Close Partners // Carnegie Endowment for International Peace, 05.06.2019. Url: https://carnegieendowment.org/publications/?fa=79262

[30] Тренин Д. Крупные, но уже не главные. Как России и Европе адаптироваться к противостоянию США и Китая // Московский центр Карнеги, 20.11.2019. Url: https://carnegie.ru/commentary/80191; англ. версия: Trenin D. European Security Is Becoming Euro-Asian // Carnegie Endowment for International Peace, 18.11.2019. Url: https://carnegieendowment.org/publications/80635

[31] Haenle P., Trenin D., Gabuev A., Valášek T., Baruah M. D., Feng Y., Ma B. How Are Various Countries Responding to China’s Belt and Road Initiative? // Carnegie Endowment for International Peace, 05.11.2019. Url: https://carnegieendowment.org/publications/?fa=79002

лишь тактическими соображениями, выступая в качестве «оппортунистического дезинтегратора». «Москва, которая когда-то рассчитывала стать процветающим экономическим посредником между Западной Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом, сегодня сосредоточена на куда более скромной цели расширения Евразийского экономического союза, который в настоящее время включает Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россию»[32].

ЕАЭС упоминается и в дискуссиях в рамках различных научно-практических мероприятий. Так, например, в семинаре *Council on Foreign Relations* (11), стенограмма которого опубликована на сайте этого аналитического центра, приняли участие специалисты по Африке, Ближнему Востоку и Китаю. Когда речь зашла об изменении российско-китайских отношений, были затронуты многие регионы, где присутствует Россия, среди них Африка, Ближний Восток, Латинская Америка, постсоветское пространство, в том числе Украина. По поводу взаимоотношений России и Китая завязалась дискуссия. *Э. Экономи* отметила, что Россия и Китай, особенно после прихода Си Цзиньпина к власти, поддерживают друг друга во многих вопросах и развивают экономические отношения. Она также напомнила, что «Россия была готова включить Евразийский экономический союз в контекст инициативы “Пояс и путь”». Также, по ее мнению, эти две страны практически не конкурируют между собой, а единственной областью, где возможен конфликт между странами, является Арктика[33].

Еще на одной конференции, организованной этой же «фабрикой мысли», обсуждалось то, как Китай осуществляет глобальное лидерство через свою внешнюю политику и инициативу «Пояс и путь». Тот же спикер следующим образом ответила на вопрос о роли Российской Федерации в китайской инициативе, с учетом того, что Россия прикладывает значительные усилия для повышения своей роли в тихоокеанском регионе, особенно в экономической плоскости, что можно трактовать и как попытку сдержать Китай: «Моя точка зрения относительно того, что происходит с Россией, например с ее Евразийским экономическим союзом, заключается в том, что она в принципе согласилась интегрироваться, объединить свои усилия в рамках “Пояса и пути”. Таким образом, было принято довольно четкое решение о том, что это будет совместная работа в рамках этих двух проектов, а не конкуренция. И это хорошо согласуется в широком смысле с логикой того, как развиваются в целом российско-китайские отношения»[34].

А в рамках дискуссии, организованной *Brookings Institution* (1) для обсуждения книги *А. Стент* «Мир Путина: Россия против Запада и вместе с остальными», одна из участниц, возражая другому спикеру относительно того, что большинство россиян согласны с позицией младшего партнера Китая, заявила, что если обратить внимание на нарративы российских медиа, то можно увидеть, что Путин выдвинул идею объединения Евразийского экономического союза с китайским проектом «Пояс и путь», потому что эти два проекта должны быть в какой-то степени интегрированы, особенно в Центральной Азии. Она также отмечает, что то, как это преподносится, имеет значение для внутренней российской аудитории, и информация активно подается в том ключе, что это Россия выступает лидером в отношениях с Китаем.

---

[32] Dobbins J., Shatz H., Wyne A. A Warming Trend in China–Russia Relations // RAND Corporation, 18.04.2019. Url: https://www.rand.org/blog/2019/04/a-warming-trend-in-china-russia-relations.html

[33] Global Outlook // Council on Foreign Relations, 11.04.2019. Url: https://www.cfr.org/event/global-outlook

[34] China's Belt and Road Initiative // Council on Foreign Relations, 16.10.2019. Url: https://www.cfr.org/conference-calls/chinas-belt-and-road-initiative

То, что этот подход работает, участница дискуссии проиллюстрировала примером из практики своей знакомой – профессора Высшей школы экономики, которая в ходе лекции рассказывала студентам, что Россия в отношениях с Китаем играет роль подчиненного партнера, второго игрока, а студенты отказались в это поверить[35].

В докладе *Belfer Center for Science and International Affairs* (14), посвященном отношениям в треугольнике Китай – ЕС – США, отдельный раздел посвящен китайской инициативе «Пояс и путь» и европейской реакции на нее. ЕАЭС также упомянут в связи с этой инициативой в следующем, заключительном разделе, в контексте российско-китайских отношений. В части с подзаголовком «Предотвратить переход России на сторону Китая на постоянной основе» отмечено, что Россия и Китай могут восприниматься как соперники в регионе, однако есть убедительные факты, которые говорят об обратном (голосование в ООН, военно-экономические связи, близость лидеров стран). «Что еще более важно, так это то, насколько решительно обе страны настроены развивать сотрудничество в рамках своих флагманских инициатив в Евразии: Евразийского экономического союза, возглавляемого Россией, и Китайской инициативы “Пояс и путь”. Зная, что Россия недовольна ростом китайского присутствия в своей традиционной сфере влияния в Центральной Азии, Пекин пытается успокоить Москву относительно своих намерений. Как и в других вопросах, китайские лидеры играют здесь вдолгую, понимая, что с учетом текущих демографических и экономических тенденций время на их стороне. В настоящее время общая цель китайско-российского “кондоминиума” в Евразии является весомой причиной для совместной работы и отказа от соперничества»[36].

EastWest Institute (58) опубликовал две статьи за авторством *Ф.-С. Гади*, посвященные перспективам российско-китайского сотрудничества. В одной из них обозначены точки соприкосновения и проблемные моменты двустороннего взаимодействия, в частности говорится: «Экономика является той сферой, где китайско-российское сотрудничество дает трещину в первую очередь. Экономика Китая примерно в восемь раз больше российской и имеет гораздо более высокие темпы роста. Своей инициативой “Пояс и путь” Китай агрессивно наращивает присутствие в Средней Азии и ослабляет Евразийский экономический союз Москвы»[37]. Во второй работе отмечается, что «Россия чувствует угрозу проникновения Китая в Центральную Азию с его инициативой “Пояс и путь”, которая ставит под угрозу российское превосходство в регионе, в том числе в возглавляемом Россией ЕАЭС. Этому сопутствуют опасения Москвы, что Пекин может подорвать традиционную роль России, как “провайдера безопасности” в регионе»[38].

Еще в одном тексте на сайте этого think tank’а, посвященном Бишкекскому саммиту ШОС, который состоялся в июне 2019 г., автор – индийский дипломат и исследователь – пишет, что Китай доминирует в ШОС даже в большей степени, чем это было раньше, благодаря своей растущей мощи. При этом «Центральная Азия является стержневым

[35] *The Brookings Institution Falk Auditorium Putin's World // Brookings Institution, 13.03.2019. Url: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/03/fp_20190313_putin_russia_transcript.pdf*

[36] *Sendagorta F. The Triangle in the Long Game: Rethinking Relations Between China, Europe, and the United States in the New Era of Strategic Competition // Belfer Center for Science and International Affairs, June 2019. P. 102. Url: https://www.belfercenter.org/sites/default/files/TriangleLongGame-FidelSendagorta.pdf*

[37] *Gady F.-S. China-Russia: The Entente Cordiale of the 21st Century? // EastWest Institute, 07.10.2019. Url: https://www.eastwest.ngo/idea/china-russia-entente-cordiale-21st-century*

[38] *Gady F.-S. Why the West Should Not Underestimate China-Russia Military Ties // EastWest Institute, 30.01.2019. Url: https://www.eastwest.ngo/idea/why-west-should-not-underestimate-china-russia-military-ties*

направлением проекта “Пояс и путь”, который надежно связывает этот регион с Китаем благодаря объектам инфраструктуры и нефте- и газопроводам. Россия поддерживает “Пояс и путь” для привлечения большего объема китайских инвестиций, а также для того, чтобы создать противовес Китаю и оказывать влияние на решения по проектам в регионе, и стремится к сопряжению проектов между ШОС и инициированным ей Евразийским экономическим союзом»[39].

Center for European Policy Analysis (66) опубликовал две статьи с упоминанием ЕАЭС, обе написаны одним автором и носят резко критический характер. Одна из них посвящена евразийским притязаниям Китая. В ней отмечается, что «Глобальные амбиции Китая воплощены в его инициативе “Пояс и путь”, объединяющей более 20 стран и направленной на развитие сухопутных и морских коридоров, связывающих Китай с Центральной Азией, Ближним Востоком и Европой. В отличие от несостоявшегося российского Евразийского экономического союза, евразийские амбиции Китая подкреплены значительными ресурсами». Также, по мнению автора, хоть в Кремле и рассматривают Пекин в качестве стратегического партнера, который может помочь в противостоянии с Западом, Китай представляет серьезную угрозу для евразийских устремлений Москвы, переориентируя центральноазиатские и другие государства, участвующие в проекте «Пояс и путь», находящиеся в орбите влияния Москвы, и «бросая вызов территориальной целостности России в Сибири и на Дальнем Востоке»[40]. Во второй – ЕАЭС упоминается в контексте выборов в Молдове, она будет рассмотрена в соответствующем тематическом блоке.

2.2. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Косвенные упоминания

Авторы статьи *Brookings Institution* (1) в части с подзаголовком «Где Центральная Азия находится сегодня и куда она движется?» задаются вопросом: насколько удалось странам региона интегрироваться после распада СССР? Их ответ: не очень. В этом контексте перечисляются экономические организации, в которых участвуют страны региона, в частности упоминается, что Казахстан и Кыргызстан являются членами ЕАЭС[41].

В свою очередь *Foreign Policy Research Institute* (38) опубликовал доклад с анализом ситуации в Узбекистане. Первое упоминание ЕАЭС встречается в описании Central Asia Initiative – проекта этой «фабрики мысли», в рамках которого был подготовлен доклад. В тексте сказано, что сейчас на передний план в Центральной Азии выходит молодое постсоветское поколение, которое вынуждено считаться с Россией и Китаем, которые формируют политику в регионе и продвигают ЕАЭС и «Пояс и путь»[42].

В основной части доклада говорится: «Как и лидеры других государств региона, Мирзиёев сейчас проводит “многовекторную” внешнюю политику, пытаясь избежать зависимости от какой-либо одной внешней силы». При этом отмечается, что Китай и

[39] Sibal K. PM Thinks Big at Bishkek Summit // EastWest Institute, 26.06.2019. Url: https://www.eastwest.ngo/idea/pm-thinks-big-bishkek-summit
[40] Bugajski J. China’s Eurasian Ambitions // Center for European Policy Analysis, 30.04.2019. Url: https://www.cepa.org/chinas-eurasian-ambitions
[41] Burunciuc L., Izvorski I. Encouraging transformations in Central Asia // Brookings Institution, 13.12.2019. Url: https://www.brookings.edu/blog/future-development/2019/12/13/encouraging-transformations-in-central-asia/
[42] Lemon E. Mirziyoyev’s Uzbekistan: Democratization or Authoritarian Upgrading? // Foreign Policy Research Institute, June 2019. 14 p. Url: https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2019/06/lemonrpe4.pdf

Россия остаются основными внешнеторговыми партнерами страны, с 19 и 18% от общего объема товарооборота соответственно. «Москва упростила таможенный режим для узбекского сельскохозяйственного экспорта и пообещала инвестировать в атомную электростанцию $13 млрд. От двух до трех миллионов узбеков работают в России, они отправили на Родину 3,9 млрд долл. в 2017 г., что делает Ташкент зависимым от Москвы. Тем не менее Узбекистану все же до сих пор удается противостоять попыткам России реинтегрировать его в ОДКБ, из которой Узбекистан вышел в 2012 году, и включить в Евразийский экономический союз»[43].

Еще одна статья этого же автора была опубликована *Migration Policy Institute* (43) и посвящена «туманным» перспективам экономического роста и снижению бедности в Таджикистане. В ней отмечается, что только по официальным данным МВД РФ ежегодно более 1 млн граждан Таджикистана (с населением 9 млн) едут в Россию на заработки, не считая тех, кто въезжает нелегально.

По мнению автора, в последнее время Россия проводит более жесткую ограничительную политику в отношении мигрантов из стран, не входящих ЕАЭС, в том числе Таджикистана. «Такая политика используется для давления на эту страну, с тем чтобы она присоединилась к ЕАЭС; правила для граждан государств, входящих в него, не столь строгие. В то время как стимулы для вступления Таджикистана в возглавляемый Россией экономический блок в основном связаны с ослаблением миграционных ограничений, самой России это позволит еще больше влиять на Таджикистан». Также в статье приводятся конкретные примеры ужесточения требований России к мигрантам из стран, не входящих в ЕАЭС[44].

Текст, опубликованный *Pacific Council on International Policy* (97), написан по материалам подкаста с записью разговора, в котором участвовали *Э. Сатыбалдиева* из *University of Kent, и П. Стронски*, сотрудник *Carnegie Endowment for International Peace* (3). Они обсуждали противостояние России, США и Китая в Центральной Азии. ЕАЭС упоминается как структура, созданная Россией в противовес китайской инициативе «Пояс и путь» и с помощью которой Россия надеялась диверсифицировать торговлю в свою пользу и повысить уровень использования рубля в регионе[45].

Отдельно выделим материалы, в которых упоминание ЕАЭС так или иначе связано с Казахстаном. Основной лейтмотив статьи, впервые опубликованной на сайте *National University of Singapore* и републикованной *Carnegie Endowment for International Peace* (3), а также *Belfer Center for Science and International Affairs* (14) и посвященной отношениям Китая и Казахстана, отражает вынесенный в лид статьи тезис: «В то время как Россия остается ближайшим политическим союзником Астаны, Китай постепенно становится главным экономическим партнером Казахстана». ЕАЭС упоминается как противовес китайскому проекту «Пояс и путь». «Китай инвестирует в Казахстане в железные и автомобильные дороги и особенно в проекты, связанные с энергетикой. Как страна, не имеющая выхода к морю, Казахстан закономерно является незаменимым игроком в проекте «Пояс и путь», который был анонсирован председателем Си Цзинь-

[43] *Ibid. P. 12–13.*

[44] *Lemon E. Dependent on Remittances, Tajikistan's Long-Term Prospects for Economic Growth and Poverty Reduction Remain Dim // Migration Policy Institute, 14.11.2019. Url: https://www.migrationpolicy.org/article/dependent-remittances-tajikistan-prospects-dim-economic-growth*

[45] *Stewart G., Quillian S. Sitting on the Sidelines? U.S. Decline in Central Asia // Pacific Council on International Policy, 20.02.2019. Url: https://www.pacificcouncil.org/newsroom/sitting-sidelines-us-decline-central-asia*

пином в Астане в 2013 году. В данном проекте Казахстану была предложена ключевая позиция в построенной Китаем инфраструктурной сети, включающей железные и автомобильные дороги, цифровое оборудование, порты, аэропорты и энергетические станции, не забыто и "видение свободной торговли во всем регионе". Всегда стремящийся к соблюдению регионального баланса, президент Нурсултан Назарбаев также выступил с собственной инициативой, инфраструктурной программой под названием "Нурлы жол", позволяющей Казахстану построить свой собственный "Шелковый путь". Астана также присоединилась к Евразийскому экономическому союзу – таможенному союзу под эгидой России»[46] [47].

В большом докладе *Asia Society Policy Institute* (42), подготовленном группой исследователей при поддержке Государственного департамента США и в партнерстве с *Center for Strategic and International Studies* (2), представлен анализ публичной дипломатии Китая в Южной и Центральной Азии. В его рамках было проведено интервьюирование 216 государственных служащих, представителей гражданского общества, ученых, журналистов и дипломатов из 145 организаций, которые ответили на вопросы о китайской публичной дипломатии в Бангладеш, Казахстане, на Мальдивах, в Непале, Шри-Ланке и Узбекистане.

ЕАЭС в этом документе, содержательная часть которого составляет около 70 страниц, упомянут лишь однажды. Авторы отмечают, что казахские лидеры рассматривают Пекин в качестве экономического партнера, который обеспечит политические рычаги, однако вряд ли он вытеснит Москву как основного партнера Казахстана в сфере безопасности. «Исторически Россия была самым влиятельным внешним игроком в Казахстане. Эти страны имеют глубокие лингвистические, культурные и политические связи, а также являются государствами – основателями Евразийского экономического союза. Однако Казахстан защищает свой суверенитет, и после обретения независимости от СССР президент Нурсултан Назарбаев стремился развивать отношения с США, Европейским союзом и Пекином в противовес российской гегемонии. Бывший президент ввел термин "многовекторная внешняя политика" для описания подхода Казахстана к обеспечению сбалансированных отношений с Китаем, Россией и другими странами»[48], – говорится в докладе.

Center for the National Interest (48) приводит тезисы выступления казахского дипломата К. Умарова, встреча с которым была организована этим think tank'ом. В ходе встречи обсуждались вопросы, связанные с Украиной, отношения Казахстана с Россией и Западом, Иран и важность экономического развития Центральной Азии. Посол подчеркнул, что регион Центральной Азии не должен быть жертвой современной «большой игры» между Западом и Россией, а Казахстан желает сохранить хорошие отношения со всеми странами Запада, Россией и Украиной.

Говоря о текущей ситуации в Евразийском экономическом союзе, посол Умаров признал, что сегодня не все идет гладко. При этом подчеркнув, что Казахстан остается приверженным этому проекту и считает, что в долгосрочной перспективе он покажет

[46] *Le Corre P. Kazakhs Wary of Chinese Embrace as BRI Gathers Steam Africa // Carnegie Endowment for International Peace, 28.02.2019. Url: https://carnegieendowment.org/2019/02/28/kazakhs-wary-of-chinese-embrace-as-bri-gathers-steam-pub-78545*

[47] *Le Corre P. Kazakhs Wary of Chinese Embrace as BRI Gathers Steam // Belfer Center for Science and International Affairs, 26.02.2019. Url: https://www.belfercenter.org/publication/kazakhs-wary-chinese-embrace-bri-gathers-steam*

[48] *Custer S., Sethi T., Solis J., Lin J. J. , Ghose S., Gupta A., Knight R., Baehr A. Silk Road Diplomacy: Deconstructing Beijing's Toolkit to Influence South and Central Asia // Asia Society Policy Institute, December 2019. P. 46. Url: https://asiasociety.org/sites/default/files/2019-12/Silk%20Road%20Diplomacy%20-%20FULL%20REPORT.pdf*

свою силу. «Казахстан не считает, что членство в Евразийском экономическом союзе и прочные экономические отношения с Европейским союзом носят взаимоисключающий характер», – пояснил посол, указав на то, что Евросоюз является ведущим торговым партнером Казахстана. Сотрудничество с крупнейшими державами по развитию инфраструктуры региона является одним из приоритетов во внешнеполитической повестке Казахстана, который приветствует все инициативы, независимо от того, исходят ли они от России, Китая или Соединенных Штатов[49].

2.3. ЮЖНЫЙ КАВКАЗ И КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН

Прямые упоминания

В докладе Heritage Foundation (4), анализирующем американскую политику в Каспийском регионе, ЕАЭС упоминается неоднократно. В разделе, посвященном внешним игрокам в регионе, рассматривается в том числе и деятельность России, которая, по мнению автора, «максимизирует свое влияние в регионе экономическими, дипломатическими и военными средствами», имеет самый большой военно-морской флот на Каспийское море, а российские предприятия и инвестиции можно найти в каждой из Прикаспийских стран. Также говорится, что Россия предпринимает «попытки связать столицы стран региона» (эта же фраза использована еще в одном докладе Heritage Foundation (4), см. ниже[75]), что ей удается «с переменным успехом»[50].

В разделе с рекомендациями описано, как следовало бы действовать Соединенным Штатам, среди прочего указано: «Поощрять страны региона держаться подальше от организаций, в которых доминирует Россия»; и дано следующее пояснение: «Российский Евразийский экономический союз и Организация Договора о коллективной безопасности – это реакционные (retrograde) структуры, которые служат только интересам России в ущерб другим государствам-членам. США следует поощрять страны региона, чтобы те поддерживали дружественные отношения с Россией, но не находились в подчиненном по отношению к ней положении»[51]. Кроме того, автор отмечает, что лишь Казахстан из стран региона входит в ЕАЭС[52] и что после получения в 1991 г. независимости Казахстан выработал собственную региональную политику и старается проводить ее независимо от России, «несмотря на это, Нур-Султан сохраняет тесные связи с Москвой благодаря членству в поддерживаемых Россией ЕАЭС и ОДКБ»[53]. Также, по мнению автора доклада, Казахстан беспокоит влияние России в преимущественно русскоязычных регионах страны, и в целом для этой страны «членство в Евразийском экономическом союзе скорее обязательство, чем выгода»[54].

Кроме того, ЕАЭС упоминается в документе в контексте политики Туркменистана, который, с одной стороны, «склоняется к изоляционизму» и «несмотря на хорошие отношения со своими прикаспийскими соседями воздержался от вступления в ЕАЭС или ОДКБ. Несмотря на это, отношения Туркменистана с Россией в последние годы становятся все более тесными»[55].

---

[49] A Conversation with Kazakh Ambassador Kairat Umarov // Center for the National Interest. Url: https://cftni.org/recent-events/a-conversation-with-his-excellency-kairat-umarov-ambassador-of-kazakhstan/
[50] Coffey L. Time for a U.S. Strategy in the Caspian // Heritage Foundation. Special Report, August 2019. P. 12. Url: https://www.heritage.org/sites/default/files/2019-08/SR216.pdf
[51] Ibid. P. 38.
[52] Ibid. P. 13.
[53] Ibid. P. 17.
[54] Ibid. P. 39.
[55] Ibid. P. 21.

Косвенные упоминания

В статье *Московского Центра Карнеги* и *Carnegie Endowment for International Peace* (3), посвященной отношениям Китая и стран Южного Кавказа, ЕАЭС упоминается в контексте участия Армении в инфраструктурных проектах интересных КНР. Автор отмечает, что «из четырех границ у страны открыты только две, с Грузией и Ираном, поэтому во многих региональных логистических и энергетических проектах она не участвует. Тем не менее Пекин рассматривает и это направление – как связующее звено между Евразийским экономическим союзом и Тегераном. По импорту в Армению Китай уже занимает второе место после ее стратегического союзника России»[56].

А в докладе этого американского think tank'а, посвященном совершенствованию американской поддержки «постреволюционных реформ» в Армении, в части с подзаголовком «Поощрение западных инвестиций», отмечается, что несколько сфер требуют особого внимания, в частности «Соединенным Штатам следует сотрудничать с другими западными партнерами для сокращения ограничений, налагаемых на Армению вступлением в Евразийский экономический союз. Сомнительные выгоды союза, ограничения на торговлю с другими странами и низкие объемы торговли стали стратегическим поражением для страны. Москва пригрозила лишить Армению гарантий безопасности, если она подпишет соглашение об ассоциации с ЕС, надавив на Ереван, чтобы он присоединился к ЕАЭС в 2013 г.»[57].

2.4. БЕЛАРУСЬ И СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО

Прямые упоминания

В докладе белорусского автора «Беларусь – Россия: от стратегической сделки к интеграционному ультиматуму», изданном *Foreign Policy Research Institute* (38), отмечается, что Россия предоставляет Беларуси экономические привилегии в обмен на политическую лояльность, но в последние годы в этих связях царит напряжение, усугубленное в том числе украинским кризисом, в котором Минск отказался полностью поддержать Москву.

Собственно ЕАЭС упоминается в докладе четырежды. Так, автор напоминает, что до 2015 г. Беларусь могла закупать российскую нефть в два раза дешевле рыночной цены, сейчас скидка составляет 25–30%, а в будущем эти субсидии, скорее всего, исчезнут, так как ЕАЭС, членами которого являются и Россия, и Беларусь, рассчитывает к 2025 г. создать единый рынок нефти и газа. Упоминается в тексте и «налоговый маневр»[58].

Кроме того, ЕАЭС упоминается в разделе «Стратегический поворот 2015 г.: принуждение к более глубокой военно-политической интеграции»: «До 2014 г. Москва пыталась усилить свое влияние на постсоветском пространстве с помощью Евразийской экономической интеграции и мягкой силы. Однако неспособность Кремля помешать евроатлантической интеграции Украины в конце 2013 г. привела к тому, что Россия

[56] *Маркедонов С. Не только Пояс и путь. Чего ждут друг от друга Китай и Южный Кавказ // Московский центр Карнеги, 31.10.2019. Url: https://carnegie.ru/commentary/80239; англ. версия: Markedonov S. China Makes Inroads Into South Caucasus // Carnegie Endowment for International Peace, 05.11.2019. Url: https://carnegieendowment.org/publications/80268*

[57] *Jennings S. R. Upgrading U.S. Support for Armenia's Postrevolution Reforms // Carnegie Endowment for International Peace, February 2019. P. 5. Url: https://carnegieendowment.org/files/2–14_Jennings_Armenia.pdf*

[58] *Sivitsky A. Belarus-Russia: From a Strategic Deal to an Integration Ultimatum // Foreign Policy Research Institute, December 2019. P. 6. Url: https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2019/12/rfp3-sivitsky.pdf*

открыто вмешалась во внутренние дела Украины, аннексировала Крым и дестабилизировала Донбасс. В 2009–2013 гг. Кремль сосредоточился на формировании Таможенного союза и ЕАЭС – интеграционного института, подобного ЕС – как самостоятельного интеграционного центра. Москва рассчитывала, что ЕАЭС выведет постсоветские страны на свою геополитическую орбиту и поможет выстроить равноправные отношения между Москвой, Брюсселем и Пекином»[59].

Также в докладе идет речь о том, что на российско-белорусской границе с 2016 г. были размещены пограничные подразделения ФСБ и Федеральной таможенной службы, что нарушает существующие соглашения между странами. «Россия заявляет, что эти шаги направлены на защиту России от потоков нелегальной миграции и запрещенных западных продуктов питания, которые идут через Беларусь и другие государства – члены ЕАЭС. Однако эти меры могут легко трансформироваться в полноценную блокаду». По мнению автора, такие шаги нарушают как дух существующих соглашений, так и их букву[60].

Косвенные упоминания

Московским Центром Карнеги и *Carnegie Endowment for International Peace* (3) был опубликован материал, посвященный проблемным вопросам в российско-белорусских отношениях. Его автор отмечает, что «Беларусь теряет миллиарды долларов доходов на беспошлинной нефти после налогового маневра в России. Этот маневр и его компенсация российским нефтеперерабатывающим заводам нарушает договоренности о ЕАЭС, считают в Минске. Москва заняла принципиально новую позицию и предложила в ответ глубокую интеграцию в Союзном государстве»[61].

Тот же автор в другой своей статье отмечает: «Беларусь исходит из того, что вступала в Евразийский союз под гарантии неухудшения условий торговли, особенно торговли нефтью». И приводит позицию белорусского замминистра финансов А. Белковца, который заявил, что переговоры по вопросам нефти идут сложно и «если компенсации не будет, то Минск задумается, нужен ли ему вообще Евразийский союз», а также позицию президента А. Лукашенко, который повторил тезис «нет равных условий – нет союза» на саммите ЕАЭС Санкт-Петербурге. Также автор приводит слова из резонансного интервью российского посла в Беларуси М. Бабича, который «предложил Минску выбор – реанимировать и доделать Союзное государство или работать по правилам ЕАЭС»[62].

В статье *Heritage Foundation* (4) рассматриваются отношения США и Беларуси, а также российское влияние на эту страну, среди прочих поднят вопрос поставок российской нефти в Беларусь и связанные с этим проблемы Минска. В этом контексте отмечается, что «Беларусь и Россия также являются членами ЕАЭС, который создан для

---

[59] Ibid. P. 8.
[60] Ibid. P. 11.
[61] Шрайбман А. Обострение после чая. Почему Минск шумно разругался с российским послом // Московский центр Карнеги, 19.03.2019. Url: https://carnegie.ru/commentary/78609; англ. версия: Shraibman A. War of Words Pushes Belarus – Russia Relations to the Brink // Carnegie Endowment for International Peace, 26.03.2019. Url: https://carnegieendowment.org/publications/78682
[62] Шрайбман А. Деньги или суверенитет. Чем закончится нефтяной спор Москвы и Минска Московский центр Карнеги, 20.12.2018. Url: https://carnegie.ru/commentary/77999; англ. версия: Shraibman A. Money or Sovereignty? What an Oil Dispute Portends for Russian-Belarusian Relations // Carnegie Endowment for International Peace, 10.01.2019. Url: https://carnegieendowment.org/publications/78096

обеспечения свободного перемещения капиталов, товаров и людей по всему Евразийскому региону. Однако Россия использует ЕАЭС, чтобы распространить свое доминирующее экономическое влияние еще на несколько евразийских государств – Армению, Казахстан и Кыргызстан»[63].

2.5. МОЛДОВА И УКРАИНА

Косвенные упоминания

В статье *Wilson Center* (5) приводится анализ расклада сил перед парламентскими выборами 2019 г. в Молдове. ЕАЭС упомянут в контексте пророссийской позиции молдавского президента: «Додон и его коллеги-социалисты не призывают отказаться от отношений Молдовы с ЕС, но выступают за более тесные связи с Евразийским экономическим союзом, в котором Молдова уже получила статус наблюдателя вскоре после вступления Додона в должность в 2017 г.»[64].

Belfer Center for Science and International Affairs (14) в одной из своих публикаций анализирует указ Путина об упрощенном гражданстве для жителей некоторых регионов Украины, а также миграционные потоки в России в целом. Отмечается, что в условиях назревающего демографического кризиса и нехватки рабочей силы Россия нуждается в украинских мигрантах, которые устраивают Москву по всем параметрам и выигрывают у граждан других стран. Для реализации этой идеи «Россия надеялась во времена Януковича привлечь Украину в возглавляемый Москвой ЕАЭС, что увеличило бы потенциал союза по рабочей силе на 22%». Но «постянуковичевская» Украина повернулась в сторону ЕС, «в результате украинцы стали рекордсменами по числу получивших видов на жительство в ЕС (в 2017 г. – 662 000 человек, большинство в Польше)»[65]. Автор также пишет: «В то время как надежды Путина на интеграцию Украины в Евразийский экономический союз были разрушены революцией 2014 г., российское руководство отказалось уступить в борьбе с ЕС за сокращающиеся украинские трудовые ресурсы, и указ Путина от 24 апреля является свежим свидетельством решимости продолжить эту борьбу»[66].

---

[63] *Mrachek A. U.S. Relations with Belarus and the Russia Effect // Heritage Foundation, 12.08.2019. Url: https://www.heritage.org/europe/report/us-relations-belarus-and-the-russia-effect*

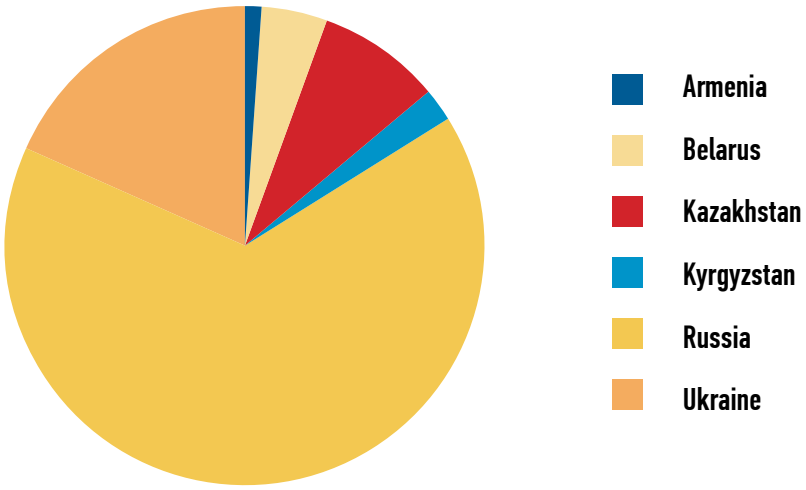
[64] *Hill W. Moldova's Upcoming Election: What's at Stake? // Wilson Center, 14.02.2019. Url: https://www.wilsoncenter.org/blog-post/moldovas-upcoming-election-whats-stake*

[65] *Saradzhyan S. Key to Putin's Passport Offers to Ukrainians? Russia's Shrinking Labor Force // Belfer Center for Science and International Affairs, 30.04.2019. Url: https://www.belfercenter.org/publication/key-putins-passport-offers-ukrainians-russias-shrinking-labor-force*

[66] *Ibid.*

Кроме того, в тексте представлена диаграмма с оценкой трудовых ресурсов ЕАЭС с учетом Украины и без[67]:

SIZE OF LABOR FORCE IN YEAR 2018, mn



	Eurasian Economic Union	Eurasian Economic Union with Ukraine	% difference
Labor force, 2018, in millions	91.9	112/1	22%
GDR, constant dollars, 2017, in billions	1958.7	2086	6%

В докладе *Foreign Policy Research Institute* (38), посвященном войне на Донбассе, отмечается, что отказ Януковича в последний момент подписать соглашение с ЕС «в пользу членства в ЕАЭС, с центром в России и кредитной линии от России» подтолкнул людей, многие из которых были выходцами с Западной Украины к протестам. «Протесты были вызваны не только очевидным отходом Украины от Запада в сторону России, но и народным гневом против коррумпированного авторитарного режима Януковича»[68].

А автор статьи «Российский неоимпериализм на Украине и в Греции», опубликованной этим же исследовательским центром, пишет, что с начала 2000-х гг. режим Путина использовал углеводороды как инструмент влияния на внутренние дела Украины. А «смена власти в 2010 г. привела к тому, что пророссийски настроенный Виктор Янукович стал президентом. После отказа в 2013 г. от торгового соглашения с ЕС и согласия на вступление *(так в тексте. – Прим. Р. Т., А. А.)* в российский Евразийский экономический союз новая рука Кремля в Украине заручилась кредитом в размере 15 млрд от России; в итоге Газпром снизил цены на газ для Украины на 131,5 долл. США за тыс. куб. м. Подкуп марионеточного правительства в Киеве был настолько заметным, что он фактически и спровоцировал Евромайдан в конце 2013 г., который привел к падению режима Януковича»[69].

[67] *Ibid.*

[68] *Hamilton R. Five Years of War in the Donbas // Foreign Policy Research Institute, October 2019. P. 8. Url: https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2019/10/five-years-of-war-in-the-donbas.pdf*

[69] *Grashkin A. Russian Neo-Imperialism in Ukraine and Greece // Foreign Policy Research Institute, 31.07.2019. Url:*

В статье *Center for European Policy Analysis* (66) с говорящим названием «Путинский календарь подрывной деятельности», среди прочего отмечено: «Политика Кремля ориентирована на реализацию конкретных возможностей (влияния – *Р. Т., А. А.*) на ключевых выборах в нескольких соседних государствах. Первые на очереди – парламентские выборы в Молдове 24 февраля, как и в предыдущих избирательных кампаниях, Москва будет финансировать и продвигать партии и политиков, которые являются евроскептиками и поддерживают связи с Россией и ее Евразийским экономическим союзом»[70].

2.6. ЕВРОСОЮЗ

Косвенные упоминания

Автор одного из докладов Carnegie *Endowment for International Peace* (3) вспоминает о концепции интеграции интеграций, предложенной А. Лукашенко в статье 2011 г., и метафоре Путина, который назвал «различные интеграционные проекты, такие как ЕС и новый евразийский рынок, строительными блоками новой европейской безопасности и экономического пространства». Также в тексте отмечается что в «2015 г. тогдашний замминистра иностранных дел России Алексей Мешков развил концепцию, заявив, что она подразумевает сотрудничество между ЕАЭС и ЕС по экономическим вопросам, а также между европейскими и евразийскими структурами безопасности (включая ОБСЕ и возглавляемую Россией ОДКБ) по вопросам европейской безопасности»[71].

Еще в одном докладе этого аналитического центра с анализом американской политики по отношению к России за последние 30 лет, содержательная часть которого насчитывает более 40 страниц, ЕАЭС упомянут лишь однажды:: «Судя по войнам России против Грузии и Украины и настойчивым требованиям Кремля, чтобы другие постсоветские государства присоединились к возглавляемому Россией Евразийскому экономическому союзу вместо того, чтобы стремиться к более тесным связям с ЕС, соглашение о безопасности, за которое выступает Москва (речь о проекте Договора о европейской безопасности, предложенном президентом Д. Медведевым – *Р. Т., А. А.*) напоминает разделение Европы на сферы влияния в стиле девятнадцатого века»[72].

Большая аналитическая статья на сайте *Center for American Progress* (8) посвящена Европейскому союзу и политике США в этом регионе: возрождению трансатлантического альянса, углублению отношений между США и набирающей мощь Европой для «создания мощного либерального оплота против растущей волны авторитаризма». Идет речь в материале и о кризисе в НАТО, а также внутренних проблемах ЕС.

ЕАЭС упомянут в части статьи, посвященной России: «Для Кремля Европейский союз представляет собой особый вызов. Успех и привлекательность Европейского союза – это потенциальная угроза для Кремля и жизнеспособности режима Владимира Путина. Вопрос о том, заключать ли соглашение об экономической ассоциации с Европейским

https://www.fpri.org/article/2019/07/russian-neo-imperialism-in-ukraine-and-greece/

[70] *Bugajski J. Putin's Calendar of Subversion // Center for European Policy Analysis, 21.01.2019. Url: https://www.cepa.org/putins-calendar-of-subversion*

[71] *Remler P. Russia and Cooperative Security in Europe: Times Change, Tactics Remain // Carnegie Endowment for International Peace, August 2019. P. 7–8. Url: https://carnegieendowment.org/files/7-10-19_Remler_Collective_Security.pdf*

[72] *Rumer E., Sokolsky R. Thirty Years of U.S. Policy Toward Russia: Can the Vicious Circle Be Broken? // Carnegie Endowment for International Peace. 2019. P. 23. Url: https://carnegieendowment.org/files/RumerSokolsky_USRussia_final_web.pdf*

союзом, спровоцировал “майдан” в Украине, поскольку решение тогдашнего президента Украины В. Януковича о присоединении к российскому Евразийскому экономическому союзу привело к тому, что тысячи людей вышли на улицы, и, в конечном итоге, к падению правительства Януковича. С точки зрения Кремля: если привлекательность Евросоюза могла привести к революции в Киеве, то почему такого не может случиться в Москве?»[73].

В экономическом исследовании «Теория экономических союзов», опубликованном *National Bureau of Economic Research* (21), авторы разрабатывают теоретические основы для изучения воздействия на торговлю, распределение доходов и благосостояние экономических союзов, а также указывают на политические противоречия в связи с этими характеристиками. Основное внимание уделено Евросоюзу, ЕАЭС упомянут один раз, в сноске. В тексте указано, что экономические союзы – это не только европейское явление, а в сноске указан ряд союзов не из европейского региона, в числе которых ЕАЭС[74].

2.7. СЕРБИЯ

Косвенные упоминания

Автор доклада *Carnegie Endowment for International Peace* (3), посвященного роли России в косовском конфликте, полагает, что Россия не заинтересована в решении этого конфликта, в частности потому, что полное признание Косова положило бы конец зависимости Сербии от международной поддержки России. И если бы косовский вопрос не сдерживал Сербию, она могла бы быстрее двигаться к вступлению в ЕС и углубить сотрудничество с НАТО. А прогресс по этим направлениям зависит от того, насколько последовательно Сербия будет двигаться в фарватере политики ЕС и НАТО в отношении России.

«Что, возможно, могло бы включать введение виз для российских граждан, присоединение к санкциям ЕС против России и отказ от соглашения о свободной торговле с Евразийским экономическим союзом – экономическим альянсом Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России, в котором доминирует Москва»[75]. Также автор отмечает активизацию России в регионе, результатом которой, собственно, и стало то, что после долгих лет переговоров Кремль «наконец убедил Сербию подписать соглашение о свободной торговле с возглавляемым Москвой ЕАЭС». По мнению автора доклада, это соглашение мало что поменяло в экономическом плане, т. к. у Сербии и так были подписаны двусторонние соглашения о свободной торговле с Россией, Беларусью и Казахстаном, тем не менее оно имеет большое символическое значение[76].

В статье *Heritage Foundation* (4) ЕАЭС также упоминается в контексте стратегического сотрудничества между Россией и Сербией в экономической сфере, в частности отмечается, что «в ходе государственного визита в Сербию в январе 2019 г. В. Путин заявил о желании подписать до конца года соглашение о свободной торговле между Сербией и возглавляемым Россией Евразийским экономическим союзом»[77].

---

[73] Bergmann M. Embrace the Union // Center for American Progress, 31.10.2019. Url: https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2019/10/31/476483/embrace-the-union/

[74] Gancia G., Ponzetto G., Ventura J. A Theory of Economic Unions // National Bureau of Economic Research, November 2019. 44 p. Url: https://www.nber.org/papers/w26473.pdf

[75] Samorukov M. A Spoiler in the Balkans? Russia and the Final Resolution of the Kosovo Conflict // Carnegie Endowment for International Peace, November 2019. P. 4. Url: https://carnegieendowment.org/files/WP_Samorukov_Balkans_v2.pdf

[76] Ibid. P. 8.

[77] Coffey L., Kochis D. Five Principles for U.S. Special Envoy to Guide Peace Talks Between Kosovo and Serbia // Heritage Foundation, 11.10.2019. Url: https://www.heritage.org/europe/report/five-principles-us-special-envoy-guide-peace-

Эта же цитата приведена[78] в развернутом, более чем пятисотстраничном докладе этого фонда, посвященном анализу военного потенциала США. Кроме того, ЕАЭС там упоминается еще раз: «Сегодня, как и в царские времена, Россия пытается оказывать влияние и пером, и мечом. Такие структуры, как Организация Договора о коллективной безопасности или Евразийский экономический союз, пытаются связать столицы стран региона с Москвой посредством ряда соглашений и договоров»[79].

2.8. БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Косвенные упоминания

В докладе *Carnegie Endowment for International Peace* (3) рассматривается российская политика на Ближнем Востоке; ЕАЭС упомянут в контексте «неуклонно улучшающихся с точки зрения Путина» отношений с Израилем. Автор отмечает, что премьер-министры Израиля многократно приезжали в Россию, а Путин дважды (на момент подготовки доклада) посещал Израиль; товарооборот между Россией и Израилем в 2017 г. вырос на 25%, хотя и остается относительно небольшим с общей суммой около 2 млрд долл., а «Израиль ведет переговоры о заключении соглашения о свободной торговле с Россией и с Евразийским Экономическим союзом – экономическим блоком, который неоднократно подвергался обвинениям на Западе в том, что он является инструментом российского неоимпериализма»[80].

В комментарии для *Middle East Institute* (55) в рамках одного из еженедельных брифингов *А. Ватанка* (соавтор другого материала, рассмотренного ниже) сделал акцент на углублении российско-иранских связей, в первую очередь экономических. По его мнению, в неблагоприятных для иранцев условиях можно ожидать, что Тегеран пойдет на некоторые уступки, потому что это сотрудничество нужно в первую очередь Ирану. Россия же со своей стороны годами «жаловалась» на то, что Тегеран отдает предпочтение Западу, хотя тот постоянно подводил Иран, уступая американским требованиям. Но автор отмечает, что в этот раз, возможно, все будет по-другому, потому что «в конце октября Иран собирается заключить соглашение о свободной торговле с возглавляемым Россией Евразийским экономическим союзом. Это может привести к укреплению экономических связей, росту торговли и инвестиций, но прежде чем говорить о новой эпохе в российско-иранских экономических отношениях, необходимо предпринять гораздо более серьезные шаги»[81].

Еще одна публикация *Middle East Institute* (55) посвящена проблемам восприятия американскими политиками Ближнего Востока и бывших советских республик. По мнению авторов, 30 лет назад рухнула не только «Берлинская стена», но «стена» между Ближним Востоком и бывшими советскими республиками, однако она все еще сохраняется в восприятии региона американскими политиками. Авторы считают, что их нужно

talks-between-kosovo-and-serbia

[78] 2020 Index of U.S. Military Strength / edited by D. L. Wood // Heritage Foundation, 2020. P. 217. https://www.heritage.org/sites/default/files/2019-11/2020_IndexOfUSMilitaryStrength_WEB.pdf

[79] Ibid. P. 206.

[80] Rumer E. Russia in the Middle East: Jack of all Trades, Master of None // Carnegie Endowment for International Peace, October 2019. P. 14. Url: https://carnegieendowment.org/files/WP-Rumer-MiddleEast.pdf

[81] Weekly Briefing: A US-Taliban agreement but no sign of peace in Afghanistan // Middle East Institute, 03.09.2019. Url: https://www.mei.edu/publications/weekly-briefing-us-taliban-agreement-no-sign-peace-afghanistan

изучать во взаимосвязи, и главным связующим звеном является Иран, а «комплексное изучение Ближнего Востока и соседних Центральной Азии и Кавказа может обеспечить лучшее понимание политики России на Ближнем Востоке». В статье отмечено, что одной из основных целей внешней политики России является борьба с доминированием доллара США в международной торговле; для достижения этой цели Москва планирует использовать ЕАЭС, в состав которого входят государства Центральной Азии. Кроме того, соглашение о свободной торговле с этой организацией подписал и Иран. Авторы подчеркивают, что «комплексный взгляд на Центральную Азию, Россию и Иран помогает понять перспективы различных конкурирующих торговых путей между Европой и Азией»[82].

2.9. АФРИКА И АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН

Косвенные упоминания

В докладе *Carnegie Endowment for International Peace* (3) идет речь о «возвращении России в Африку» (подробнее о самом докладе можно прочесть в рецензии на сайте проекта RAVision[83]). Отмечаются усилия, предпринятые Москвой в течение последнего времени для углубления экономических связей между Россией и Африкой, в частности об организации саммита «Россия – Африка» в октябре 2019 г. «Эти усилия были поддержаны российским правительством при участии Министерства торговли и промышленности, Министерства иностранных дел, Российского экспортного центра, Фонда “Росконгресс”, Российского совета по международным делам и Евразийского экономического союза, в котором доминирует Россия»[84], – говорится в докладе.

Самому саммиту и укреплению российско-египетских отношений на фоне того, что лидер Египта выступил в качестве сопредседателя саммита «Россия – Африка», посвящена одна из статей *Middle East Institute* (55). В ней отмечается качественное развитие российско-египетских отношений, в том числе рост двусторонней торговли. По мнению автора, расширение российско-египетских торговых связей побудило Москву анонсировать создание зоны свободной торговли, включающей Израиль и Египет, аналогичной той, что была подписана с Ираном. «Экономический эффект от этой зоны свободной торговли скорее всего будет достаточно далеким от официально заявленных Россией ожиданий, но она может иметь символическое значение и дать импульс ЕАЭС, возглавляемому Россией, который пытается преодолеть проблемы с низким торговым оборотом»[85].

А в докладе *Institute for the Study of War* (94) о политике Кремля в Африке отмечается, что «Россия пытается улучшить дипломатический ландшафт, строить или восстанавливать связи и подписывать новые рамочные соглашения с государствами по всей Африке». Кроме того, «Кремль намерен подписать меморандум о сотрудничестве между Африканским союзом и Евразийским экономическим союзом». Отме-

[82] Shaffer B., Vatanka A. The fall of the other wall // Middle East Institute, 07.11.2019. Url: https://www.mei.edu/publications/fall-other-wall
[83] Маслова А. Центр Карнеги: Россия в Африке не может конкурировать с США // RAVision, 20.10.2019. Url: http://ravision2030.com/page9236481.html
[84] Stronski P. Late to the Party: Russia's Return to Africa // Carnegie Endowment for International Peace, October 2019. P 8. Url: https://carnegieendowment.org/files/WP_Paul_Stronski_-_Russia-Africa-v31.pdf
[85] Ramani S. Sochi summit highlights growing Russia-Egypt ties // Middle East Institute, 05.11.2019. Url: https://www.mei.edu/publications/sochi-summit-highlights-growing-russia-egypt-ties

чается также, что, несмотря на некоторые успехи в Африке, усилия Россия по ряду направлений, в частности по заключению Соглашения о свободной торговле между Египтом и ЕАЭС (в тексте доклада ошибочно написано *European Economic Union*), пробуксовывают[86].

Также одна из авторов этого доклада *Н. Бугаева* в рамках подкаста, организованного *Institute for the Study of War* (94) по той же проблематике, отвечая на вопрос относительно целей российской внешней политики и того, как в них вписывается африканский континент, сказала, что «одной из целей саммита в Сочи является подписание соглашения о свободной торговле между Африканским союзом и Евразийским экономическим союзом», что представляет собой часть более широкой кампании Кремля по созданию сети формальных и неформальных альянсов, которые тяготеют к России. А в целом политику России в Африке следует рассматривать в контексте выстраивания взаимоотношений с Китаем, в частности с тем, чтобы сбалансировать «Великую экспансию Китая»[87].

Один из докладов *Foreign Policy Research Institute* (38) посвящен российской экономической политике в Азиатско-Тихоокеанском регионе, главным образом взаимоотношениям с Китаем. ЕАЭС упомянут в контексте российских реформ, известных как «нефтяной налоговый маневр». Отмечается, что именно в это время происходило его создание. «ЕАЭС должен был стать экономическим противовесом Европейскому союзу и способствовать созданию общего рынка и регуляторного пространства России и ключевых соседних государств, таких как Казахстан, Украина и Беларусь. Российский Минфин утверждал, что отмена экспортных пошлин необходима для создания общего энергетического рынка в рамках ЕАЭС и ограничения ценовых диспропорций между внутренними и внешними ценами на топливо»[88].

Вопросы торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в том числе в свете торговой войны между США и Китаем, рассмотрены в докладе Asia Society Policy Institute (42). ЕАЭС упоминается в списке Соглашений о свободной торговле в Азии между региональными акторами. Из 15 приведенных соглашений, переговоры по которым находятся на различных этапах, ЕАЭС упомянут в двух – Соглашении о свободной торговле ЕАЭС с Китаем и Соглашении ЕАЭС с Сингапуром[89].

---

[86] *Bugayova N., Regio D. The Kremlin's Campaign in Africa: Assessment Update // Institute for the Study of War, August 2019. P. 9. Url: http://www.understandingwar.org/sites/default/files/ISW%20-%20The%20Kremlin%20Campaign%20in%20Africa%20-%20August%202019.pdf*

[87] *Russia's Campaign in Africa Overwatch Podcast Transcript Featuring Nataliya Bugayova, Darina Regio and Maseh Zarif // Institute for the Study of War, 27.09.2019. P. 2. Url: http://www.understandingwar.org/sites/default/files/ISW%20Transcript%20-%2020190927%20Overwatch%20Russia%27s%20Campaign%20in%20Africa.pd*

[88] *Trickett N. Russia's Long Pivot East // Foreign Policy Research Institute, December 2019. 29 p. Url: https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2019/12/final-rpe7-trickett-.pdf*

[89] *Cutler W., Grey P., Kim J-H., Pangestu M., Suzuki Y., Tu X. Trade In Trouble: How the Asia Pacific Can Step Up and Lead Reforms // Asia Society Policy Institute, May 2019. P. 18. Url: https://asiasociety.org/sites/default/files/2019-05/ASPI_Trade%20In%20Trouble_1.pdf.*

2.10. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ЕЕ ОТНОШЕНИЯ С ЗАПАДОМ

Прямые упоминания

В статье руководителя *Московского центра Карнеги* Д. Тренина, опубликованной в *«Ведомостях»* и *Moscow Times* и републикованной на сайте *Carnegie Endowment for International Peace* (3), анализируется внешняя политика России за 20 лет нахождения В. Путина у власти. Автор отмечает: «Постсоветская экономическая интеграция, активизировавшаяся с 2009 г., в рамках Евразийского экономического союза получила центральноазиатский акцент». По его мнению, «экономическая интеграция с несколькими странами СНГ, которую активизировал Путин созданием Таможенного союза, очевидно служит интересам России и ее партнеров. В то же время ЕАЭС – проект с важными, но ограниченными целями. У него нет перспектив трансформации в полноформатный – экономический, геополитический, военный – центр силы в Евразии. Страны-партнеры, в том числе ближайшие – Беларусь и Казахстан – очень ревниво относятся к сохранению госсуверенитета. Независимость для Минска и Нур-Султана – это прежде всего независимость от Москвы. Нет у ЕАЭС и возможности стать серьезным конкурентом или полноценным партнером других интеграционных объединений – ЕС, АСЕАН, а также Китая»[90].

А «Попытка Путина включить Украину в состав ЕАЭС была не просто напрасной. Такая интеграция, если бы ее удалось запустить, с самого начала была бы чрезвычайно проблемной, очень затратной для России и в конечном итоге провалилась бы: “самостийный” политический проект украинской элиты, от которого она не откажется, в принципе не совместим с любой формой интеграции с Россией, даже чисто экономической»[91].

Одно из редких исследований американских «фабрик мысли» за 2019 г., в котором можно найти достаточно много упоминаний ЕАЭС (около 40), было подготовлено *Foreign Policy Research Institute* (38). Доклад, выполненный в рамках проекта *Russia Political Economy Project*, посвящен поведению стран постсоветского пространства в контексте украинского кризиса и обострения отношений между Западом (преимущественно ЕС) и Россией. «В силу своей геополитической уязвимости члены Восточного партнерства и Евразийского экономического союза заняли осторожную позицию по украинскому кризису, не поддерживая полностью ни западные санкции, ни российские контрсанкции.

Находясь между Россией и Западом, эти государства скорректировали свои политические симпатии и укрепили давнюю многовекторную политику»[92], – говорится в этом исследовании. По мнению его автора, новая геополитическая реальность показала ограниченность рычагов влияния Европейского союза и России в регионе, в то время как постепенный рост влияния третьих держав дал постсоветским государствам больше возможностей для балансирования между Западом и Востоком[93].

---

[90] Тренин Д. 20 лет Владимира Путина: трансформация внешней политики // Московский центр Карнеги, 14.08.2019. Url: https://carnegie.ru/2019/08/14/ru-pub-79670; англ. версия: Trenin D. 20 Years of Vladimir Putin: How Russian Foreign Policy Has Changed // Carnegie Endowment for International Peace, 28.08.2019. Url: https://carnegieendowment.org/publications/79742

[91] Ibid.

[92] Shagina M. In The Crossfire: The Impact of West-Russia Tensions on Post-Soviet States // Foreign Policy Research Institute. P. 1. Url: https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2019/11/112119-rpe6-shagina.pdf

[93] Ibid.

В начале доклада речь идет об антироссийской резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 68/262 (23 марта 2014 г.), подтверждающей территориальную целостность Украины. Автор замечает, что страны ЕАЭС продемонстрировали большую лояльность России в этом вопросе, чем страны, входящие только в состав Восточного партнерства (ВП). В частности, Беларусь и Армения выступили против резолюции, Казахстан воздержался, а Кыргызстан не голосовал, в то время как ведущие страны ВП – Молдова и Грузия – ее поддержали. Но даже несмотря на это, страны ЕАЭС и ВП не стали в полной мере ни на сторону Запада, ни на сторону России. Несмотря на «прозападную ориентацию Грузии и Молдовы», они поддержали не все антироссийские санкции, «такое сдержанное поведение можно объяснить страхом ответных мер со стороны России»[94].

Также в докладе отмечается, что «будучи частью возглавляемого Россией ЕАЭС, Беларусь и Армения, ранее уже продемонстрировали самый низкий уровень поддержки внешнеполитических заявлений ЕС»[95]. Но вместе с тем страны ЕАЭС не поддержали и российские контрсанкции, в том числе в отношении Украины. Автор полагает, что действия Москвы нарушают принципы равноправия в ЕАЭС, так как торговые ограничения были введены без согласования. Обращения России к Межправительственному совету ЕАЭС не увенчались успехом для Москвы, все остальные страны ЕАЭС сохранили торговые отношения со странами, против которых Россия ввела контрсанкции, считая противостояние России и Запада «не своей войной». «Для оказания давления на членов ЕАЭС российские власти использовали экономические рычаги воздействия, вводя торговые эмбарго на основе санитарных и фитосанитарных норм и восстанавливая таможенный контроль»[96]. В то же время Казахстан и Беларусь получили и определенные выгоды от санкций, так как весь поток санкционных товаров теперь начал идти через них.

Анализируя последствия кризиса, автор отмечает, что в России произошла девальвация рубля, началась рецессия и сократился объем торговли с партнерами по ЕАЭС, что понизило значение и эффективность организации, а также подорвало имидж России как «экономического локомотива» региона[97]. Особо, по ее мнению, пострадали Беларусь и Кыргызстан как наиболее зависимые от российского рынка и внутрисоюзной торговли государства.

В то же время, «чтобы предотвратить разрыв дипломатических отношений, Молдова расширила политическое взаимодействие с Россией. Эта страна установила особые отношения с ЕАЭС и получила статус наблюдателя в 2018 г. Аналогичным образом Грузия придерживалась прагматического подхода к установлению менее конфронтационных отношений с Россией, что впоследствии привело к относительному улучшению их экономических связей»[98]. То есть лишь Украина видит в России безусловного агрессора.

В докладе страны, входящие в ЕАЭС, разделены на две группы. В первой группе – Казахстан и Беларусь. Эти государства охарактеризованы как сохранившие определенное влияние в ЕАЭС, но в случае очередных противоречий с Москвой готовые повернуться к Западу. Так же, по мнению автора, они усилили взаимодействие с ЕС, чтобы уйти от чрезмерного влияния России. Во второй группе – Армения и Кыргызстан, которые сильно ограничены в ресурсах, а также в геополитическом плане, что не оставило им альтернативы союзу с Россией. После начала украинского кризиса Армения изменила свое отношение к ЕС, резко отказавшись от переговоров в пользу ЕАЭС, но эскалация Карабахского конфликта в 2016 г. вынудила Ереван поставить под со-

[94] *Ibid. P. 3.*
[95] *Ibid. P. 5.*
[96] *Ibid. P. 6.*
[97] *Ibid. P. 10.*
[98] *Ibid. P. 13.*

мнение свою стратегию безопасности, ориентированную на Россию. Кыргызстан сильно зависел и зависит от России, и ЕАЭС воспринимается им как противовес растущему влиянию КНР. В этом случае Бишкек, как отмечает автор, выбирает «меньшее из двух зол»[99].

Члены ВП и ЕАЭС тянутся к третьим державам, чтобы расширить свои экономические перспективы, не ограничиваясь взаимодействием с Россией или Западом. Хотя ЕС и Россия сохраняют существенное влияние, третьи державы, такие как Китай (его автор выделяет особо, описывая доминирующее положение этой страны), а также Турция, Иран, Израиль и арабские государства, значительно увеличили свое присутствие в регионе[100].

Автор приходит к выводу, что баланс между ЕС и ЕАЭС мог бы быть полезным для стабилизации в регионе, потому что украинский кризис показал, что несовместимость «европейского и евразийского выбора» порождает непреодолимый вызов для «промежуточных» государств (in-between states)[101]. «Несмотря на присущие ЕАЭС недостатки, союз дает государствам-членам возможность взаимодействовать с Россией на более равноправной основе, что поможет ограничить действия Москвы и перевести их из военной сферы в экономическую»[102], – говорится в докладе.

Косвенные упоминания

В статье *RAND Corporation* (6) отмечается, что в своей внешней политике Кремль руководствуется в большей степени политическими мотивами, чем экономическими, и стремится укрепить свое влияние в ближнем зарубежье, а также противостоять влиянию США в глобальном масштабе, однако усилия Москвы часто обходятся ей дорого или не приносят результатов. Авторы пишут, что разочаровывают даже некоторые усилия по мирному сотрудничеству. В частности они полагают, что «хотя Евразийский экономический союз России, Казахстана, Беларуси, Армении и Кыргызстана относительно молод, экономическая интеграция в его рамках уже пробуксовывает, а члены ЕАЭС имеют более прочные торговые связи со странами, не входящими в Союз»[103].

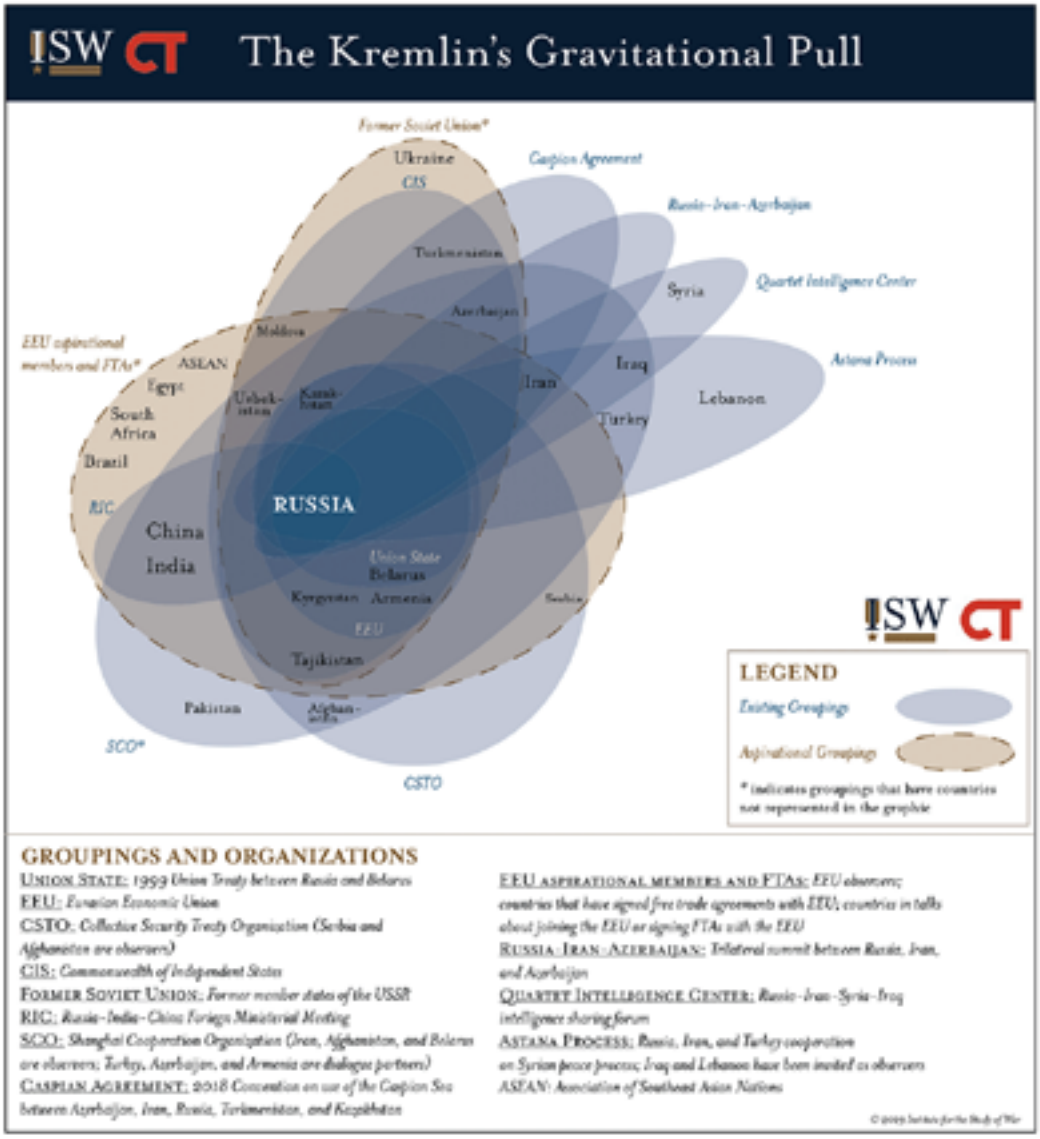
Автором нескольких докладов *Institute for the Study of War* (94), в которых косвенно упоминается ЕАЭС, является Н. Бугаева. В одном из них, в ряду основных внешнеполитических действий Кремля в 2000–2018 гг., представленных в виде инфографики, указывается создание Таможенного союза в 2010 г., при этом на рисунке не отмечено создание ЕАЭС[104].

Собственно о ЕАЭС идет речь в разделе, посвященном российской политике в 2004–2012 гг., в частности отмечено, что в то время «Россия продолжала расширять Евразийский экономический союз, в который на сегодняшний день входят Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Кыргызстан и который подписал соглашение о свободной торговле с Вьетнамом. Путин также попытался кооптировать Молдову, Украину и Грузию в ЕАЭС, однако все эти три страны в конечном итоге предпочли подписать

[99] *Ibid. P. 14.*
[100] *Ibid. P. 16.*
[101] *Ibid. P. 19.*
[102] *Ibid.*
[103] *Courtney W., Shatz H. Russia Chooses Paupers as Partners, with Questionable Benefit // RAND Corporation, 14.02.2019. Url: https://www.rand.org/blog/2019/02/russia-chooses-paupers-as-partners-with-questionable.html*
[104] *Bugayova N. How We Got Here With Russia: The Kremlin's Worldviev // Institute for the Study of War, March 2019. P. 10–11. Url: http://www.understandingwar.org/sites/default/files/ISW%20Report_The%20Kremlin%27s%20Worldview_March%202019.pdf*

соглашения об ассоциации с Европейским союзом. Россия до сих пор пытается использовать ЕАЭС в качестве инструмента укрепления регионального влияния и глобального авторитета с помощью соглашений с государствами за пределами постсоветского пространства, такими как Египет»[105].

Интересная карта «Гравитационного поля Кремля» (The Kremlin's Gravitational Pull) представлена в докладе Institute for the Study of War (94) с анализом «российского вызова для США». На этой карте, которая завершает обзор материалов американских «фабрик мысли», одна из наиболее значимых ролей отведена ЕАЭС[106].



[105] *Ibid. P. 18.*

[106] *Kagan F. W., Bugayova N., Cafarella J. Confronting the Russian Challenge: a New Approach for the U.S. // Institute for the Study of War, June 2019. P. 31. Url: http://www.understandingwar.org/sites/default/files/ISW%20CTP%20Report%20-%20Confronting%20the%20Russian%20Challenge%20-%20June%202019.pdf*

РАЗДЕЛ 3
ЕАЭС В МАТЕРИАЛАХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ «ФАБРИК МЫСЛИ»

Самым объемным из всех проанализированных текстов, которые мы отнесли к материалам с прямым упоминанием ЕАЭС, стал 270-страничный доклад *Finnish Institute of International Affairs (38)*, содержащий более 100 упоминаний ЕАЭС. Кроме того что это исследование самое объемное, оно, пожалуй, является и наиболее общим, поэтому мы не стали относить его ни к одному из тематических блоков, и именно обзор этого документа открывает данный раздел.

Доклад представляет собой анализ «эрозии постсоветского пространства», что отражено и в его названии. В нем подведены итоги работы в рамках исследовательского проекта, проведенного *Finnish Institute of International Affairs (38)* с участием группы европейских и российских экспертов по постсоветскому пространству при поддержке *Konrad Adenauer Foundation (6)*. Исследование состоит из девяти глав-статей, объединенных в три части, отражающих ситуацию в различных сферах жизни в странах постсоветского пространства и написанных разными авторами. Во всех трех частях есть упоминания Евразийского экономического союза.

В главе, посвященной конституционно-правовым вопросам, отмечается, что в некоторых странах (Украина, Молдова, Грузия и Армения) внутренние противоречия относительно внешнеполитической ориентации (дилемма ЕС – ЕАЭС) отразились на процессе их конституционного развития[107]. В то же время члены ЕАЭС – Армения, Беларусь, Россия, Казахстан и Кыргызстан – сталкиваются с конституционными последствиями процесса евразийской интеграции. В частности, спорным остается вопрос о прямой применимости решений, принятых институтами ЕАЭС[108]. При анализе ситуации в Молдове в этом контексте отмечается, что евразийские амбиции президента Додона при дальнейшей интеграции с ЕАЭС могут породить несовместимость с Соглашением об ассоциации с ЕС и, соответственно, проблемы для Конституционного суда Молдовы. Однако нынешний статус страны как наблюдателя ЕАЭС не создает серьезных проблем, так как решения организации не являются обязательными для наблюдателей[109].

В главе, посвященной внешней политике постсоветских государств, ее автор, рассматривая политику Беларуси, отмечает, что это единственная страна ЕАЭС и одна из немногих в мире, которая не входит в ВТО; членство в ВТО пошло бы на пользу бизнесу и будущему единству ЕАЭС[110].

По поводу Молдовы сказано, что президент Додон, несмотря на территориальную и экономическую близость с ЕС, изучает возможность взаимодействия с ЕАЭС. «Молдова стала первым государством – наблюдателем ЕАЭС в 2018 году, ранее такого статуса не было. Более высокий уровень координации политики с Россией может быть истолкован как попытка окончательно урегулировать приднестровский конфликт. Однако категорически против идей Додона выступают сторонники евроинтеграции» [111].

---

[107] *What Has Remained of The USSR: Exploring The Erosion of The Post-Soviet Space / Edited by A. Moshes, A. Rácz // Finnish Institute of International Affairs, February 2019. P. 29. Url: https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2019/02/fiia_report58_what_has_remained_of_the_ussr_web.pdf*

[108] *Ibid. P. 33.*

[109] *Ibid. P. 37.*

[110] *Ibid. P. 74.*

[111] *Ibid. P. 75–76.*

Говоря о Грузии, автор отмечает, что страна полностью ориентирована на Запад. Ее стремление в сторону НАТО и особенно ЕС, подкрепленное многочисленными соглашениями с последним, «исключает даже теоретическую возможность членства в ЕАЭС»[112].

Описывая положение Армении, он подчеркивает, что страна имеет тесные связи с Россией по экономическим, историческим и политическим причинам, но ее многочисленная и влиятельная диаспора позволяет лоббировать интересы страны и во многих западных странах. Несмотря на то, что Ереван в 2013 г. отказался от Соглашения об ассоциации с ЕС в пользу членства в ЕАЭС, в ноябре 2017 г. Армения подписала Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с ЕС, что не противоречит таможенным правилам ЕАЭС[113].

В докладе отмечается, что Казахстан стал одним из основателей ЕАЭС во многом из-за позиции президента Назарбаева, который всегда был сторонником евразийской интеграции[114]. Кыргызстан же, по мнению автора, вступил в ЕАЭС с тем, чтобы ограничить влияние Китая и получить дополнительные рычаги для развития своей экономики. Но другие члены ЕАЭС настороженно отнеслись к членству Кыргызстана из-за «серого» импорта из Китая через эту страну. Таджикистан не спешат принимать в Союз из-за его границы с Афганистаном, которая создает угрозу безопасности организации, хотя и сам Таджикистан пока лишь оценивает возможные преимущества членства[115].

Также анализируется Евразийская экономическая комиссия (ЕАЭК), которая названа «хорошим примером того, как строились новые евразийские региональные институты» и ее деятельность. Отмечено, что, с одной стороны, само название организации демонстрирует четкую связь с европейским образцом – Еврокомиссией, которую он напоминает и структурно. «При этом у ЕАЭК, в отличие от предшественников, таких как ЕврАзЭс, большой бюрократический аппарат (более 1000 человек). А решения ЕАЭК в пределах ее компетенции закреплены в национальном законодательстве стран-участниц и не требуют дополнительных национальных актов для вступления в силу»[116].

Размышляя о том, в какой из сфер Россия оказывает влияние на каждую из стран ЕАЭС и ТС, авторы четвертой главы, посвященной евразийским региональным организациям, говорят о ведущей роли Москвы в Союзе. Однако при этом отмечают: «Мы не утверждаем, что Россия является единственной силой, стоящей за ЕАЭС и ТС: Казахстан сыграл не менее важную роль, решительно поддерживая внедрение ТС в 2010 г. Более того, хотя российская логика геополитической конкуренции с Западом неприменима к Казахстану, некоторые мотивы схожи: казахстанское руководство последовательно стремится к тому, чтобы страна воспринималась как значимый субъект мировой политики»[117]. Авторы напоминают, что даже название организации было предложено Назарбаевым в 1994 г.

В настоящее время, по их мнению, ЕАЭС теряет свое значение. После 2014 г. с обострением отношений с западными странами для России стремление к признанию со стороны Запада и копирование западных институтов в качестве инструмента повышения легитимности стало менее привлекательным. «Таким образом, идея “Евразийского ЕС” также должна быть менее интересна российскому руководству, что, по-видимому,

---

[112] Ibid. P. 76.
[113] Ibid. P. 77.
[114] Ibid. P. 78.
[115] Ibid. P. 80.
[116] Ibid. P. 97.
[117] Ibid. P. 100.

действительно имеет место. Договор о ЕАЭС уже является шагом назад по сравнению с ТС по ряду существенных институциональных вопросов (например, снижение роли суда ЕАЭС)»[118]. А ЕАЭС «медленно, но верно исчезает из риторики российского руководства»[119].

В тексте говорится, что раньше ЕАЭС всегда указывался в качестве приоритетной организации для России, но, например, в Послании президента Путина в 2018 г. внимание было сосредоточено на военных возможностях страны, а ЕАЭС почти не упоминался. Таким образом Россия показывает «имитационный регионализм», ориентированный на Китай и его инициативу «Пояс и путь»[120]. Вместе с тем Москвой все чаще поднимается идея «Большого евразийского партнерства», однако, «учитывая нынешний экономический и политический потенциал России, а также конфронтацию с Западом, это партнерство вряд ли будет реализовано, тем не менее оно присутствует в риторике российских лидеров». В то же время «нынешняя ситуация в Евразии вряд ли оставляет место для новых интеграционных проектов помимо ЕАЭС и возглавляемой ЕС углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли. Единственным исключением, по-видимому, является Центральная Азия»[121].

Подводя итог, авторы отмечают, что, несмотря на указанные выше факторы, они не считают, что ЕАЭС вскоре ослабнет или перестанет существовать. Напротив, отсутствие политического внимания к организации может поспособствовать реализации определенных целей на более низких бюрократических уровнях системы, таких как, например, гармонизации и стандартизации правил для всех членов ЕАЭС. В целом «ЕАЭС уже достиг существенного уровня интеграции и в условиях бюрократической инерции, скорее всего, останется на этом уровне»[122].

Во второй части исследования рассматриваются количественные показатели торговли и экономического развития стран постсоветского пространства, в том числе в рамках ЕАЭС. Подавляющее большинство упоминаний ЕАЭС в этой части встречаются в шестой главе в пункте 6.4 «Евразийский экономический союз и его потенциальные соперники – ЕС и Китай». В нем приводится история ЕАЭС, проводятся аналогии с ЕС, описываются экономические причины «неудачи» проекта ЕврАзЭС, которые были учтены при создании ЕАЭС. Анализируются вопросы стандартизации и регулирования в Евразийском экономическом союзе.

Отмечаются основные факторы, способствующие прогрессу ЕАЭС, в частности то, что «формирование ЕАЭС шло рука об руку с либерализацией и усилиями по глобальной экономической интеграции», а вступление России в ВТО «явилось одним из основных поворотных моментов в одиссее постсоветских экономических интеграций»[123]. Среди факторов указаны «наступательная» торговая политика ЕАЭС, заключение соглашения о свободной торговле с Вьетнамом, соглашения о сотрудничестве с Китаем, попытки подписать аналогичные договоры с Ираном и Сербией. «Путин также от имени ЕАЭС предложил заключить соглашения о свободной торговле с рядом партнеров, таких как Турция и ЕС. Эти меры и декларации в значительной степени направлены на расширение официального признания ЕАЭС и повышение его престижа», – отмечено в тексте[124].

---

[118] *Ibid.*
[119] *Ibid.*
[120] *Ibid. P. 101.*
[121] *Ibid.*
[122] *Ibid. P. 102.*
[123] *Ibid. P. 147.*
[124] *Ibid.*

Несмотря на то, что Россия предоставляет другим членам ЕАЭС широкую поддержку в виде субсидий и льгот, автор считает, что нельзя добиться эффективной интеграции без устранения внутренних барьеров и введения единых торговых правил ЕАЭС. В этом контексте испытанием стало то, что ни один из членов ЕАЭС не поддержал российские контрсанкции в 2014 г., что противоречит принципу общей торговой политики, согласно которому все подобные решения должны приниматься на уровне ЕАЭС[125].

В контексте взаимодействия России и Китая в Центральной Азии отмечается, что Москва активно пропагандирует ЕАЭС, а Пекин больше ориентируется на двусторонние связи со странами региона[126].

«Рок ЕврАзЭС постоянно преследует ЕАЭС, и если проект не будет приносить выгод сторонам, то его эрозия будет неизбежной. Спешка Москвы в вопросах закрепления ЕАЭС на международном уровне, а также попытки добиться признания в ЕС и в глобальном масштабе были предприняты отчасти для того, чтобы подготовиться к этим негативным результатам. Россия также должна сделать выбор в дилемме “либерализация – протекционизм”. На данный момент все еще представляется, что легче сохранить единство ЕАЭС в рамках умеренно либеральной повестки дня»[127].

Автор отмечает, что «относительно потенциала ЕАЭС и его возможностей в будущем есть обоснованные сомнения». В то же время достижения в рамках, альтернативных интеграционных механизмов в регионе, которые предлагает ЕС, также достаточно скромны[128].

В третьей части ЕАЭС упоминается несколько раз косвенно. В частности, в качестве примера того, как «Россия политизирует духовный Русский мир», отмечается, что «российские интеграционные проекты, главным образом Евразийский экономический союз, были представлены как культурно и духовно более “подходящие” и “приспособленные” для таких стран, как Молдова (в случае которой православные священники использовали именно такой дискурс)»[129].

В заключении доклада отмечается, что с 2014 г. Россия вернулась к своим первоначальным интеграционным идеям, но ориентиром стал Китай, а не ЕС, и еще больше активизировала развитие своего главного проекта – ЕАЭС. Определенные результаты уже достигнуты, в том числе то, что некоторые подразделения ЕАЭС вышли на наднациональный уровень. Этот тренд, скорее всего, не только сохранится, но и будет развиваться дальше – отчасти из-за политической воли России, частично – чисто из-за бюрократической инерции. При этом ЕАЭС больше не направлен на интеграцию региона в единое целое. «Теперь это гораздо более узкая географически, хотя и более глубокая форма сотрудничества, в то время как другие постсоветские страны, прежде всего Украина, Грузия и Молдова, реализуют принципиально иные интеграционные проекты и декларируют цель вступления в ЕС»[130].

---

[125] *Ibid. P. 148.*
[126] *Ibid. P. 150.*
[127] *Ibid. P. 152.*
[128] *Ibid. P. 153.*
[129] *Ibid. P. 208.*
[130] *Ibid. P. 240.*

3.1. «БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ», «ПОЯС И ПУТЬ», РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Прямые упоминания

В материалах западных «фабрик мысли» ЕАЭС часто упоминается в связке с вопросами, вынесенными в название этого тематического блока. В этом контексте речь о Евразийском экономическом союзе идет и в нескольких исследованиях *French Institute of International Relations (1),* который занимает первую строчку в рейтинге наиболее влиятельных западноевропейских фабрик мысли по версии *Global Go To Think Tank Index Report*.

Один из докладов этого французского think tank'а посвящен анализу концепции «Большой Евразии». В аннотации к исследованию отмечается: «Проект "Большая Евразия" стал олицетворением внешней политики Владимира Путина, символом возрождающейся и уверенной в себе России. Это одновременно геополитический проект, политический лозунг, экономическая цель и идеологическая конструкция. Это попытка придать динамизм Евразийскому экономическому союзу»[131]. Автор доклада задается вопросом определений и отмечает, что возникают трудности в дифференциации идеи «Большой Евразии» и других внешнеполитических инициатив России, таких как Евразийский экономический союз или «поворот на Восток». По его мнению, «в некотором отношении "Большая Евразия" представляется усовершенствованной или расширенной версией ЕАЭС»[132]. А «некоторые комментаторы считают, что главная цель "Большой Евразии", по сути, является региональной и заключается в том, чтобы дать новую жизнь слабеющему ЕАЭС и позиционировать его как "центральную объединяющую структуру в региональной евразийской интеграционной сети"». Подобные взгляды, как отмечает автор, перекликаются с позицией китайских ученых, которые рассматривают «Большую Евразию» и ЕАЭС как «логичное продолжение советского прошлого России»[133].

По его мнению, ухудшение отношений России и Запада в 2000-х годах привело к смене внешнеполитического вектора Москвы, а поддержка Западом «оранжевой революции» на Украине питала убежденность в том, что Запад хочет «добраться до России». Концепция «Большой Евразии» выросла из этого чувства незащищенности. В. Путин стремился противостоять влиянию Запада и развитие Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), Таможенного союза и ЕАЭС соответствовало этой цели[134].

До 2016 г. «Кремль делал ставку на Евразийский экономический союз как на флагманский интеграционный проект на постсоветском пространстве», но к 2016 г. «подобные иллюзии в значительной степени развеялись, т. к., несмотря на институциональное развитие ЕАЭС, конкретных достижений у него было немного». Рецессия в России сильно ударила по торговле внутри ЕАЭС, а другие члены организации, такие как Казахстан и Беларусь, «были напуганы военной интервенцией Путина на Украине» и раздражены произволом в вопросе контрсанкций со стороны ЕАЭС в ответ на европейские санкции[135].

---

[131] Lo B. Greater Eurasia The Emperor's New Clothes or an Idea whose Time Has Come? // French Institute of International Relations, July 2019. Url: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/bobo_lo_greater_eurasia_2019.pdf
[132] Ibid. P. 11.
[133] Ibid. P. 12.
[134] Ibid. P. 16.
[135] Ibid. P. 17.

В тексте доклада отмечается, что, в отличие от соглашения о сотрудничестве между ЕАЭС и китайским Экономическим поясом Шелкового пути, которое имело откровенно экономическую направленность, «Большая Евразия» стала более широкой концепцией[136]. В то же время автор скептически оценивает договоренности ЕАЭС с китайцами, которые «отвергли ряд предложений о совместных проектах со стороны ЕАЭС на основании их коммерческой нежизнеспособности»[137]. Схожим образом он пишет и о концепции «интеграции интеграций» с ЕС, которая «вызвала мало положительных откликов не только в Европе, но и в России»[138]. Также он полагает, что для остальных участников Союза мало выгоды от участия в нем, а «другие члены ЕАЭС – Казахстан, Беларусь, Кыргызстан и Армения – более чем когда-либо ищут в других странах торговые контакты, инвестиции и даже политическую поддержку[139].

Общий пафос документа заключается в том, что ЕАЭС, «главной целью которого было укрепление России как доминирующей державы в Евразии», находится в кризисе, и, возможно, теперь Москва сделает ставку на проект «Большой Евразии», однако насколько Кремлю удастся преуспеть в реализации этой концепции, будет зависеть от его «стойкости перед лицом порой противоречивых интересов России и других игроков, ограниченных возможностей российского влияния и исторического западоцентризма российской элиты»[140].

Еще в одном докладе этого аналитического центра, посвященном китайскому проекту «Пояс и путь», в разделе с анализом позиций ключевых стран есть глава «Российское восприятие “Пояса и пути”: от рисков к возможностям», в которой в контексте основной темы доклада неоднократно упоминается и ЕАЭС. Авторы доклада отмечают, что в 2013 г. Россия с большой осторожностью отнеслась к запуску китайской инициативы «Пояс и путь», объясняют они это, с одной стороны, «опасениями по поводу экономической, демографической, геополитической и военной экспансии Китая в ущерб российским интересам», которые постоянно присутствуют в российском политическом дискурсе после распада СССР; с другой стороны, тем, что «с января 2015 г. Россия запустила собственный интеграционный проект для Евразийского региона – Евразийский экономический союз, в который сейчас входят Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Кыргызстан. В Центральной Азии конкуренция между двумя проектами с самого начала некоторым наблюдателям казалась неизбежной, а «Пояс и путь» открывал очень привлекательные перспективы (промышленные, коммерческие, финансовые) для стран региона, которые традиционно входят в сферу влияния России»[141]. Также отмечается, что «Россия стремится помешать странам – членам ЕАЭС вести переговоры с Китаем на двусторонней основе, а ориентированный на членов ЕАЭС дискурс призван убедить их в том, что было бы более выгодно вести переговоры с сильными зарубежными партнерами совместно, учитывая, что без эффективной координации продукты и инфраструктура, созданные китайскими инвестициями, не найдут потребителей на общем рынке»[142].

---

[136] *Ibid. P. 18.*
[137] *Ibid. P. 31.*
[138] *Ibid. P. 34.*
[139] *Ibid. P. 36.*
[140] *Ibid. P. 36–37.*
[141] *Ekman A., Nicolas F., Pajon C., Seaman J., Saint-Mézard I., Boisseau du Rocher S., Kastouéva-Jean T., China’s Belt & Road and the World: Competing Forms of Globalization // French Institute of International Relations, April 2019. P. 74. Url: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ekman_china_belt_road_world_2019.pdf*
[142] *Ibid. P. 78.*

Авторы пишут и о целом ряде проблем внутри ЕАЭС, в частности о том, что, объявляя о «сопряжении» проектов, Россия не посоветовалась с партнерами. Среди других проблем – одностороннее, без консультаций с другими членами Союза, введение Россией ответных санкций против западных стран и вопросы, связанные с реэкспортом товаров в РФ через страны ЕАЭС. Также, по их мнению, «аннексия Крыма» и война на Донбассе нанесли удар по политическому доверию не только между Россией и Европой, но и с ближайшими соседями Москвы, такими как Казахстан и Беларусь[143]. А «новый евразийский проект призван усилить влияние России на евразийском пространстве». По мнению «некоторых наблюдателей» – «это способ выхода из противостояния между Россией и Западом, путем позиционирования России в более широком контексте “Большой Евразии”»[144].

«Украина, Беларусь и страны Южного Кавказа находятся под пристальным вниманием Китая, который начал инвестировать в эти государства. Надо признать, что структурирует этот регион, в реальности или в воображении, не ЕАЭС, а “Пояс и путь”», – заключают авторы доклада[145].

В 140-страничном докладе *Institute for International Political Studies (15)* «Россия и Китай: анатомия сотрудничества» ЕАЭС упоминается около 70 раз. Структурно работа состоит, помимо введения и заключения, из 5 разделов, которые написаны разными авторами.

Во введении говорится о растущем значении Евразии на фоне упадка Запада. В этом контексте есть отсылка к другому докладу этого think tank’а «Конец света: закат либерального порядка»[146], который будет подробнее рассмотрен ниже. Отмечается экономический потенциал Китая и политическое влияние «возрождающейся» России, а также то, что в условиях противостояния с Западом и особенно с США Москва и Пекин сближаются. А наиболее заметным проявлением «Евразийского сдвига» в глобальных альянсах является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

В первом разделе, посвященном отношениям России и Китая в контексте противодействия доминированию Запада, ЕАЭС упоминается лишь косвенно. Авторы пишут, что ШОС является основным противовесом американскому влиянию в Азии. Организация позволяет интегрировать страны региона и институализировать политику России за пределами постсоветского пространства. Подчеркивается, что ШОС дополняет остальные организации, объединяющие Россию с другими бывшими советскими странами, такие как ОДКБ и ЕАЭС. Но в ШОС, в отличие от других упомянутых организаций, Россия, как отмечается, «не играет ведущую роль» и вынуждена делиться ею с Китаем[147].

ЕАЭС же, по мнению авторов, приходится сталкиваться не только с внутренними трудностями, но и иметь дело с «гораздо более динамичной инициативой “Пояс и путь”»[148]. Подчеркивается, что попытки Москвы согласовать между собой эти проекты не имеют большого успеха из-за дисбаланса в ресурсах двух стран. «В целом Россия склонна рассматривать ЕАЭС, ШОС и “Пояс и путь”, как минимум потенциально сопря-

---

[143] Ibid. P. 79.
[144] Ibid. P. 80.
[145] Ibid. P. 81.
[146] The End of a World: the decline of the liberal order / edited by A. Colombo, P. Magri // Institute for International Political Studies, March 2019. Url: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/ispi_report2019_the_end_of_a_world_0.pdf
[147] Russia and China: Anatomy of a Partnership / Edited by A. Ferrari, E. Tafuro Ambrosetti // Institute for International Political Studies, May 2019. P. 31. Url: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/report_russia-china-anatomy-of-a-partnership_0.pdf
[148] Ibid. P. 32.

женными в рамках новой политического и экономического сообщества, которое все чаще называют "Большой Евразией" – термин который ввел В. Путин на Петербургском экономическом форуме в 2016 г.»[149].

Авторы второго раздела противопоставляют ШОС и ЕАЭС, Китай и Россию. Они пишут, что ШОС стала превращаться в инструмент доминирования Пекина, в том числе над Москвой. Китай после 2010 г. начал добиваться создания банка развития ШОС и зоны свободной торговли внутри организации. Россия понимала, что эти действия Китая направлены на продвижение своих геоэкономических интересов в регионе, «поэтому продвигала создание Евразийского экономического союза, по модели ЕС, который должен был стать экономическим блоком, ориентированным на Москву и включающим все центральноазиатские страны, кроме Туркменистана»[150].

Авторы считают, что соглашение о свободной торговле в ШОС прямо конкурировало с этим проектом и «Москва использовала все свое дипломатическое влияние, чтобы сорвать грандиозные планы Китая относительно ШОС»[151], что ей в целом удалось.

Также отмечается осознание российскими лидерами нецелесообразности экономической конкуренции с Китаем в Центральной Азии. Вместо этого, как отмечается, Москва стала ориентироваться на разделение сфер влияния: Китаю – экономическую, а России – сферу безопасности, но при условии, чтобы Китай «уважал мультилатеральные механизмы России в регионе, такие как ЕАЭС»[152].

В третьем разделе, посвященном взаимодействию России и Китая в сфере безопасности, утверждается, что евразийские инициативы Китая подтолкнули Россию к реализации собственных проектов в Евразии. И хотя Китай «расширяет геополитическое присутствие в Евразии», Россия остается ключевым игроком в регионе благодаря своим связям с его странами, в том числе через ЕАЭС и ОДКБ[153].

По мнению автора, несмотря на растущие инвестиции Китая в Центральной Азии, двусторонние экономические отношения с Россией, а также связи в рамках ЕАЭС по-прежнему остаются преобладающими для ряда стран региона[154]. Наряду с этим отмечается, что Россия и Китай все чаще находят точки соприкосновения. «Возглавляемый Россией ЕАЭС занял более мягкую позицию в отношении китайского "Пояса и пути", хотя возможности ЕАЭС ограничить экономическое влияние Пекина в Центральной Азии относительно невелики, Москва по-прежнему твердо намерена контролировать региональную безопасность»[155].

Наиболее пристальное внимание ЕАЭС уделено в четвертом разделе этого исследования, где проведен ретроспективный анализ экономических связей РФ и КНР.

Автор этого раздела – А. Амигини относит ЕАЭС к «важным механизмам регионального сотрудничества» и отмечает, что недавно между ЕАЭС и рядом европейских и азиатских стран, включая Китай, были подписаны различные соглашения о свободной торговле, «что создало крупную торговую зону, простирающуюся от Восточной Азии до Европы и от Индии до Арктики»[156].

---

[149] *Ibid.*
[150] *Ibid. P. 44.*
[151] *Ibid.*
[152] *Ibid. P. 56.*
[153] *Ibid. P. 63.*
[154] *Ibid. P. 76.*
[155] *Ibid. P. 77.*
[156] *Ibid. P. 89.*

Автор в целом много пишет о ЕАЭС, в частности о том, что Союз может повлиять на торговлю между ЕС и Китаем, а также Индией и АСЕАН. Подчеркивается, что ЕАЭС хоть и может казаться попыткой воссоздания советского блока, однако, в отличие от него, является открытым для внешней торговли[157].

Он замечает, что если бы ЕАЭС был страной, он был бы четвертой экономикой в мире по ВВП, находясь между Японией и Германией, и поэтому многие страны высказали заинтересованность в Соглашении о свободной торговле с этой организацией. «Всего сорок стран в настоящее время участвуют в переговорах о соглашениях о свободной торговле»[158], – отмечается в докладе. Также упоминается, что в настоящее время Вьетнам является единственным азиатским государством, которое заключило соглашение о свободной торговле с ЕАЭС, благодаря чему «российские инвестиции во Вьетнам выросли практически с нуля до 10 млрд долл. США всего за два года»[159].

В докладе также говорится, что ЕАЭС, с одной стороны, является ответом на действия ЕС, особенно после украинского кризиса 2014 г., с другой – ответом на деятельность Китая в рамках ШОС.

Обращает на себя внимание мнение автора относительно Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Китаем, которое «может стать по-настоящему переломным не только в региональных экономических отношениях, но и в глобальном масштабе»[160].

«Товарооборот между странами ЕАЭС и Китаем в 2017 г. уже составил более 100 млрд долл. США, а экспорт из ЕАЭС в Китай вырос в этом году на 40%; таким образом, уже существует значительная степень экономической интеграции между Китаем и членами ЕАЭС, что указывает на то, что недавно подписанное соглашение о свободной торговле, вероятно, будет успешным»,[161] – отмечается в исследовании.

При этом основным бенефициаром прямых иностранных инвестиций Китая является не Россия, а Казахстан, который получил почти 90% совокупных инвестиций ЕАЭС из Китая, согласно данным China Investment Tracker. Однако в последние годы китайские инвестиции в Россию также увеличились; они выросли на 72% в период переговоров по Соглашению о свободной торговле между ЕАЭС и Китаем, достигнув 2,22 млрд долл. в 2017 г.»[162]. Это соглашение ослабило опасения России по росту китайского влияния в Центральной Азии.

Автор отмечает, что «Россия фактически конкурирует с другими странами – членами ЕАЭС, чтобы получить максимальную выгоду от своего участия в проекте “Пояс и путь”, что является одной из причин того, что, несмотря на последние признаки сотрудничества и углубления связей между Россией и Китаем, в значительной степени сохраняется “серьезная геополитическая конкуренция”»[163].

В части, касающейся последствий российско-китайского взаимодействия для ЕС, автор отмечает: «Европейские политики недооценивают ЕАЭС как структуру, способную оказывать экономическое влияние в регионе, тогда как многие азиатские страны уже вступили в этот союз или выразили заинтересованность в переговорах по вступлению в него»[164].

---

[157] *Ibid. P. 100.*
[158] *Ibid.*
[159] *Ibid.*
[160] *Ibid. P. 101.*
[161] *Ibid. P. 102.*
[162] *Ibid. P. 103.*
[163] *Ibid. P. 106.*
[164] *Ibid. P. 107.*

Анализируется и конкуренция европейской программы «Восточное партнерство и ЕАЭС». В частности отмечается, что Молдову, Грузию и Украину пригласили и в ЕАЭС, и в ВП. Они выбрали Соглашение об ассоциации с ЕС, но отколовшиеся регионы (Приднестровье, Донецк и Луганск, Южная Осетия и Абхазия) выразили желание стать частью ЕАЭС. Отмечается, что обе организации оказывают давление на постсоветские страны с целью их вовлечения в свою орбиту, особенно это заметно стало после украинского кризиса 2014 г. А соглашение между ЕАЭС и Китаем является вызовом для Европы, «попыткой сместить экономический центр Европы на Восток», что может усилить напряженность между Брюсселем и Москвой[165].

Китай же выигрывает в такой ситуации, потому что получает возможность продвигать свою инициативу по созданию беспошлинной зоны до границ ЕС, и в ближайшее время можно ожидать увеличения инвестиций Китая в инфраструктуру на точках соприкосновения ЕС – ЕАЭС. В качестве примера приводится Армения, являющаяся ярким примером конкуренции ЕС – ЕАЭС, что не идет на пользу Еревану. «Армения, которая входила в ВП, решила в 2013 г. вступить в ЕАЭС, а не подписывать соглашение об ассоциации, предложенное ЕС, хотя последнее, вероятно, способствовало бы более быстрому социально-экономическому развитию в стране, чем членство в ЕАЭС, в который Армения не очень хорошо интегрирована и фактически попадает в большую экономическую зависимость от Китая»[166].

«Еще одним важным эффектом от соглашения ЕАЭС – Китай, скорее всего, станет изменение традиционных направлений сотрудничества между Россией (и ЕАЭС) и Европейским союзом. Последствия растущего сотрудничества внутри Евразии могут повлиять на стратегические соглашения по энергетике между Москвой и Берлином, но их влияние может также ощущаться и во всем остальном ЕС, который будет вынужден смириться с новым экономическим порядком в Восточной Европе и Азии»[167].

А положение ЕС, усугубившееся «брэкситом» и тупиком в расширении на восточном направлении, делает целесообразным для Брюсселя рассмотреть вопрос об усилении политики соседства посредством Расширенного европейского экономического пространства (Wider European Economic Area), которая может стать основой для координации отношений с ЕАЭС и китайской инициативой «Пояс и путь»[168].

Статья, опубликованная *International Institute for Strategic Studies (4)*, посвящена анализу «неоевразийства» в России, у которого автор насчитала три ипостаси: «евразийство как консервативная националистическая идеология», «евразийство как имперская идеология» и «евразийство как идеология региональной экономической интеграции». В контексте последней трактовки уделено внимание и ЕАЭС. Автор полагает, что «негативная реакция ЕС на возвращение Путина в Кремль в 2012 г. стала еще одним стимулом для поворота к Евразии», а модернизация российской экономики должна была базироваться «на современных отечественных технологиях и Евразийском союзе»[169].

---

[165] *Ibid. P. 108.*
[166] *Ibid. P. 109.*
[167] *Ibid.*
[168] *Ibid. P. 109-110.*
[169] *Arbatova N. Three Faces of Russia's Neo-Eurasianism // International Institute for Strategic Studies, November 2019. Url: https://www.iiss.org/publications/survival/2019/survival-global-politics-and-strategy-december-2019january-2020/616-02-arbatova*

«Конфликт вокруг Украины, возникший в результате столкновения двух региональных стратегий – Евразийского союза России и Восточного партнерства ЕС, и присоединение Крыма побудили Минск и Астану – главных партнеров России по евразийскому проекту – занять более равноудаленную позицию не только по украинскому конфликту, но и в отношении самого Евразийского союза»[170].

Автор разделяет Евразийский союз и Евразийский экономический союз; в частности, отмечает: «Уровень интеграции в ЕАЭС, членами которого также стали Армения и Кыргызстан, в основном по политическим причинам, выше, чем в предшествовавшем ему Евразийском Таможенном союзе, но ниже, чем в предлагаемом Россией Евразийском союзе». По ее мнению, «многие в России и за рубежом скептически относятся к будущему ЕАЭС, который рассматривается как наполовину экономический, наполовину политический проект». А у всех государств ЕАЭС общая проблема – «они не могут модернизировать свои экономики самостоятельно и нуждаются во внешних инвестициях».

Среди проблем, стоящих перед ЕАЭС, указана «большая разница между экономическим потенциалом России и других реальных или потенциальных участников ЕАЭС в Центральной Азии, что не способствует равноправным отношениям между его государствами-членами». Кроме того, «свободное перемещение товаров остается неуловимой целью», а для достижения глубокой экономической интеграции необходима «институциональная модернизация государств-членов, все из которых страдают от плохого управления».

«Однако успех ЕАЭС зависит от России, но она сама страдает от плохого управления. Главным препятствием для модернизации экономики России является не недостаток инвестиций или передовых технологий, а иерархический характер ее режима, произвол раздутой бюрократии и отсутствие демократических институтов», – резюмирует автор[171].

В докладе, подготовленном при участии *LSE IDEAS (18)*, ЕАЭС упоминается более 100 раз. Исследование состоит из трех секций, в каждой из которых по два раздела, подготовленных разными авторами.

Во введении указывается, что Украина стала эпицентром столкновения Запада, продвигающего программу Восточного партнерства, и России, желавшей присоединения Киева к ЕАЭС. Так в 2014 г. закончился мирный период, длившийся с момента окончания «холодной войны». Вместе с тем ушло в прошлое видение Европы от Лиссабона до Владивостока, которое было заменено проектом «Большая Евразия»[172].

«Некоторые утверждают, что Москва и Пекин, возможно, начали строить общий региональный порядок в Евразии, основанный на общих правилах игры, таких как уважение взаимных интересов. Другие – что Россия в значительной степени остается психологически ориентированной на европейское политико-культурное пространство (или, по крайней мере, укорененной в нем) и что неспособность убедить Украину присоединиться к ЕАЭС свидетельствует о снижении ее влияния, несмотря на попытки создания “Большой Евразии”»,[173] – отмечается во введении к этому докладу.

---

[170] *Ibid.*
[171] *Ibid.*
[172] *Five years after Maidan: Toward a Greater Eurasia? / Edited by E. Korosteleva, Z. Paikin, S. Paduano // LSE IDEAS, May 2019. P. 7. Url: http://www.lse.ac.uk/ideas/Assets/Documents/reports/LSE-IDEAS-COMPASS-UPTAKE-Greater-Eurasia.pdf?from_serp=1*
[173] *Ibid. P. 8.*

В первой секции авторы анализируют сущность российской концепции. В первом разделе этой секции отмечается, что ЕАЭС испытывал серьезные проблемы на пути своего становления, одной из которых стала неспособность убедить Украину присоединиться к проекту ЕАЭС, что предопределило революцию на Майдане и противостояние России с Западом. Российской инициативе пришлось столкнуться с вызовом не только на западе, но и на востоке, так как Си Цзиньпин осенью 2013 г. объявил о новой инициативе, направленной на постсоветское пространство. Россия ответила на это концепцией «Большой Евразии», «разработанной группой аналитиков из Валдайского клуба в 2015 г.», которую затем сделал официальной политикой В. Путин. «Эта концепция была намеренно расплывчатой, с очерченным широкими мазками видением двустороннего и многостороннего сотрудничества между Россией, Китаем, Индией, ШОС и АСЕАН, с Евразийским экономическим союзом в качестве ядра» [174].

В тексте также отмечается, что «Большую Евразию» нельзя рассматривать отдельно от китайской инициативы, так как последняя стала очень популярной в мире и именно она задает тон дискуссий в регионе. Тогда как «“Большая Евразия” пользуется определенной популярностью лишь среди исследователей некоторых постсоветских государств и в рамках российской внешней политики, она остается на периферии внимания экспертного сообщества, не говоря уже о широкой общественности»[175].

Автор сомневается, что целью создания «Большой Евразии» было формирование глобального дискурса и утверждает, что «с точки зрения российского руководства концепция “Большой Евразии” в первую очередь должна была устранить ряд недостатков ее флагманского проекта регионального сотрудничества – Евразийского экономического союза – и тем самым возродить региональную повестку дня России»[176].

На европейском направлении Москва позиционирует этот проект как ответ ЕС, в такой логике: «Вы не захотели осуществить проект “Большая Европа”? Тогда мы построим “Большую Евразию”»[177]. А в отношении с Китаем Россия стоит на позициях стратегической независимости и способности осуществлять региональное лидерство, поэтому, как отмечает эксперт, нет причин расценивать сопряжение ЕАЭС с китайской инициативой «Пояс и путь» в качестве формы подчинения Китаю. Это позволяет России создать впечатление великой державы и одной из опор постзападного миропорядка. Однако очевидно, что концепция «Большой Евразии» имеет больше символическое, идейно-инструментальное значение. Она создает лишь «иллюзию равенства» и является неосуществимой на практике, что определяется многими факторами и в первую очередь экономическими, связанными с ограниченным влиянием ЕАЭС и неспособностью конкурировать с Китаем в этой сфере[178].

Следующий раздел посвящен ШОС. Сама Шанхайская организация рассматривается как ведомая Китаем, на которую Пекин может делать ставку для изменения миропорядка в рамках противостояния Западу. ЕАЭС в этом контексте описывается как более скромная организация, чем ШОС и инициатива «Пояс и путь». Если ЕАЭС направлен на закрепление России как евразийской державы, больше даже в идеологическом плане, то китайские инициативы являются вызовом мировому порядку.

Третья секция доклада полностью посвящена ЕАЭС. В первом ее разделе рассмотрена роль этой организации в «Большой Евразии», во втором – положение Казахстана в ЕАЭС.

---

[174] *Ibid. P. 10.*
[175] *Ibid. P. 11.*
[176] *Ibid.*
[177] *Ibid.*
[178] *Ibid. P. 11–12.*

Указывается, что роль ЕАЭС в политике России прежде всего геополитическая, и если изначально проект должен был стать частью «Большой Европы», то после ухудшения отношений с Западом в связи с украинским кризисом произошел поворот на Восток[179].

В рамках анализа международной правосубъектности ЕАЭС и распределении полномочий в организации, большое внимание уделяется Евразийской экономической комиссии как независимому органу, защищающему интересы Союза и способному выступать от его имени. Описываются и некоторые принципы ее функционирования, в частности отмечается, что «в отличие от Европейской комиссии Евразийская экономическая комиссия не уполномочена действовать самостоятельно» и что «хотя в соответствии с учредительным договором все государства-члены ЕАЭС имеют равное представительство и равные возможности определять стратегию развития ЕАЭС, на практике Россия определяет повестку дня»[180]. По мнению автора, во внешней политике ЕАЭС это даже более заметно, чем во внутренней.

При этом страны – члены организации смирились с доминированием России в ЕАЭС, однако они стремятся сохранить гибкость как в отношениях внутри организации, так и во внешних связях. Отмечается, что, например, Беларусь и Казахстан предпочли воздержаться от поддержки России в экономическом противостоянии с Западом и стремятся получить выгоду, обходя санкции[181]. В этом же контексте описаны соглашения Казахстана и Армении с ЕС и особо выделяется Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между Арменией и ЕС, которое охватывает широкий спектр сфер взаимодействия и открывает новые возможности для сотрудничества. В свою очередь Казахстан стремится к автономности в отношениях с Китаем и его инициативой «Пояс и путь», что просматривается на примере государственной программы «Нурлы Жол»[182].

Вместе с тем Россия развивает двусторонние связи с Китаем, Вьетнамом и другими странами за рамками ЕАЭС. И Китай также предпочитает гибкую политику, развивая отношения с Минском, Нур-Султаном и Ереваном. Исходя из этого, автор делает вывод, что двусторонние связи в регионе все еще преобладают над структурными с участием ЕАЭС, и сомневается, что ЕАЭС станет ведущим игроком в рамках Большого Евразийского партнерства»[183].

В последнем небольшом разделе, посвященном Казахстану, отмечается, что страна находится на пересечении азиатских инициатив и больше всего включена в процессы, отражающие конкуренцию Москвы и Пекина. В таких условиях Нур-Султан пытается извлечь максимальную выгоду из этих преимуществ, пользуясь льготами в рамках ЕАЭС и активно включаясь в китайские проекты[184].

Последняя публикация с прямым упоминанием ЕАЭС в рамках данного тематического блока – статья программного директора Международного дискуссионного клуба «Валдай» Я. Лисоволика, опубликованная на сайте *World Economic Forum (51).* В ней рассмотрены вопросы, связанные с развитием более тесных политических и экономических связей России со странами Востока, в первую очередь с Китаем. Так, отмечается, что за последние несколько лет в отношениях между Китаем и Россией появилось несколько важных инициатив, среди которых соглашение о не преференциальной тор-

[179] *Ibid. P. 34.*
[180] *Ibid. P. 35.*
[181] *Ibid. P. 36.*
[182] *Ibid. P. 37.*
[183] *Ibid.*
[184] *Ibid. P. 41–42.*

говле между Китаем и ЕАЭС. А сопряжение китайской инициативы «Пояс и путь» и Евразийского экономического союза является ключевым направлением сотрудничества между РФ и КНР[185].

«Сопряжение "Пояса и пути" и ЕАЭС позволит обширным, не имеющим выхода к морю регионам Центральной Азии и внутренним регионам России в Сибири и на Урале трансформировать свое географическое положение в экономическое преимущество, благодаря которому они смогут стать стратегическими посредниками в рамках увеличения транспортных, инвестиционных и торговых потоков между Европой и Азией»[186].

Отмечается при этом, что тесные российско-китайские отношения не скажутся на качестве отношений с другими странами Востока. Так, ЕАЭС подписал меморандум о сотрудничестве с АСЕАН, также отмечены подписание соглашения о ЗСТ с Вьетнамом, переговоры с Сингапуром и заинтересованность ряда других стран АСЕАН в переговорах с ЕАЭС.

В итоге долгосрочная цель, поставленная руководством России, заключается в продвижении так называемого Большого евразийского партнерства, которое обеспечило бы платформу для экономического сотрудничества между всеми странами и регионами евразийского континента. При этом автор достаточно оптимистично смотрит и на отношения ЕАЭС – ЕС, отмечая, что, несмотря на провозглашенную политику «поворота на Восток», российская бизнес-элита остается по большей части европейской по своей ориентации. А прогресс в развитии связей между ЕС и ЕАЭС, а также нормализация двусторонних связей с европейскими странами могут проявиться в значительном увеличении объемов инвестиций и торговли после длительного периода негативной динамики[187].

Косвенные упоминания

В докладе *Bruegel (2)* с анализом взаимоотношений Китая и ВТО в подразделе, посвященном республикам бывшего СССР, «которые заслуживают широкого обсуждения, так как их экономика не сильно отличается от китайской», авторы решили «сосредоточиться на трех странах, которые охватывают весь спектр ситуаций». Среди них: «Россия, безусловно, самая большая страна; Казахстан, член Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и, следовательно, с тесными торговыми связями с Россией; и Украина, которая дистанцировалась от России, подписав соглашение о свободной торговле с Европейским союзом»[188].

В исследовании *Barcelona Centre for International Affairs (12),* в котором рассматривается взаимодействие Турции с ЕС и партнерами за пределами Евросоюза в контексте отношений Турции и ШОС, упоминается и ЕАЭС: «Интеграция двух основных экономических проектов в Евразии – возглавляемого Китаем Экономического пояса Шелкового пути и возглавляемого Россией Евразийского экономического союза, вызвала интерес у ШОС»[189].

---

[185] *Lissovolik Y. Q&A: What is the strategy behind Russia's turn to the East? // World Economic Forum, 19.09.2019. Url: https://www.weforum.org/agenda/2019/09/q-a-what-is-the-strategy-behind-russia-s-turn-to-the-east/*
[186] *Ibid.*
[187] *Ibid.*
[188] *Mavroidis P. C., Sapir A. China and The World Trade Organisation: Towards a Better Fit // Bruegel, 11.06.2019. P. 18. Url: https://bruegel.org/wp-content/uploads/2019/06/WP-2019-06-110619_.pdf*
[189] *Berulava G., Manoli P., Selçuki C. Modes of Regional Cooperation and their Political Economy // Barcelona Centre for International Affairs, February 2019. P. 14. Url: https://www.cidob.org/es/content/download/72399/2269624/version/1/file/FEUTURE%20Online%20Paper%20No.%2029.%20Modes%20of%20regional%20cooperation%20and%20their%20political%20economy.pdf*

В более чем 170-страничном докладе *Institute for International Political Studies (15)* «Конец света: закат либерального порядка» ЕАЭС косвенно упоминается дважды. Первое упоминание встречается в контексте противостояния России и Запада: «“Восточный бросок” Запада в виде расширения НАТО и Восточного партнерства сдерживал проект Евразийского экономического союза, анонсированный Путиным в 2011 г. Эпицентром конкуренции между этими экспансионистскими проектами стала Украина»[190]. Второе связано с российско-китайским взаимодействием, в котором Россия пытается «сохранить свои позиции в ЦА и гармонизировать Евразийский экономический союз с гораздо более динамичной инициативой Пекина “Пояс и путь”»[191].

В материале *World Economic Forum (51),* посвященном возможному военному конфликту между ведущими державами, отмечается, что сближение России и Китая – это гарантия стабильности для стран региона. Благодаря чему они могут выдерживать политические стрессы (например, транзит власти) без вмешательства извне. «Более того, у России и Китая есть конструктивный подход к сближению собственных интеграционных инициатив. Сопряжение Евразийского экономического союза и инициативы “Пояс и путь” чрезвычайно важно в этом смысле. Железнодорожные и автомобильные перевозки грузов в Центральной Азии могут придать экономический импульс всем странам региона»[192], – пишет автор статьи, российский эксперт А. Сушенцов.

Автор статьи в *Wilfried Martens Centre for European Studies (70)* в заголовке задается вопросом: не движется ли Россия, «как сомнамбула», к тому, чтобы подпасть под китайское влияние? И отмечает, что, несмотря на усилия по смягчению потенциальных конфликтов в сфере безопасности между Китаем и Россией, растущие глобальные амбиции Китая вступают в противоречие с интересами России. Пекин старается не посягать на российские интересы в ЦА в сфере безопасности, однако по мере того как будет набирать обороты китайская инициатива «Пояс и путь», «она легко может вступить в противоречие с интересами Москвы в управляемом Россией ЕАЭС. Конфликт интересов может возникнуть и при определении направления развития ШОС»[193].

В статье *Institute Montaigne (100)*, посвященной внешнеполитической стратегии Китая, ЕАЭС рассмотрен в контексте китайско-российской интеграции. «Хотя масштабы китайско-российского сотрудничества могут показаться безграничными – от Афганистана и Центральной Азии до Южной Азии и Корейского полуострова, очевидно, что китайские аналитики считают, что определенные области заслуживают приоритета... Сопряжение и совместное развитие китайского “Пояса и пути” и российского ЕАЭС занимает важное место в более широких дискуссиях в рамках двусторонних отношений»[194].

[190] *The End of a World: the decline of the liberal order / edited by A. Colombo, P. Magri // Institute for International Political Studies, March 2019. P. 96. Url: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/ispi_report2019_the_end_of_a_world_0.pdf*

[191] *Ibid. P. 100.*

[192] *Sushentsov A. A major war between leading military powers is now impossible. Here's why // World Economic Forum, 23.07.2020. Url: https://www.weforum.org/agenda/2019/07/a-major-war-between-leading-military-powers-is-now-impossible-here-s-why/*

[193] *Huhtanen T. Is Russia sleepwalking into Chinese dominance? // Wilfried Martens Centre for European Studies (WMCES), FKA Centre for European Studies, 15.04.2019. Url: https://www.martenscentre.eu/blog/russia-sleepwalking-chinese-dominance*

[194] *Albert E. China Trends #3 – How China Frames Sino-Russian Ties into its Foreign Policy Strategy // Institute Montaigne, 09.10.2019. Url: https://www.institutmontaigne.org/en/blog/how-china-frames-sino-russian-ties-its-foreign-policy-strategy*

Еще один автор *Institute Montaigne (100),* ссылаясь на приведенную выше публикацию, отмечает, что Пекин рассчитывает на российскую поддержку, потому что Россия сама идет по пути интеграции в Евразии, а Евразийский экономический союз Москвы прекрасно вписывается в инициативу "Пояс и путь" и в целом не является для Китая конкурентом»[195].

3.2. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Прямые упоминания

Один из трех докладов *Chatham House (3)* в серии *Russia and Eurasia Programme*, которые мы отнесли к материалам с прямым упоминанием ЕАЭС, посвящен Казахстану. В этом более чем 100-страничном документе, подготовленном группой авторов, ЕАЭС упоминается около 40 раз. В основных положениях доклада приведены наиболее значимые вызовы, стоящие перед Казахстаном. В группе внешних вызовов отношения с Россией и Китаем объединены в один пункт, в нем в частности отмечается, что основные события в регионе связаны с экономической интеграцией в рамках «возглавляемого Россией ЕАЭС и китайской инициативы "Пояс и путь"». По мнению авторов, прогресс в рамках ЕАЭС был подорван российско-украинским кризисом и представлениями среди государств-членов о том, что для Москвы более важна политическая повестка дня, а не экономическая. В то же время «Пояс и путь» сталкивается с оппозицией со стороны общества, которую правительство в целом игнорирует[196]. Также отмечается, что неспособность ЕАЭС, «изначально задуманного Назарбаевым, но реализованного Путиным, принести ощутимые выгоды вызвала народное недовольство как по отношению к России (его бесспорному лидеру), так и к правительству Казахстана»[197].

Авторы полагают, что шаги России по углублению региональных экономических связей принесли Казахстану проблемы, хотя ЕАЭС, в рамках которого был создан единый рынок для его членов, должен был нести взаимную выгоду. «На практике этот проект сопряжен с политической неопределенностью. Сам размер России означает, что она доминирует в ЕАЭС»[198]. Недовольство некоторыми действиями Москвы, такими как запрет на транзит украинских товаров и запрет на импорт продуктов питания с Запада, привело к тому, что «Назарбаев зашел так далеко, что допустил, что Казахстан может выйти из ЕАЭС, если членство в нем будет угрожать суверенитету страны»[199]. Кроме того, отмечается, что Казахстан присоединился к ВТО на более либеральных условиях, чем Россия, что привело к новым осложнениям для торговли внутри ЕАЭС[200].

В докладе отмечено, что «в последние годы Казахстан стал рассматривать внешнюю политику России как все более неоколониальную», поэтому Астана стремится дистанцироваться от Москвы и демонстрирует открытость для региональных центральноазиатских инициатив. «Скептицизм по отношению к региональным структурам, возглавляемым Москвой, усиливался на фоне того, что Россия не смогла дать обещанных

---

[195] *Godement F. China Trends #3 – Dotting the I's and Crossing the T's : Sino-Russian Cooperation in Action // Institute Montaigne, 08.10.2019. Url: https://www.institutmontaigne.org/en/blog/china-trends-3-dotting-and-crossing-ts-sino-russian-cooperation-action*

[196] *Bohr A., Brauer B., Gould-Davies N., Kassenova N., Lillis J., Mallinson K., Nixey J., Satpayev D. Kazakhstan: Tested by Transition // Chatham House, November 2019. P. viii. Url: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2019-11-27-Kazakhstan-Tested-By-Transition.pdf*

[197] *Ibid. P. 6.*

[198] *Ibid. P. 32.*

[199] *Ibid. P. 33.*

[200] *Ibid.*

преимуществ, которые должно было принести Казахстану членство в ОДКБ и ЕАЭС». И теперь «Казахстан открыто пренебрегает политической повесткой дня президента России Владимира Путина в отношении ЕАЭС» и стремится «не оказаться запертым в экономической орбите ЕАЭС»[201].

Также о ЕАЭС идет речь и в контексте двусторонних отношений Казахстана с Кыргызстаном. Подчеркивается, что, решив закрыть границу с Кыргызстаном, Казахстан продемонстрировал своему соседу, что «членство не дает никаких гарантий против экономической блокады». Также отмечается, что вместо ожидаемого при вступлении Кыргызстана в ЕАЭС роста двусторонней торговли, на самом деле произошло ее снижение, что было связано с потерей доходов от реэкспорта китайских товаров, кроме того, после вступления в ЕАЭС была нарушена челночная торговля на крупных рынках в Кыргызстане, которая «давала доход тысячам семей в Центральной Азии»[202].

Констатируя, что на данном этапе в регионе реализуются два крупных экономических интеграционных проекта – ЕАЭС и «Пояс и путь», активным участником которых является Казахстан, авторы задаются вопросом: удастся ли ему совместить масштабные совместные проекты, поддержанные как Россией, так и Китаем, или же Казахстан окажется в ловушке и ему придется выбирать между ними[203]. По их мнению, после создания ЕАЭС скорость принятия политических решений замедлилась, в частности Таможенный кодекс, который должен был вступить в силу с 1 января 2016 г., был введен в действие только 1 января 2018 г.; также приводится еще ряд примеров, в том числе с общим рынком лекарств и медицинского оборудования, который так и не заработал. «Медленные темпы развития инструментов ЕАЭС отражают сложность задачи унификации нормативной базы и структур в разных странах. У политической воли есть свои границы»[204],– полагают авторы. Еще одним препятствием для евразийской интеграции стал российско-украинский конфликт; более того, евразийские интеграционные инициативы стали одной из причин украинского кризиса: «Проект, который был создан для того, чтобы способствовать процветанию на постсоветском пространстве, в конечном итоге разделил Украину, создав «геополитическую горячую точку» и нанеся ущерб европейской системе безопасности. Без участия Украины вся концепция ЕАЭС как интегрированного экономического пространства между Европой и Азией теряет смысл»[205]. Авторы приводят и традиционный аргумент о том, что Россия не считает своих ближайших соседей равноправными партнерами, о чем свидетельствует то, что Москва ввела контрсанкции против Запада, не посоветовавшись с другими государствами – членами ЕАЭС. Уделено внимание и сопряжению ЕАЭС и китайских интеграционных проектов, в том числе упоминается и российская инициатива создания «Большой Евразии». «Россия заявляет о своей заинтересованности в совместном развитии ЕАЭС и “Пояса и Пути”. Однако чувствует угрозу растущей мощи Китая и его экономической экспансии», – говорится в докладе[206].

В исследовании *European Union Institute for Security Studies (40)*, посвященном ситуации в ЦА, есть подраздел «Российское “Большое Евразийское партнерство”», в котором ЕАЭС упоминается семь раз. Автор отмечает, что «Россия проявляет интерес к этому региону, с которым она раньше была очень тесно связана. Однако вариант

[201] *Ibid. P. 73.*
[202] *Ibid. P. 82.*
[203] *Ibid. P. 93.*
[204] *Ibid. P. 94.*
[205] *Ibid.*
[206] *Ibid. P. 95.*

взаимодействия, продвигаемый Россией, принципиально отличается от китайской инициативы «Пояс и путь». Россиецентричные региональные интеграционные проекты, такие как ЕАЭС и ОДКБ, направлены на то, чтобы закрепить ведущую роль Москвы на постсоветском пространстве, исключив других игроков (для Китая, как отмечается ранее, приоритетом являются сырьевые ресурсы региона, его транзитные возможности; кроме того, Пекин, стремится наладить взаимодействие путем активной и масштабной деятельности, а не путем исключения других участников. – *Р. Т., А. А.*). Несмотря на различную логику российского и китайского проектов, а также их конкуренцию за региональное лидерство, цели сохранения статус-кво, безопасности и стабильности региона объединяют Москву и Пекин. Поэтому Россия и Китай в последние годы продемонстрировали и готовность, и способность учитывать взаимные интересы в Центральной Азии[207].

Отмечается, что Россия является важным партнером для Китая в ЦА, так как Казахстан и Кыргызстан входят в ЕАЭС и Россия играет значимую роль в региональной торговле. Вдобавок к этому Россия имеет мощные рычаги «мягкой силы», имея тесные культурные, миграционные, социальные связи со странами региона. «В мае 2015 г. президент Путин и президент Си подписали совместное заявление об интеграции ЕАЭС и “Пояса и пути”. Помимо регулярных встреч на высшем уровне и совместных заявлений, существует также отдельная платформа для диалога, в рамках которой рассматриваются конкретные меры по сопряжению ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути»[208], – отмечает автор. «В попытке преодолеть проблемы, связанные с разной интеграционной логикой российского и китайского проектов, Путин предложил концепцию “Большого Евразийского партнерства”. Эта концепция представляет собой попытку России реализовать более широкую и комплексную региональную инициативу, подобную китайскому “Поясу и пути”». «Идея, лежащая в основе этой инициативы, состоит в том, чтобы объединить российские и китайские структуры (отсюда и использование слова “партнерство”) и связать их с другими соответствующими региональными проектами, такими как Экономический пояс Шелкового пути, ЕАЭС, ШОС и АСЕАН. И слова постепенно трансформируются в конкретные действия: в 2018 г. государства ЕАЭС и Китай подписали непреференциальное соглашение о свободной торговле, которое заложило основы для будущего упрощения процедур»[209].

Косвенные упоминания

В одном из докладов *French Institute of International Relations (1)* отмечается: «Набирающая обороты экономическая интеграция в рамках Евразийского экономического союза содержит значительный потенциал для инвестиционного сотрудничества Японии с Казахстаном и Кыргызстаном – членами ЕАЭС. В частности, чиновники Японской организации по развитию внешней торговли подчеркивали (ссылка на заявление 2011 г. – *Р. Т., А. А.*) значение Таможенного союза ЕАЭС для японских автопроизводителей»[210].

---

[207] *Saari S. Connecting The Dots: Challenges to EU connectivity in Central Asia // European Union Institute for Security Studies, June 2019. P. 6. Url: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief%206%20Central%20Asia_0.pdf*

[208] *Ibid.*

[209] *Ibid.*

[210] *Murashkin N. Japan and Central Asia Do Diplomacy and Business Go Hand-in-Hand? // French Institute of International Relations, April 2019. P. 36. Url: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/murashkin_japan_central_asia_diplomacy_2019.pdf*

В статье *Chatham House (3),* посвященной внешней политике Казахстана, отмечается, что Казахстан долгое время идентифицировал себя скорее как евразийское государство-посредник между Россией и Центральной Азией, чем в качестве неотъемлемой части Центральноазиатского региона. Однако в последнее время он ищет возможности для активизации отношений со своими соседями по региону; автор объясняет это в первую очередь либерализацией крупного рынка Узбекистана, но также отмечает, что есть и другие факторы, среди которых то, что Казахстан стал рассматривать внешнюю политику России «как все в большей степени неоколониальную». А «пример возглавляемого Россией Евразийского экономического союза во многих отношениях скорее отталкивающий, чем вдохновляющий, и Нур-Султан не хочет оказаться накрепко заблокированным в пределах экономической орбиты Союза»[211].

В статье *International Institute for Strategic Studies (4)* речь также идет о Казахстане. Рассматривая ситуацию в этом государстве после ухода с поста Н. Назарбаева, автор отмечает, что в стране есть элитный консенсус относительно того, что во внешней политике необходимо сохранение хороших отношений и с Россией, и с Китаем. А одной из основных целей во внешней политике для нового режима будет «продолжение интеграции Казахстана с Китаем, а также интеграции в глобальную экономику с учетом существующих формальных и неформальных ограничений, обусловленных членством Казахстана в возглавляемом Россией Евразийском экономическом союзе». Ситуацию осложняет конфронтация между Россией и Западом из-за Украины, так как Москва делает все больший упор на своем доминировании в ближнем зарубежье[212].

В статье «Новая стратегия ЕС в Центральной Азии», опубликованной *Centre for European Policy Studies (8),* указывается, что центральноазиатские страны делают ставку на китайскую инициативу «Пояс и путь» и региональные организации, такие как ШОС. Автор отмечает, что такая позиция «помогает подстраховаться на фоне попыток России уговорить центральноазиатские столицы к присоединению или расширению сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза»[213].

Также в материале отмечается, что ЕС, даже несмотря на то, что популярность русского языка в регионе падает, не в состоянии конкурировать с историческим и экономическим наследием России в Центральной Азии, а Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан остаются крупнейшими получателями денежных переводов из России. При этом «единственное соглашение о свободной торговле, которое было бы значимым для ЕС, – это соглашение с Казахстаном, однако это пустая затея, потому что Казахстан входит в ЕАЭС»[214]. Также авторов беспокоят предложения В. Путина Узбекистану: готовность пойти на уступки, которые «до сих пор были доступны только полноправным членам ЕАЭС», могут «осложнить дело» в вопросах взаимодействия этой страны с ЕС.

Три комментария *Institute for International Political Studies (15)* посвящены Центральной Азии. Авторы этих материалов, где вскользь упоминается ЕАЭС, представляют разные аналитические центры.

---

[211] *Bohr A. Kazakhstan: Reaching Out to Central Asian Neighbours // Chatham House, 04.12.2019. Url: https://www.chathamhouse.org/expert/comment/kazakhstan-reaching-out-central-asian-neighbours*
[212] *Nice. A. More of the same? The challenges ahead for Kazakhstan's new leadership // International Institute for Strategic Studies, 25.03.2019. Url: https://www.iiss.org/blogs/analysis/2019/03/kazakhsta*
[213] *Sahajpal M., Blockmans S. The New EU Strategy on Central Asia // Centre for European Policy Studies, 21.06.2019. Url: https://www.ceps.eu/the-new-eu-strategy-on-central-asia/*
[214] *Ibid.*

В одном из комментариев среди основных целей России в регионе указано «укрепление интеграционных институтов Евразийского экономического союза, полноправными членами которого являются Казахстан и Кыргызстан, а в перспективе – Таджикистан»[215].

Второй – посвящен перспективам интеграции стран ЦА в рамках региона. По мнению его автора, внешние силы усугубили атомизированный характер отношений в Центральной Азии, а «многие центральноазиатские республики являются членами многосторонних структур, таких как ЕАЭС и ОДКБ, возглавляемые Россией, или ШОС, продвигаемая Россией и Китаем». И несмотря на то, что РФ и КНР продвигают свои форматы регионального сотрудничества, они отдают предпочтение двусторонним отношениям в ЦА и в спорных вопросах выступают посредниками за закрытыми дверями, а не подключают региональные организации к решению этих вопросов[216].

В третьем комментарии рассмотрена новая стратегии ЕС для Центральной Азии. Автор в частности отмечает: «Стратегия обходит молчанием китайскую инициативу "Пояс и путь", не рассматривая ее ни в качестве партнера, ни в качестве конкурента в Центральной Азии, при этом Россия даже не упоминается (а Евразийский экономический союз отмечен лишь в сноске)». Аналогичная ситуация и с ШОС, и с ОДКБ[217].

Новая Стратегия ЕС в Центральной Азии, принятая Европейским Советом 17 июня 2019 г., рассматривается и в одной из статей *LSE IDEAS (18)*. Автор полагает, что «экономически слабая и раздробленная Центральная Азия служит интересам России», и вспоминает, что именно Казахстан «первым начал продвигать Евразийский экономический союз, чтобы угодить России и, возможно, в связи с опасениями после тонко завуалированных угроз Путина относительно сухопутной границы с этой страной»[218].

Вместе с тем Россия в духе «поворота на Восток» позволяет Китаю реализовывать его экономические интересы, но продвигает ЕАЭС и сохраняет «военный кнут» в регионе. При рассмотрении сотрудничества ЕС со странами Центральной Азии подчеркивается, что «совместимость с обязательствами в рамках ЕАЭС является центральным моментом» при реализации европейских инициатив[219].

В свою очередь *Geneva Centre for Security Policy (96)* организовал встречу с министром иностранных дел Кыргызстана Чингизом Айдарбековым. Согласно анонсу, в ее рамках должны были быть рассмотрены вопросы сотрудничества между странами ЦА как на двусторонней основе, так и в рамках региональных организаций, в частности СНГ, ШОС, ЕАЭС, ОДКБ и др.[220]

---

[215] Gusev L. The Importance of Central Asia for Russia's Foreign Policy // Institute for International Political Studies, 03.10.2019. Url: https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/importance-central-asia-russias-foreign-policy-24071
[216] Zogg B. Central Asian States: Is Intra-Regional Integration Possible? // Institute for International Political Studies, 03.10.2019. Url: https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/central-asian-states-intra-regional-integration-possible-24070
[217] Boonstra J. A New EU Strategy for Central Asia: From Challenges to Opportunities // Institute for International Political Studies, 03.10.2019. Url: https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/new-eu-strategy-central-asia-challenges-opportunities-24062
[218] Kruessmann T. Tiptoeing around the two elephants in the room? Assessing the EU's new Central Asia Strategy // LSE IDEAS, 26.06.2019. Url: https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2019/06/26/tiptoeing-around-the-two-elephants-in-the-room-assessing-the-eus-new-central-asia-strategy/?from_serp=1
[219] Ibid.
[220] Central Asian region – current status and prospects // Geneva Centre for Security Policy, 07.10.2019. Url: https://www.gcsp.ch/events/central-asian-region-current-status-and-prospects

3.3. ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

Прямые упоминания

За редким исключением материалы, объединенные в этом тематическом блоке, посвящены Армении. Значительное внимание в них уделяется смене власти в стране в 2018 г., а также отношениям нового армянского правительства с Россией и его позиции в отношении евразийской интеграции.

Так, в докладе британского *Chatham House (3),* выпущенном в серии *Russia and Eurasia Programme* и посвященном внешней политике Еревана, ЕАЭС упоминается более 20 раз. В частности отмечается, что «решение Армении в 2013 г. о вступлении в Евразийский таможенный союз, после переименованный в Евразийский экономический союз, ознаменовало разворот страны, который сделал невозможным подписание соглашения об ассоциации с ЕС», само же это решение было продиктовано соображениями безопасности[221]. Однако, по мнению автора доклада, слепая опора на «стратегическое партнерство» (взято в кавычки и в оригинале. – *Р. Т., А. А.*) с Россией, а также «на членство в возглавляемых Россией ОДКБ и ЕАЭС привела к тому, что вокруг Армении стало не более, а менее безопасно»[222].

Взаимоотношениям Армении и этих двух региональных организаций посвящен целый раздел исследования с названием «ЕАЭС и ОДКБ: обременительные союзы Армении?», в нем отмечается, что в ЕАЭС Армения оказалась в Союзе, который характеризовался разделенными интересами его членов, а Казахстан и Беларусь уже были «разочарованы гегемонистской политикой России по отношению к ним». «Погрязшие в бесконечных переговорах с Россией, эти две страны видели в создании препятствий вступлению Армении в ЕАЭС возможность усилить свои позиции в переговорном процессе»[223]. И собственные отношения Армении с Казахстаном и Беларусью, несмотря на совместное членство в ЕАЭС, омрачались противоречиями в контексте отношений с Азербайджаном.

С чисто экономической точки зрения, ожидания Армении от вступления в ЕАЭС также, по мнению автора, оказались нереалистичными. В частности отмечается, что «Армения почти не торгует ни с одним из членов Евразийского экономического союза, за исключением России», более того, долгое время основным торговым партнером Армении был ЕС, и только после вступления в ЕАЭС стала расти роль России. «Страна не получила экономических выгод от вступления в ЕАЭС, и теперь ее руки связаны в вопросах заключения торговых сделок с третьими сторонами. В равной степени спорным является и аргумент о целесообразности присоединения к ЕАЭС по соображениям безопасности. Ни Турция, ни Азербайджан на момент разворота в 2013 г. не представляли для Армении большей угрозы, чем раньше»[224], – полагает автор доклада. А сама «теория о том, что вступление в ЕАЭС улучшит ситуацию с безопасностью для Армении, начала рушиться практически сразу», в качестве аргумента к этому тезису приводится то, что членство Армении в ОДКБ и ЕАЭС не помешало обострению ситуации в регионе, в частности «четырехдневной войне» в апреле 2016 г.[225]

---

[221] *Shirinyan A. Armenia's Foreign Policy Balancing in an Age of Uncertainty // Chatham House, March 2019. P. 3. Url: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2019-03-14-Armenia3.pdf*
[222] *Ibid.*
[223] *Ibid. P. 18.*
[224] *Ibid.*
[225] *Ibid. P. 19.*

Анализируя политику ЕС в отношении Армении, автор доклада отмечает, что «в 2015 г., с учетом провала проекта Восточного партнерства, ЕС пересмотрел свою Европейскую политику соседства». По ее мнению, новые подходы ЕС в отношении Армении, свидетельствуют о том, что некоторые уроки Брюсселем были извлечены. «Одним из результатов стал более высокий уровень дифференциации в политике по отношению к восточным партнерам ЕС. Это привело к заключению единственного в своем роде соглашения, которое предполагает компромисс между членством Армении в ЕАЭС и более тесной интеграцией с ЕС», и, поскольку «ЕАЭС не является полноценным экономическим союзом, а его политический символизм важнее технических правил, у Армении может быть некоторое пространство для маневра в направлении более тесной интеграции с ЕС в будущем»[226].

Также уделено определенное внимание иранскому направлению политики Еревана: отмечается, что потенциал Ирана в диверсификации внешней политики Армении остается нераскрытым, а Россия опасается, что если Иран и дальше будет открываться Армении, это уменьшит влияние Москвы. Тем не менее Армения пытается сблизиться с Ираном, в частности она добивалась заключения временного соглашения о свободной торговле между Ираном и ЕАЭС, которое было подписано в мае 2018 г. А в декабре 2017 г. была создана зона свободной торговли в Мегри, приграничном с Ираном регионе Армении, одна из целей которой – привлечь бизнес из Ирана, ЕС, США, Китая и ЕАЭС[227].

В заключении отмечается: «Несмотря на то, что бархатная революция 2018 г. фундаментально не изменила геополитический ландшафт, она, вероятно, приведет к более «армяноцентричной» внешней политике в долгосрочной перспективе. Сегодня страна ставит неудобные для России и других партнеров по ОДКБ и ЕАЭС вопросы относительно проблем с конвергенцией внутри этих альянсов»[228].

В одном из докладов *Friedrich Ebert Foundation (7)* дана оценка путей социально-экономического развития Республики Армения сквозь призму программам политических партий и объединений, участвовавших в досрочных парламентских выборах 2018 г. Одним из направлений для анализа стало отношение к ЕАЭС, которое автор рассматривал в рамках экономического сектора. Так, например, отмечается, что в предвыборной программе Республиканской партии Армении ЕАЭС не упоминается, «однако следует отметить, что партия считает возможный выход из ЕАЭС безответственным, и подчеркивает, что после возвращения к власти они будут проводить ту же политику, что и предыдущее правительство»[229].

В программах Социал-демократической партии «Решение гражданина»[230], армянской революционной федерации «Дашнакцутюн»[231], «Христианско-народного возрождения»[232] и всеармянской партии «Сасна црер»[233] нет ссылок на ЕАЭС.

«Блок “Мой шаг” был намерен развивать взаимовыгодное сотрудничество и углублять двусторонние отношения со странами Евразийского региона в рамках ЕАЭС, ОДКБ и СНГ»[234].

---

[226] *Ibid. P. 22.*
[227] *Ibid. P. 24.*
[228] *Ibid. P. 25.*
[229] *Sargsyan R. Social and Economic Policies during Armenian Parliamentary Elections // Friedrich Ebert Foundation, 2019. P. 10. Url: http://library.fes.de/pdf-files/bueros/georgien/15787.pdf*
[230] *Ibid. P. 12.*
[231] *Ibid. P. 14.*
[232] *Ibid. P. 23.*
[233] *Ibid. P. 30.*
[234] *Ibid. P. 18.*

Партия «Просвещенная Армения» среди минимально необходимых шагов по стимулированию промышленности указала «установление кооперационных связей с промышленными центрами ЕАЭС и ЕС»[235]. В предвыборной программе эта партия среди своих целей отметила «экономическое сотрудничество с ЕАЭС и ЕС», а в разделе партийной программы, посвященном внешней политике, было упоминание о сотрудничестве Армении с ЕАЭС и ЕС[236].

Партия «Национальный прогресс» отметила в своей программе важность проведения референдума по вопросу членства Армении в СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и других межправительственных и наднациональных структурах. Это единственное упоминание ЕАЭС[237].

Блок партий «Мы» считает ЕАЭС «самой неэффективной структурой для Армении и самым большим провалом во внешней политике Армении, поскольку членство в этом Союзе принесло больше вреда, чем пользы Армении. По этой причине Альянс предлагает пересмотреть отношения с ЕАЭС и шаг за шагом продвигаться к полноправному членству в ЕС»[238].

«Оринац Еркир» по отношению к ЕАЭС предлагал «реализацию стратегических программ в регионе и дальнейшее развитие существующих отношений. А также последовательное укрепление позиций Армении в ЕАЭС и запуск на территории Армении совместных армяно-российских военных и промышленных предприятий двойного назначения». В то же время эта политическая сила предлагала также «обеспечить прогресс в сотрудничестве между ЕС и Арменией»[239].

Партия «Процветающая Армения» выступала за привлечение финансов из стран ЕАЭС, а также «за развитие и углубление армяно-российских стратегических отношений. Эта партия декларировала, что продолжит активно участвовать в работе СНГ, ЕАЭС и ОДКБ», в то же время отметив, что «продолжит конструктивное участие в процессе европейской интеграции»[240].

В аналитической записке, опубликованной в *European Council on Foreign Relations (26)*, речь идет об изменениях внешней политики Армении, которые породила «бархатная революция». По мнению автора, «никакого Майдана здесь не было. Но вот уже несколько лет, как Армения постепенно выходит из тени России»[241]. Подчеркивается, что этот процесс начался еще до революции.

Основной лейтмотив документа – возможность и необходимость для Армении ослабить зависимость от России. Автор отмечает, что отношения между странами называют «стратегическим партнерством», но в последнее время «правительство и население Армении стали замечать, насколько отношения между ними стали менее партнерскими и более односторонними»[242].

Описывая сложную экономическую ситуацию, а также геополитическое положение Армении, автор подчеркивает ограниченность страны в возможностях, что и определяет связи с Россией, а также Грузией и Ираном, причем последний «является единственным стабильным и дружественным соседом Армении» [243].

---

[235] Ibid. P. 21.
[236] Ibid. P. 22.
[237] Ibid. P. 23.
[238] Ibid. P. 26.
[239] Ibid. P. 28.
[240] Ibid. P. 33.
[241] Giragosian R. Paradox of power: Russia, Armenia, and Europe after the Velvet Revolution // European Council on Foreign Relations, August 2019. P. 2. Url: https://www.ecfr.eu/page/-/russia_armenia_and_europe_after_the_velvet_revolution.pdf
[242] Ibid. P. 5.
[243] Ibid. P. 4.

Отмечается, что «членство Армении в возглавляемом Россией Евразийском экономическом союзе позволяет ей предложить Ирану важную транзитную площадку для выхода на более крупные рынки государств – членов ЕАЭС»[244]. Таким образом, Армения выступает в качестве «моста» между Ираном и Россией, Ираном и другими странами ЕАЭС и, что важно, Ираном и странами Запада, с которыми Армения имеет прочные связи.

В тексте отмечается, что «Армения вступила в ЕАЭС после того, как Россия успешно надавила на нее, чтобы она отказалась от Соглашения об ассоциации с ЕС»[245]. И теперь экономическая ситуация в Армении в долгосрочной перспективе выглядит безрадостной. В качестве причин указаны закрытые границы, слабая производственная база, а также изменение направлений торговли страны, после вступления в ЕАЭС. Однако благодаря таможенным льготам, «членство в ЕАЭС может стать для Армении насколько обременительным, настолько же и выгодным»[246].

Рассмотрены и возможности нового правительства Армении ослабить зависимость от России и усилить связи с Европой. Отмечается, что такие возможности есть, но команда Н. Пашиняна слишком малоопытна во внутренней и особенно во внешней политике. Сам Пашинян, находясь в оппозиции, выступал за выход страны из ЕАЭС, но после прихода к власти изменил свою позицию и заверил Москву, что «смена власти в Армении не предполагает и не будет предполагать сдвига в геополитике или в стратегической ориентации страны»[247].

Автор также подчеркивает, что «страна является единственным членом ЕАЭС, имеющим стратегическое соглашение с ЕС, что значительно улучшает ее положение»[248] и указывает, что Армения может использовать потребность ЕАЭС в большей легитимности и авторитете, позиционируя Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве в качестве канала институционального взаимодействия[249].

В заключительной части работы отмечается, что поскольку Россия признает необходимость повышения авторитета ЕАЭС, Армения обеспечила себе важный новый инструмент рычагов влияния в этой структуре, становясь «мостом» между ЕАЭС и ЕС – а также между Ираном и внешним миром[250].

Один из трех проанализированных в данном исследовании докладов *Chatham House (3)* из серии *Russia and Eurasia Programme* посвящен Азербайджану и его отношениям с Россией. ЕАЭС в нем упоминается 35 раз. Во введении автор отмечает, что до 2013 г. Азербайджану достаточно успешно удавалось сбалансировать свою внешнюю политику между Россией и Западом. «Стратегия отчасти заключалась в “подвешенной” перспективе серьезного внешнеполитического сдвига в сторону России, в том числе участия в Евразийском экономическом союзе, при том, что Азербайджан на тот момент на самом деле не имел намерения вступать в ЕАЭС»[251].

ЕАЭС упоминается и в контексте региональной безопасности, в частности Карабахского конфликта. По мнению автора, на определенном этапе, в 2013–2016 гг.,

[244] *Ibid.*
[245] *Ibid. P. 7.*
[246] *Ibid.*
[247] *Ibid. P. 12.*
[248] *Ibid.*
[249] *Ibid.*
[250] *Ibid. P. 16.*
[251] *Shiriyev Z. Azerbaijan's Relations with Russia Closer by Default? // Chatham House, March 2019. P. 4. Url: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2019-03-14-Azerbaijan2.pdf*

Азербайджан ожидал от России поддержки на переговорах по Нагорному Карабаху. Эти ожидания базировались на том, что Баку годами укреплял отношения с Москвой (в том числе путем многомиллионных закупок вооружений и военной техники у России, а также расширения экономического сотрудничества). «Большая часть азербайджанской элиты полагала, что Россия сможет силой усадить Армению за стол переговоров или что Россия не будет вмешиваться, если в зоне конфликта с Арменией возникнет кратковременное обострение». Однако, по мнению автора, динамика армяно-российских отношений была либо неправильно понята, либо проигнорирована. «Например, Армения рассматривала вступление в ЕАЭС в 2013 г. как усиление своей позиции по Нагорному Карабаху, поскольку это потенциально ограничивало рычаги влияния России на переговорах. Азербайджан, со своей стороны, подчеркивал, что не стремится к более тесной интеграции с Западом и готов вступить в ЕАЭС, как только конфликт будет урегулирован, – позиция, направленная на то, чтобы подтолкнуть Россию к содействию урегулированию конфликта в соответствии с азербайджанскими интересами»[252]. С другой стороны, «Азербайджан должен был бы проводить политику, которая удерживала бы Россию на его стороне, чтобы добиться полного разрешения конфликта. Это могло бы дать России рычаги давления, чтобы вынудить Азербайджан вступить в ЕАЭС и ОДКБ»[253].

Также в докладе отмечается, что до событий 2014 г. на Украине интеграционные процессы на постсоветском пространстве не рассматривались как угрожающие суверенитету Азербайджана, однако эти события «ясно дали понять, что экономические выгоды российских интеграционных моделей – в частности, ЕАЭС – значительно перевешиваются явными гегемонистскими импульсами, стоящими за ними», хотя автор и признает, что «чисто экономическая интеграция была бы привлекательна для Азербайджана», так как Баку заинтересован в безвизовом режиме для своих граждан, лучших условиях для трудовых мигрантов и доступе на российский рынок.

Тем не менее автор полагает, что Азербайджан считает большей угрозой мобилизацию Арменией ЕАЭС против себя, чем потенциальное российское давление[254]. При этом, «непримиримое неприятие Азербайджаном членства в ЕАЭС в последнее время стало не столь жестким (хотя, он по-прежнему твердо против вступления в ОДКБ)»[255]. А «азербайджанская элита не полностью отвергает возможность вступления в ЕАЭС»[256].

Альтернативным вариантом для Баку было бы более тесное сотрудничество с Россией и другими членами ЕАЭС через организации с участием мировых экономических держав, в частности через ШОС, а также Китая и стран Центральной Азии[257]. Среди рычагов, которые Россия может задействовать для того, чтобы подтолкнуть Азербайджан к вступлению в ЕАЭС, названа азербайджанская диаспора в РФ[258].

В заключительной части доклада также уделено достаточно много внимания ЕАЭС и еще раз повторяются некоторые из вышеприведенных тезисов. В частности, что Россия хотела бы присоединения Азербайджана к ЕАЭС, а среди азербайджанских элит изменилось отношение к ЕАЭС и ОДКБ, Баку может скорректировать свою политику, вплоть до того, что ее «потенциальным финалом станет членство в одной (или обеих) из этих возглавляемых Россией организаций»[259].

[252] *Ibid. P. 13.*
[253] *Ibid. P. 14.*
[254] *Ibid. P. 15.*
[255] *Ibid. P. 16.*
[256] *Ibid.*
[257] *Ibid. P. 17.*
[258] *Ibid. P. 23.*
[259] *Ibid. P. 29.*

Косвенные упоминания

Комментарий, опубликованный *Institute for International Political Studies (15),* – единственный материал с упоминанием непризнанных государств Южного Кавказа в этом тематическом блоке (еще одно косвенное их упоминание встречается в одном из докладов, посвященном российско-китайским отношениям, рассмотренном в соответствующем тематическом блоке). В этом комментарии речь идет о сотрудничестве России с Абхазией и Южной Осетией; в частности отмечается, что в экономической сфере это сотрудничество «предусматривает приведение ситуации на сепаратистских территориях в соответствие с требованиями возглавляемого Россией ЕАЭС путем создания общего социального и экономического пространства с Россией. В частности, Абхазия должна в течение трех лет с момента вступления в силу подписанного с Россией договора адаптировать свою таможенную нормативно-правовую базу к требованиям Евразийского союза»[260].

В одном из материалов *European Council on Foreign Relations (26)* анализируется вопрос, «почему Россия совершает ошибки на мировой арене». Его автор занимал пост министра иностранных дел и европейской интеграции Молдовы в правительстве М. Санду, поэтому неудивительно, что в целом текст скептичен по отношению к «возрождению» России и внимание акцентировано не на достижениях во внешней политике России, а на ее неудачах, в частности в Восточной Европе, Центральной Азии и на Балканах.

ЕАЭС упоминается в контексте событий 2018 г. в Армении. Автор отмечает, что хотя в результате «бархатная революция» привела к отстранению от власти в Ереване проверенных партнеров России, зависимость от России в сфере безопасности не позволяет Армении выйти из «возглавляемых Россией ЕАЭС или ОДКБ». Но, несмотря на это, она «все равно решила в целом ряде случаев пнуть русского медведя дипломатическими средствами»[261].

В материале *International Crisis Group (27)* представлен обзор (за октябрь 2019 г.) по конфликтам и кризисам в разных странах и регионах. ЕАЭС упомянут в пункте, посвященном Армении: «Годичное председательство Армении в возглавляемом Россией Евразийском экономическом союзе завершилось саммитом в Ереване в начале октября, на котором государства-члены, а также страны-наблюдатели Иран и Сингапур заключили договоры о более тесном экономическом сотрудничестве»[262].

Небольшой текст, опубликованный на сайте *World Economic Forum (51),* интересен тем, что в качестве автора указан премьер-министр Армении *Никол Пашинян*. Он размышляет над причинами, итогами и перспективами изменений в Армении 2018 г. и, в частности, отмечает, что Армения как член ЕАЭС играет связующую роль между ЕАЭС и Европейским союзом, создавая многочисленные возможности для западных компаний вести бизнес на территории ЕС, используя знания и навыки армян, хорошо знакомых с этим рынком и его правилами[263].

---

[260] Delcour L. Georgia's Unresolved Conflicts: More of the Same? // Institute for International Political Studies, 28.01.2019. Url: https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/georgias-unresolved-conflicts-more-same-22105

[261] Popescu N. Familiarity breeds contempt: Why Russia makes mistakes on the world stage // European Council on Foreign Relations, 14.03.2019. Url: https://www.ecfr.eu/article/commentary_familiarity_breeds_contempt_why_russia_makes_mistakes_on_the_wor

[262] Arradon I., Branczik A., Dalby N., Grant-Brook W. Crisis Watch. Tracking Conflict Worldwide // International Crisis Group, October, 2019. Url: https://www.crisisgroup.org/crisiswatch/november-alerts-october-trends-2019

[263] Pashinyan N. Shaping the future of democracy in Armenia // World Economic Forum, 17.01.2019. Url: https://www.weforum.org/agenda/2019/01/shaping-the-future-of-democracy-in-armenia/

В докладе *ifo Institute (95)* с обзором мировой экономики по состоянию на июль 2019 г. ЕАЭС упоминается в главе «Страны Южного Кавказа между Россией и Европейским союзом». Авторы напоминают о «стратегическом партнерстве» между Арменией и Россией, базирующемся в первую очередь на вопросах безопасности. Тесные политические связи способствовали укреплению экономических, и последние еще более укрепились в результате присоединения Армении к возглавляемому Россией ЕАЭС[264].

Также отмечается «политический нейтралитет» Азербайджана, который в отличие от «пророссийской Армении и прозападной Грузии» не присоединился ни к ассоциации с ЕС, ни к ЕАЭС»[265].

3.4. БЕЛАРУСЬ И СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО

Косвенные упоминания

В материалах западноевропейских think tank'ов с анализом ситуации в Беларуси и перспектив Союзного государства упоминания ЕАЭС встречаются неоднократно, однако все эти упоминания носят косвенный характер.

Так, в статье *Chatham House (3),* посвященной российско-белорусским отношениям, ЕАЭС упоминается в контексте углубления интеграции в рамках Союзного государства. Перечисляя имеющиеся проблемы, среди которых разногласия по энергетическим вопросам, сложности с принятием общего налогового законодательства, автор отмечает и то, что «многие таможенные вопросы в рамках Евразийского экономического союза, к которому принадлежат Россия и Беларусь, остаются нерешенными с момента введения единого таможенного тарифа в 2010 г.»[266].

В одном из материалов *Konrad Adenauer Foundation (6)* анализируется ситуация в Беларуси накануне II Европейских игр. Среди прочих обсуждаются и вопросы, связанные с Союзным государством, в этом контексте упомянут и ЕАЭС: «С точки зрения Минска, было бы серьезным нарушением условий конкуренции внутри Евразийского экономического союза, если бы белорусские компании вынуждены были покупать энергоносители по мировым ценам, а их российские конкуренты в той же экономической сфере получили бы преимущество за счет субсидируемых государством поставок энергоносителей. Белорусские власти, скорее всего, не пойдут на более тесный политический союз в ущерб суверенитету страны. Однако и Россия вряд ли будет участвовать в союзе, в котором важные решения принимаются на равноправной основе»[267].

В объемном докладе *Friedrich Ebert Foundation (7)* с анализом украинской внешней политики в 2018 г. ЕАЭС упомянут лишь раз – в одном из подразделов, посвященном Беларуси в контексте украинско-белорусской инициативы по созданию рабочей группы по антидемпинговым ограничениям: «Последнее особенно важно, учитывая, что Евразийский экономический союз, членом которого является Беларусь,

[264] *ifo World Economic Survey / Edited by D. Boumans // ifo Institut, August 2019. P. 10. Url: https://www.ifo.de/DocDL/WES_3_19_0.pdf*
[265] *Ibid. P. 11.*
[266] *Lough J. Moscow Has Limited Options in Belarus // Chatham House, 25.09.2019. Url: https://www.chathamhouse.org/expert/comment/moscow-has-limited-options-belarus*
[267] *Wöllenstein J. «Less(ik) is more» // Konrad Adenauer Foundation, June 2019. P. 3. Url: https://www.kas.de/documents/252038/4520172/%E2%80%9CLess%28ik%29+is+more%E2%80%9C.pdf/7664fd8b-b3d8-0381-6254-acea0b0d0716?version=1.1&t=1561029556189*

ввел семь антидемпинговых мер и начал три расследования в отношении украинских товаров»[268].

В русскоязычном докладе «Беларусь – Германия: Формирование страновых образов через медиа», подготовленном *Белорусским институтом стратегических исследований* совместно с *Friedrich Ebert Foundation (7)* и размещенном в библиотеке этого немецкого фонда, ЕАЭС фигурирует в таком контексте: «В дипломатических новостях можно отметить искусственно позитивный тон в сообщениях белорусских государственных медиа. Они с удовольствием освещают все протокольные мероприятия и цитируют немецких политиков, когда те говорят приятные для официального Минска тезисы: “Беларусь и Германия будут вместе защищать границу между Европейским и Евразийским союзами от транзита оружия” (ОНТ) (ОНТ – белорусский государственный телеканал – *Р. Т., А. А.*)»[269].

В анонсе встречи с министром иностранных дел Беларуси В. Макеем, размещенном на сайте *German Council on Foreign Relations (19),* организаторы посчитали нужным отметить и членство страны в ЕАЭС: «Беларусь занимает уникальное стратегическое положение в центре Европы, являясь ключевой транзитной страной, членом Евразийского экономического союза и близким военным союзником России, в то же время будучи участником инициативы ЕС “Восточное партнерство”»[270].

Автор одного из комментариев *European Council on Foreign Relations (26)* пишет об отношениях Беларуси с Россией и Западом. Отмечается возрастающая напряженность между Минском и Москвой. Указывается, что Беларусь и Россия являются союзниками и членами интеграционного проекта – ЕАЭС, но у стран совершенно разные представления о союзничестве: Беларусь присоединяется к подобным блокам, чтобы «опутать более крупных его участников правовыми и институциональными обязательствами, что сделает поведение более крупной державы предсказуемым… В этом смысле Беларусь рассматривает интеграцию с Россией как способ укрепления своего суверенитета путем повышения предсказуемости». Москва же рассматривает интеграцию «сугубо сквозь геополитическую призму – как инструмент укрепления своих позиций на международной арене, а не как стабильную основу для ведения отношений с союзниками»[271].

Также в тексте поднимается вопрос нефтяного налогового маневра, отмечается, что, по мнению Минска, такой шаг нарушает принцип честной конкуренции и противоречит духу ЕАЭС, но в ответ Россия предложила лишь более глубокую интеграцию в рамках Союзного государства. «Это вызвало в Беларуси подозрение, что Россия пытается придать интеграции форму, отвечающую лишь своим собственным интересам и ограничить суверенитет своего союзника»[272].

В статье *Royal United Services Institute (31)* рассмотрены российско-белорусские отношения на фоне смены посла России в Беларуси. По мнению автора, этот шаг может

---

[268] *Bureiko N., Koval M., Maksak H., Shelest H. Ukrainian Prism: Foreign Policy 2018 // Friedrich Ebert Foundation, Office in Ukraine, 2019. P. 83. Url: http://library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/15376.pdf*

[269] *Можейко В., Шматина К. Беларусь – Германия: Формирование страновых образов через медиа // Фонд им. Фридриха Эберта. С. 13. Url: http://library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/15905.pdf*

[270] *Foreign Policy Priorities and Initiatives of the Republic of Belarus // German Council on Foreign Relations, 21.10.2019. Url: https://dgap.org/en/events/foreign-policy-priorities-and-initiatives-republic-belarus*

[271] *Preiherman Y. Can Belarus become a success story of European security? // European Council on Foreign Relations, 21.02.2019. Url: https://www.ecfr.eu/article/commentary_can_belarus_become_a_success_story_of_european_securit.*

[272] *Ibid.*

быть отражением новой, более мягкой российской политики по отношению к Минску. Отмечаются точки взаимодействия и проблемные места в двустороннем взаимодействии, в частности политика лавирования между Китаем, Россией и Западом, которую использует Лукашенко, а также попытки экономического давления на Минск и споры вокруг цены на газ. При этом, по мнению автора, в настоящее время Беларусь сближается с Китаем, интересы которого в регионе, в отличие от России, в основном экономические. «Через Беларусь Китай может связать свою инициативу "Пояс и путь" с Европой. А поставки продукции через Беларусь позволят китайским компаниям получить безналоговый доступ на рынок России и других стран – членов ЕАЭС»[273].

3.5. МОЛДОВА И УКРАИНА

Прямые упоминания

В опубликованном на русском языке докладе *Chatham House (3),* выдержанном в резко антироссийском тоне с говорящим названием «Гражданское общество перед лицом российской угрозы: повышение устойчивости в Украине, Беларуси и Молдове» отмечается, что «в случае Украины и Молдовы Россия полна решимости воспрепятствовать их интеграции в евроатлантические структуры. С Беларусью, которая уже является частью Евразийского экономического союза и Союзного государства с Россией, Кремль стремится оградить общество от влияния Запада и обеспечить незыблемость авторитарной системы управления»[274].

В части, посвященной Украине, авторы анализируют политическую систему страны и отмечают, что после распада СССР различные институты были захвачены бизнес-группами, которые приобрели контроль над СМИ и политическими партиями. «Группы эти были разнообразны по своим политическим предпочтениям и повестке: одни, с явно пророссийской ориентацией, лоббировали интеграцию Украины в ЕАЭС, другие настаивали на нейтралитете и "особом украинском пути", а третьи заявляли о поддержке интеграции с ЕС»[275]. Кроме того, анализируя политическую ситуацию в стране накануне президентских и парламентских выборов 2019 г., авторы отмечают, что «в своей предвыборной риторике пророссийские партии уже эксплуатируют обещания мира с Россией и более тесных экономических отношений с ЕАЭС» (речь шла об «Оппозиционной платформе» и партии «За жизнь»)[276].

Обращает на себя внимание тот факт, что в части доклада, где речь идет о Беларуси, ЕАЭС упомянут лишь раз: «Экспортные возможности Беларуси за пределами ЕАЭС ограниченны, за исключением нефтепродуктов (переработанных из российской сырой нефти, которую она пока импортирует по сниженным ценам) и калийных удобрений»[277].

«Тезис о согласовании своих позиций с российскими особенно актуален для президента Игоря Додона и членов его Партии социалистов, которые являются оплотом

---

[273] *Ferris E. The Russian Ambassador who Overreached: Why Russia's Approach to Belarus Could Change // Royal United Services Institute, 22.05.2019. Url: https://rusi.org/commentary/russian-ambassador-who-overreached-why-russia%E2%80%99s-approach-belarus-could-change*

[274] *Булек М., Луцевич О., Марен А. Гражданское общество перед лицом российской угрозы: повышение устойчивости в Украине, Беларуси и Молдове // Chatham House, ноябрь 2018 (размещено на сайте в 2019 г). С. 4. Url: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2019-04-11-Civil%20Society%20Under%20Russia%27s%20Threat%20-%20RUSSIAN.pdf*

[275] *Там же. С. 11.*

[276] *Там же. С. 12.*

[277] *Там же. С. 23.*

российского политического влияния в стране. Во время президентских выборов в ноябре 2016 г. Додон вел явно пророссийскую кампанию (например, призывая к более тесным отношениям с Москвой и ЕАЭС и к признанию Крыма частью России), встречался с президентом Путиным и патриархом Кириллом (что существенно подняло имидж и популярность кандидата) и использовал изображения Путина в своих агитационных материалах»[278], – отмечается в этом докладе в рамках анализа ситуации в Молдове.

В двуязычном (на русском и английском) докладе *Фонда Разумкова,* подготовленном совместно с *Konrad Adenauer Foundation (6)* и опубликованном на сайте этого немецкого think tank'а, в комментариях ряда экспертов упоминается ЕАЭС.

Так, в ответе на вопрос «Смена власти в Украине – это "окно возможностей" для урегулирования конфликта Москвы и Киева, сохранение status quo или новый виток эскалации? Возможны ли компромиссы со стороны Москвы?» представитель Центра Разумкова М. Пашков отметил: «В силу многих причин курс на европейскую и евроатлантическую интеграцию не может быть блокирован или свернут новой властью. С одной стороны, перспективы членства в ЕС и НАТО закреплены в Конституции Украины. С другой – в украинском обществе доминирует поддержка этого курса. Да и не будет новая власть взрывать страну, меняя внешний вектор с западного на восточный – с ЕС на ЕАЭС, с НАТО на ОДКБ. Красноречивым свидетельством стабильности евроатлантического курса новой власти является и то, что В. Зеленский предложил на пост главы МИДа кандидатуру В. Пристайко – постоянного представителя Украины при НАТО»[279].

Экарт Д. Штратеншульте, управляющий делами Немецкого национального фонда, отвечая на тот же вопрос, заявил: «Конфликт между Россией и Украиной не решить силами этих двух стран, разве что Украина откажется от своих евроинтеграционных амбиций и вступит в Евразийский экономический союз. А вероятность такого поворота крайне мала. Донецк и Луганск не являются целями российской политики, они выступают в качестве средства для того, чтобы РФ оставалась в игре»[280].

А М. Гончар, президент Центра глобалистики «Стратегия XXI» полагает, что «Российская дипломатия будет продолжать действовать изнутри ЕС, через Германию, Францию и Италию, пытаясь проталкивать создание новой архитектуры европейской безопасности и сотрудничества в формате [(ЕС + ЕАЭС) – (США + Канада + Великобритания)], игнорируя интересы стран Центрально-Восточной Европы. Такой подход со стороны некоторых европейских стран вряд ли встретит поддержку США. В этих условиях Украине, Польше, Румынии, странам Балтии, Молдове и Грузии не останется ничего другого, кроме как ориентироваться на трансатлантический формат (США и Великобритания) сотрудничества»[281].

В рамках неперсонифицированных предложений российских экспертов по урегулированию российско-украинского конфликта по материалам заочного круглого стола, проведенного в 2017 г., в качестве одного из шагов предложена «инициация (в идеальном случае – Россией и Украиной совместно) переговоров с участием стран – членов ЕС и Евразийского экономического союза, Европейской и Евразийской экономической комиссий с целью решения конкретных торгово-экономических проблем, связанных с под-

[278] *Там же. С. 35.*

[279] *Конфликт Москвы и Киева: окно возможностей, сохранение status quo или новый виток эскалации? Материалы для Десятой экспертной встречи 18–21 августа 2019 г., Каденаббия, Италия // Фонд Разумкова, Представительство Фонда Конрада Аденауэра в Украине, август 2019. С. 16. Url: https://www.kas.de/documents/270026/4625039/RU+2019+A+Conflict+of++Moskow+and+Kyiv.pdf/4705f78d-64ec-484b-da52-e1a5b76c353a?version=1.0&t=1567602123183*

[280] *Там же. С. 54.*

[281] *Там же. С. 36.*

писанием соглашений об ассоциации с ЕС, а в перспективе – согласования совместимых регулятивных систем и административных практик, которые позволили бы разморозить торгово-экономические отношения, в частности между Россией и Украиной»[282].

В свою очередь немецкие эксперты в рамках аналогичного заочного круглого стола уже 2018 г. в ходе обсуждения возможной миротворческой миссии на Донбассе отметили, что такую миссию «должна возглавлять страна, не являющаяся ни членом НАТО, ни Евразийского экономического союза, или Организации Договора о коллективной безопасности. Например, Швеция или Австрия»[283].

Косвенные упоминания

В одной из статей *Chatham House (3)* анализируется ситуация в Молдове после того, как удалось лишить влияния В. Плахотнюка и вынудить его покинуть страну, после чего была создана коалиция между Партии социалистов Республики Молдова (ПСРМ) и блоком ACUM. Рассказывая о ПСРМ и ее политической позиции, автор отмечает, что «социалисты выступают за более тесные связи с Россией и интеграцию в возглавляемые Россией структуры, такие как Евразийский экономический союз»[284].

В журнале *Ukraine analytica,* размещенном также и в библиотеке *Friedrich Ebert Foundation (7)*, ЕАЭС упоминается в двух статьях. В первой из них говорится про дискуссии о диалоге между ЕС и Россией в стенах Европарламента, в рамках которого от представителей левых сил прозвучало мнение о необходимости энергетического сотрудничества, диалога с Евразийским экономическим союзом и отмены антироссийских санкций с целью развития диалога[285]. Во второй – речь о результатах выборов в Молдове и их последствиях; ее автор, анализируя внешнеполитические предпочтения различных молдавских политсил, участвовавших в избирательной кампании, напоминает, что ПСРМ и президент Молдовы И. Додон выступали за более тесные отношения с Россией и российскими интеграционными проектами, такими как Евразийский союз[286].

3.6. ЕВРОСОЮЗ И ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО

Прямые упоминания

Доклад *Friedrich Ebert Foundation (7),* посвященный возможностям и перспективам развития Евразийского экономического союза, что отражено и в его названии, – одно из редких исследований, полностью посвященных ЕАЭС. В первой части доклада приведены приоритетные направления развития ЕАЭС до 2025 г., а также подробно с цифрами проанализированы тенденции экономического развития государств – членов ЕАЭС в 2010–2018 гг. Во второй рассмотрены основные этапы и сложности во взаимодействии ЕС и ЕАЭС, текущие и перспективные области сотрудничества.

А в подразделе с говорящим названием «Евразийская зона свободной торговли (ЗСТ): научная фантастика или прагматический проект?», автор отмечает, что «дости-

[282] *Там же. С. 107.*
[283] *Там же. С. 126.*
[284] *Gherasimov C. Can Moldova's New Coalition Stick Together? // Chatham House, 19.06.2019. Url: https://www.chathamhouse.org/expert/comment/can-moldova-s-new-coalition-stick-together*
[285] *Ukraine analytica // Friedrich Ebert Foundation, 2019. P. 28. Url: http://library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/12961/2019-17.pdf*
[286] *Ibid. P. 31.*

жение главной цели – ЗСТ от Лиссабона до Владивостока – по-прежнему актуально, но очевидно, что этот процесс будет очень медленным»[287]. Краткосрочной целью же должно стать «достижение понимания обеими сторонами необходимости избегать дальнейших расколов в Евразийском регионе и налаживать эффективные, устойчивые и всесторонние экономические связи»[288].

Так как этот относительно небольшой (содержательная часть около 10 страниц) доклад полностью посвящен ЕАЭС, то к нему при необходимости лучше обратиться напрямую, здесь же приведем краткое авторское резюме:

«В данном исследовании рассматривается развитие Евразийского экономического союза и его отношения с Европейским союзом. Отношения, которые до сих пор в значительной степени формировались под влиянием глобальных экономических кризисов и (гео-) политических и военных конфликтов вблизи ЕАЭС.

ЕАЭС – наиболее амбициозный интеграционный проект на постсоветском пространстве – по-прежнему сталкивается с проблемами, связанными с перспективами развития. Экономически государства-члены (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия) до сих пор в значительной степени зависят от добывающей промышленности, причем углеводородные ресурсы являются важнейшим экспортным товаром внутри и в межгосударственной торговле, хотя и менее выраженным в последнем случае.

Несмотря на стремление к скоординированной промышленной политике, интеграцию можно наблюдать в основном в вышеупомянутом секторе. Существуют противоречия между целями ЕАЭС и экономической повесткой дня входящих в него государств. Однако ЕАЭС работает над преодолением этих вызовов и движется в направлении более скоординированной политики в других секторах экономики, например в рамках общего энергетического рынка Союза или согласованной транспортной инфраструктуры, учитывая последние тенденции, связанные с инициативой “Пояс и путь”.

Евросоюзу не следует недооценивать интеграционные усилия ЕАЭС. Между ними может быть налажен отраслевой диалог по вопросам энергоэффективности, энергосбережения и возобновляемых источников энергии, повышения уровня совместимости европейских и евразийских энергетических альянсов. В области транспорта и инфраструктуры можно достичь более высокого уровня взаимодействия; также перспективным является и сотрудничество в автомобилестроении. Потенциал сотрудничества между ЕС и ЕАЭС впечатляет. Чтобы извлечь реальную выгоду из существующих возможностей, необходимо достичь соглашения, которое позволит избежать дальнейшего раскола в Евразийском регионе. Армения, где пересекаются два субъекта интеграции, может выступить площадкой для создания атмосферы доверия, где также можно апробировать модель сотрудничества»[289].

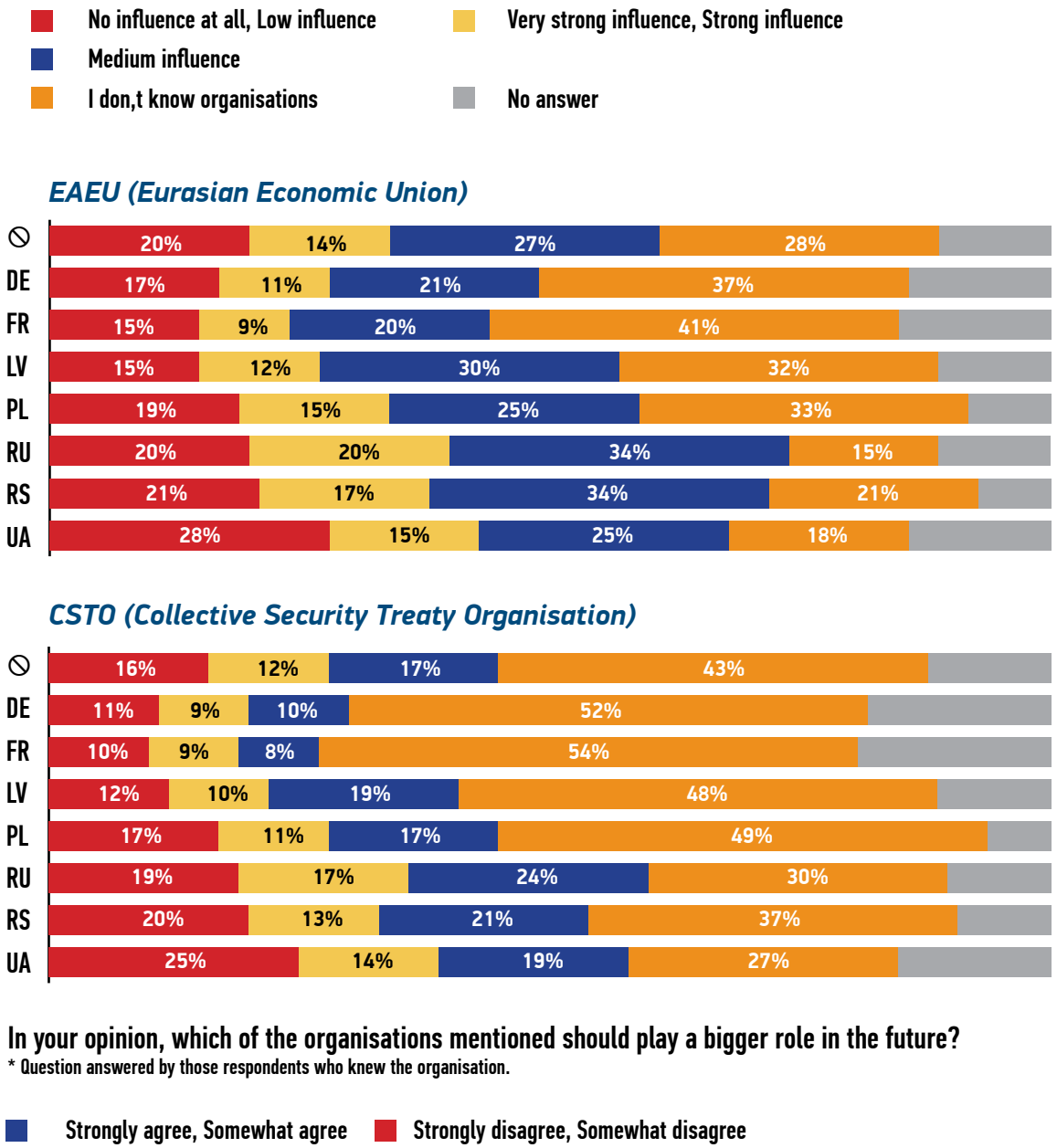
Friedrich Ebert Foundation (7) также опубликовал результаты большого социологического исследования, которое было проведено в семи европейских странах – Германии, Франции, Латвии, Польше, Сербии, Украине и России; в каждой из стран было опрошено около тысячи человек. В его рамках респондентам был задан целый ряд разнообразных вопросов, некоторые из них касались и ЕАЭС.

---

[287] *Kuzmina E., Isachenko T. State of the Union: Possibilities and Perspectives for the Eurasian Economic Union // Friedrich Ebert Foundation, October 2019. P. 12. Url: http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/15836-20191203.pdf*
[288] *Ibid.*
[289] *Ibid. P. 17.*

В частности был поставлен следующий вопрос относительно НАТО, ООН, ОБСЕ, ЕАЭС и ОДКБ: «Как вы думаете, в какой степени эти организации влияют на международные политические процессы?» Данные по последним двум организациям приведем ниже[290].

To what extent do you think these organisations influence international political events?

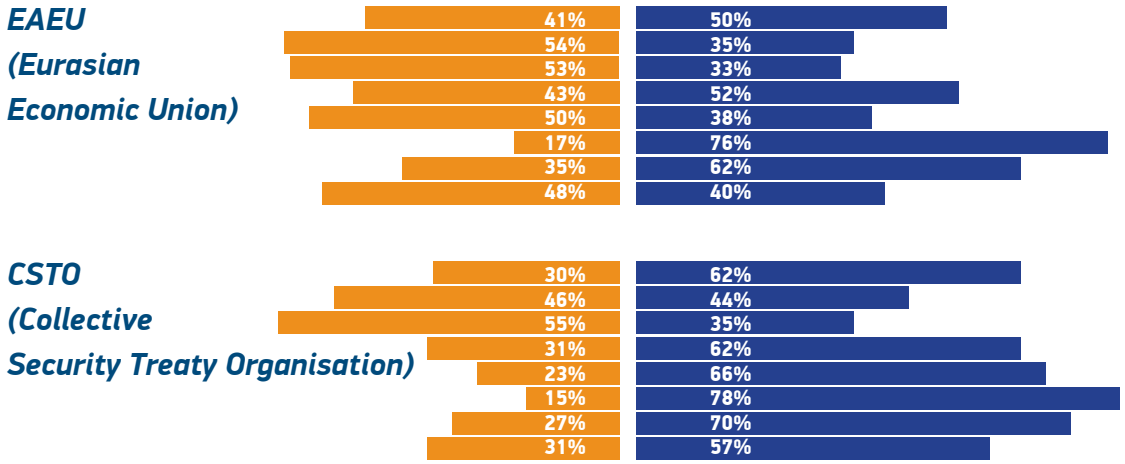


In your opinion, which of the organisations mentioned should play a bigger role in the future?
* Question answered by those respondents who knew the organisation.

Strongly agree, Somewhat agree — Strongly disagree, Somewhat disagree

Еще один вопрос относительно тех же организаций был сформулирован следующим образом: «Какая из этих организаций, по вашему мнению, будет играть большую роль в будущем?» Ниже приведены результаты по ЕАЭС и ОДКБ среди тех респондентов, которые знают о существовании этих организаций[291].

[290] *Security Radar 2019. Wake-up call for Europe! // Friedrich Ebert Foundation, 2019. P. 20. Url: http://library.fes.de/pdf-files/bueros/wien/15176-20190412.pdf*
[291] *Ibid. P. 33.*



Deviations to 100% result from 'will remain unchanged', 'do not know' and 'no answer'.

В докладе *Centre for European Policy Studies (8)* обосновывается необходимость усиления экономической и политической интеграции между ЕС и остальным европейским пространством, важность работы с соседними странами, желающими адаптироваться к стандартам ЕС. Речь также идет о расширении ЕС и замене Европейской политики соседства политикой «Большой Европы». ЕАЭС упоминается несколько раз, первый – во введении, в контексте сотрудничества ЕС с Грузией, Молдовой и Украиной. Автор указывает, что Европейскому союзу следует прояснить стратегическую и геополитическую двусмысленность, которую он создал своим отказом распространить перспективы членства на эти три государства, что охотно использует Россия, выдвигая в качестве аргумента тезис: «ЕС на самом деле не хочет вас видеть в качестве своих членов, но зато вам были бы рады в Евразийском экономическом союзе»[292].

Также автор напоминает, что Россия отклонила предложение присоединиться к Европейской политике соседства и вместо этого стала формировать собственную политику соседства с помощью ЕАЭС[293]. При этом в документе отмечены проблемы, возникающие у ряда стран, которые должны выбирать между европейскими и евразийскими интеграционными проектами[294].

В одном из разделов – «Замена европейской политики соседства более широкой европейской политикой» – выделен небольшой подпункт размером в один абзац, который называется «Евразийский экономический союз», в нем отмечается, что «Экономическое пространство “от Лиссабона до Владивостока” продолжает фигурировать в речах президента Путина наряду с предложениями о том, что ЕС и ЕАЭС должны заключить какое-то соглашение о сотрудничестве». Отмечается, что эта идея могла бы быть привлекательной для ЕС по экономическим соображениям, но на практике исключается самой Россией, учитывая ее протекционистскую политику[295].

Также подчеркивается, что концепция «Большой Европы» подразумевает максимально конструктивные отношения с внешними игроками, включая государства Восточного партнерства (особенно те, которые в настоящее время являются членами Евразийского экономического союза)[296].

---

[292] *Emerson M. Scenarios for a Wider Europe // Centre for European Policy Studies, February 2019. P. 2. Url: https://www.ceps.eu/download/publication/?id=10864&pdf=PI_2019_02_ME_ScenariosfortheWiderEurope.pdf*
[293] *Ibid. P. 3.*
[294] *Ibid. P. 4; P. 12.*
[295] *Ibid. P. 13.*
[296] *Ibid. P. 18.*

Публикация *German Council on Foreign Relations (19)* посвящена анализу ситуации в Евразии. Автор считает, что Россия и Китай со своими проектами ЕАЭС и «Пояс и путь» выходят на первый план в регионе, и в этих условиях ЕС и Германия должны скорректировать свою стратегию в Центральной Азии. «Евразия изменилась за последнее десятилетие, причиной тому два фактора. Во-первых, после финансового кризиса 2008 г. торговые связи между различными странами и регионами Евразии расширились и диверсифицировались. Во-вторых, конфликт на Украине (2014 г.) ускорил и закрепил растущее взаимопонимание Китая и России в геополитической сфере. В результате Европа и Запад оказались политически и экономически маргинализованными в регионе»[297].

В тексте отмечается, что Москва воспринимается Европой как краткосрочная геополитическая угроза безопасности, а Пекин – как формирующийся геоэкономический системный конкурент грядущих десятилетий. Принципиально отличаются и интеграционные проекты России и Китая. «Евразийский экономический союз продвигает закрытый экономический регионализм. Он ограничен ресурсами, отсутствием экономической взаимодополняемости между его членами и неработающими наднациональными институтами. В отличие от него, китайская инициатива “Пояс и путь” – это глобальный формат»[298].

Вместе с тем отмечается, что Россия и Китай развивают связи между своими проектами, и это создает как риски, так и новые возможности для Европы. Отмечается, что стратегии ЕС не хватает четкой политической ответственности, финансовых обязательств и определения четких целей для взаимодействия с Китаем и Россией в регионе. «Между тем, недавно утвержденная в июне 2019 г. новая стратегия ЕС для Центральной Азии показывает растущую роль этого региона для Брюсселя в рамках его интересов в Евразии». Автор также полагает, что Германия как ключевой игрок должна взять на себя ведущую роль в разработке нового стратегического курса ЕС для Центральной Азии и Восточной Европы[299].

В то время как Запад фрагментируется, Евразия в последние годы складывается как единое, хоть и нестабильное поле, в котором Россия и Китай закладывают основу для альтернативной международной системы[300]. Отдельно, в соответствующем подразделе, рассмотрена «координация ЕАЭС и “Пояса и пути” в воссоединенной Евразии».

По мнению автора, катализатором «поворота в Азию» для России стал украинский кризис, после которого и была поставлена задача по сопряжению сформировавшегося Евразийского экономического союза и инициативы «Пояс и путь». А Россия, «являясь ведущим поставщиком углеводородов, планирует к 2025 г. создать общий энергетический рынок в рамках ЕАЭС, что станет первым шагом на пути к большей координации с Азиатско-Тихоокеанским регионом»[301]. Отмечается, что большое количество транспортных коридоров в Евразии превратило этот мегарегион в «миску спагетти» из различных инициатив в сфере региональной торговли[302].

Упоминается, что недавнее соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем открыло новый этап в сотрудничестве. Вообще сопряжению инициатив в материале уделяется большое внимание, в то же время критикуется страте-

---

[297] *Pepe J. M. Eurasia: Playing Field or Battle Field? // German Council on Foreign Relations, November 2019. P. 3. Url: https://dgap.org/sites/default/files/article_pdfs/dgap_analysis_nr2-nov2019_eurasia.pdf*
[298] *Ibid.*
[299] *Ibid.*
[300] *Ibid. P. 4.*
[301] *Ibid. P. 9.*
[302] *Ibid.*

гия ЕС, которая не учитывает реальное положение дел в регионе. По мнению автора, в новой концепции необходимо учесть сотрудничество с инициативой «Пояс и путь» и ЕАЭС и четко отразить интересы Германии и ЕС. Для достижения этой цели необходимо сотрудничество с Францией.

При этом взаимодействие ЕС с Китаем и центральноазиатскими странами, как отмечается в публикации, будет иметь немного смысла, если игнорировать ЕАЭС[303]. В то время как санкции против России и российские контрсанкции препятствуют любому сколько бы то ни было заметному политическому сотрудничеству с Москвой, ЕС мог бы рассмотреть вопрос об усилении своего сотрудничества с ЕАЭС. «Тем самым ЕС политически признал бы роль наднациональных органов ЕАЭС, таких как Евразийская экономическая комиссия». Вообще Евразийской экономической комиссии в тексте уделено значительное внимание, в частности отмечается, что включение ее представителей в переговоры с ЕС и Китаем, а также координация с ней помогут добиться качественных результатов[304].

В заключение автор подчеркивает: «Берлин должен побудить ЕС начать диалог с ЕАЭС в политической и экономической сферах, который бы выходил за рамки санкций в отношении России»[305].

Один из докладов *European Union Institute for Security Studies (40)* посвящен Восточному партнерству и является анализом 10 лет работы этой программы. Оба его редактора являются авторами других материалов, вошедших в наше исследование. Так, *С. Секриеру* – автор гипотетического сценария распада ЕАЭС[306] а его коллега *С. Саари* – публикации, посвященной ЦА, где также несколько раз упоминается ЕАЭС[307], подробнее она рассмотрен выше.

Структурно материал разделен, помимо введения и заключения, на 7 глав. Авторами первой являются редакторы доклада, в ней анализируются основные «мегатренды», определяющие нынешнюю и будущие траектории развития ВП. Каждая из следующих глав посвящена одной из шести стран – участниц программы ВП. Авторами глав являются выходцы из стран, которые они описывают, т. е. каждый пишет про свою страну.

В первой главе, в частности, отмечается, что в условиях неспособности России конкурировать с ЕС в экономическом плане Москва использует грубую силу, что видно на примере «аннексии Крыма»[308]. Отмечается, что после этого Россия «удвоила свои усилия», чтобы вернуть соседей под свой контроль. «С этой целью в течение 5 лет Кремль учредил сначала Евразийский таможенный союз (2010 г.), а затем в 2014 г. Евразийский экономический союз: обе организации предъявляли более жесткие требования (которые, кстати, Россия первой нарушила), чем предыдущие форматы экономического сотрудничества. Россия использовала различные экономические, политические рычаги и рычаги в сфере безопасности, чтобы убедить Беларусь и Армению вступить в ЕАЭС и сохранить их торговую и энергетическую зависимость от Москвы. Россия часто заявляет, что Евросоюз является моделью для ЕАЭС, но в истории ЕС не было случаев, когда на то или иное государство оказывалось бы давление для вступления в Союз»[309].

---

[303] *Ibid. P. 17.*
[304] *Ibid.*
[305] *Ibid. P. 19.*
[306] *WHAT IF...? Scanning the horizon: 12 scenarios for 2021 / Edited by F. Gaub // European Union Institute for Security Studies, February 2019. Url: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_150_0.pdf*
[307] *Saari S. Connecting The Dots: Challenges to EU connectivity in Central Asia // European Union Institute for Security Studies, June 2019. Url: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief%206%20Central%20Asia_0.pdf*
[308] *The Eastern Partnership a Decade on: Looking back, thinking ahead / Edited by S. Secrieru, S. Saari // European Union Institute for Security Studies, July 2019. P. 9. Url: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/cp153_EaP.pdf*
[309] *Ibid. P. 10.*

Во второй главе, посвященной Украине, ЕАЭС упоминается лишь раз, в контексте описания причин Евромайдана и «российской агрессии»: «Агрессивная тактика России и военная интервенция на Украине в 2014 г., а также более глубокое сотрудничество Киева с ЕС означало, что Евразийский экономический союз, возглавляемый Россией, стал маргинальным вариантом для украинцев, который в 2018 г. поддерживали лишь 10,5% населения (в сравнении с 42% в 2012 г.)»[310].

Третья и четвертая глава, где анализируются Молдова и Грузия, не содержат упоминаний ЕАЭС. А в пятой главе, посвященной Беларуси, лишь два косвенных упоминания ЕАЭС. В первом случае говорится о стремлении Минска заверить Москву, что участие Беларуси в ВП не подрывает белорусско-российскую интеграцию и не приведет к переориентации страны на Запад. Опасения Москвы по этому поводу рассеялись лишь после вступления в Таможенный союз, который позже трансформировался в ЕАЭС[311].

Во втором – отмечается, что членство Беларуси в ЕАЭС налагает ограничения на развитие ее экономических отношений с ЕС, в частности из-за этого невозможно подписание полноценного Соглашения о свободной торговле с Евросоюзом[312].

Подавляющее большинство упоминаний встречается в шестой главе, посвященной Армении. Ее автор *М. Ованнисян* отмечает, что начиная с 90-х годов Армения и ЕС поступательно качественно развивали отношения, Ереван принял участие во многих интеграционных проектах с ЕС и подписал ряд важных соглашений. Армения уже была готова интегрироваться в Европу, но «вмешательство России, предложившей Евразийский экономический союз в качестве альтернативного регионального проекта, сорвало этот процесс». Однако «“бархатная революция” 2018 г. дала надежду, что отношения Армении с ЕС вновь интенсифицируется – в тех рамках, которые позволяет членство в ЕАЭС и требования обеспечения безопасности страны»[313].

Автор отмечает, что Армения имеет сильную традицию проведения «многовекторной» внешней политики благодаря своему геополитическому положению и большой диаспоре. Однако она столкнулась с «вмешательством» России в вопросе развития связей с ЕС. Именно давление со стороны России, по мнению автора, привело к решению С. Саргсяна отказаться от подписания соглашения с ЕС и присоединиться к ЕАЭС[314]. После этого Армения сотрудничала с ЕС лишь настолько, насколько это возможно в рамках ЕАЭС. Однако эскалация Карабахского конфликта в 2016 г. заставила Ереван искать новые внешнеполитические ориентиры и сомневаться в партнерстве с Россией, так как, во-первых, Азербайджан использовал оружие, купленное у России, а во-вторых, ни Москва, ни ОДКБ никак не помогли Армении в этой ситуации, что подтолкнуло Ереван к подписанию в 2017 г. Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с ЕС[315].

В тексте также приводятся результаты опроса населения Армении, проведенного Gallup, с вопросом, какой организации они больше доверяют. В результате оказалось, что ЕС выбрали 70% респондентов, а ЕАЭС – 48%[316].

[310] *Ibid. P. 30.*
[311] *Ibid. P. 73.*
[312] *Ibid. P. 80.*
[313] *Ibid. P. 84.*
[314] *Ibid. P. 88.*
[315] *Ibid.*
[316] *Ibid. P. 89.*

Подводя итоги, автор отмечает, что Армения является единственной страной ВП, которая участвует в европейских и российских интеграционных проектах, «что создает уникальные возможности», а сама Армения «может в будущем послужить моделью для государств Восточного партнерства с аналогичным статусом и сталкивающихся с аналогичными дилеммами»[317].

В последней главе, посвященной Азербайджану, отмечается, что Баку, с одной стороны, дистанцируется от ЕАЭС, который Россия хотела бы расширить. Однако украинский кризис показал азербайджанской элите, как далеко готова зайти Россия, чтобы воспрепятствовать более глубокой интеграции с ЕС, поэтому, с другой стороны, эта страна сторонится и участия в европейских интеграционных проектах[318].

Косвенные упоминания

В статье, опубликованной на сайте *French Institute of International Relations (1),* анализируются двусторонние отношения между Россией и Францией и среди различных других аспектов упоминается ЕАЭС в таком контексте: «Несмотря на все разговоры о новой европейской архитектуре безопасности, никаких серьезных консультаций с Россией по вопросам политики соседства ЕС, дальнейшего расширения НАТО или признания Евразийского экономического союза в качестве международного игрока не предусмотрено»[319].

В очередном трехгодичном обзоре *Bruegel (2)* в разделе Bruegel tomorrow, в рамках «рекомендаций для внутренней организации» отмечается, что вследствие геополитических проблем, с которыми сталкивается Европа, для Bruegel была бы полезна экспертиза в рамках исследовательских программ «по Китаю, Индии (будущая сверхдержава, уравновешивающая отношения Европы с Китаем), Африке (развитие Африки будет иметь чрезвычайно важное значение для будущего Европы), Европейской политике соседства (союз для Средиземноморья) и Евразийскому экономическому союзу»[320].

В докладе *Friedrich Ebert Foundation (7)* посвященном вопросам европейской безопасности, обсуждается, в том числе, концепция «альянса мультилатералистов», выдвинутая главой МИД Германии Х. Маасом. По мнению автора, это неплохое начало, которое, правда, пока не выходит за рамки ограниченного противовеса давлению Д. Трампа и его администрации, тогда как деятельность альянса не должна сводиться лишь к этому. «Необходимо также учитывать изменившийся международный баланс и действовать в духе сотрудничества, устанавливая контакты с мультилатералистскими институтами, помимо тех, что были созданы западными странами, такими как Евразийский экономический союз, оживляя исчерпавшие себя общеевропейские форматы, такие как ОБСЕ или Совет Россия – НАТО, и – предпочтительно – продвигая новые форматы сотрудничества»[321].

---

[317] Ibid. P. 94.

[318] Ibid. P. 99.

[319] Kastouéva-Jean T. Is a 'Reset' Between France and Russia Needed and, If So, Is It Possible? // French Institute of International Relations, 09.12. 2019. Url: https://www.ifri.org/en/publications/publications-ifri/articles-ifri/reset-between-france-and-russia-needed-and-if-so-it

[320] Bruegel 5th Triennial Review // Bruegel, 2019. P. 19. Url: https://bruegel.org/wp-content/uploads/2019/12/191014_RTF-1.pdf

[321] Spanger H.-J. Rethinking European Security // Friedrich Ebert Foundation, October 2019. P. 19. Url: http://library.fes.de/pdf-files/bueros/wien/15743.pdf

Отношениям с ЕАЭС посвящен отдельный небольшой подраздел этого доклада, в котором автор отмечает, что «начало “структурированного диалога” с Евразийским экономическим союзом – это и вполне возможный, и давно назревший шаг для Европейского союза»[322]. Там же идет речь о концепции «Большой Евразии» и сопряжении ЕАЭС и «Пояса и пути» и отмечается, что контуры этого партнерства гораздо более подвижны и могут включать в себя как АСЕАН, так и Западную Европу. Так же в тексте встречается упоминание ЕАЭС в контексте украинского кризиса[323].

В другом докладе этого think tank’a – «Восточное партнерство в 2030 г.: четыре сценария будущего для региона» – в одной из глав, в которой рассмотрен сценарий, предполагающий сотрудничество, авторы отмечают, что Грузия, Молдова и Украина подписали соглашения об ассоциации с ЕС, а Армения и Беларусь успешно работают в Евразийском экономическом союзе [324].

Еще одна публикация *Friedrich Ebert Foundation (7)*, посвящена международным альянсам на их современном этапе развития, ЕАЭС упоминается в одной из частей, где поднимается вопрос стабильности и сохранения НАТО в будущем. В частности, отмечается, что подобные вопросы возникают и в отношении будущего ЕС и его восточного «аналога» Евразийского экономического союза[325].

В очередном докладе *Friedrich Ebert Foundation (7)* анализируются социальные последствия климатических изменений в странах Центральной и Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии. В тексте отмечается, что те из этих стран, которые входят в ЕС, проводят более разумную политику в сфере устойчивого развития, те же, что не входят в Евросоюз, существенно выиграли бы от более скоординированной климатической политики в рамках существующих структур регионального сотрудничества, таких как Восточное партнерство, ЕАЭС и другие[326]. А Евразийской экономической комиссии рекомендовано в срочном порядке приступить к гармонизации политики по устойчивости и адаптации к изменению климата, а также принять меры, направленные на содействие Армении, Беларуси, Казахстану, Кыргызстану и России в развитии их законодательной и институциональной базы[327].

Отмечается, что в некоторых странах хорошо разработаны процедуры установления приоритетов, основанные на углубленном анализе и консультациях с различными заинтересованными сторонами: ими можно было бы поделиться с другими странами и международными ассоциациями, такими как ЕАЭС[328].

В одной из статей *Centre for European Policy Studies (8)* рассматриваются перспективы лидерства ЕС в Восточной Европе в свете смены европейского руководства. В части, касающейся Беларуси, Азербайджана и Армении как членов Восточного партнерства,

---

[322] *Ibid.*
[323] *Ibid. P. 19; 20.*
[324] *Pusceddu L., Gavalakis N. The Eastern Partnership in 2030 Four Scenarios for the Future of the Region // Friedrich Ebert Foundation, 2019. P. 16. Url: http://library.fes.de/pdf-files/bueros/kiew/15571.pdf*
[325] *Krumm R., Dienes A., Weiß S. Together Forever? Alliances in Times of Foreign Policy Uncertainty // Friedrich Ebert Foundation, May 2019. P. 4. Url: http://library.fes.de/pdf-files/bueros/wien/15418.pdf*
[326] *Safonov G. Social Consequences of Climate Change: Building Climate Friendly and Resilient Communities via Transition from Planned to Market Economies // Friedrich Ebert Foundation, December 2019. P. 2. Url: http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/15863.pdf*
[327] *Ibid. P. 3.*
[328] *Ibid. P. 18.*

автор отмечает, что возможности для придания стратегического содержания отношениям с Беларусью и Азербайджаном явно ограничены политическими и экономическими причинами, подчеркивая авторитарные режимы стран, к тому же не входящим в ВТО. С Арменией, как отмечается, возможностей больше, учитывая ее соглашение с ЕС с элементами, аналогичными Соглашению об ассоциации, но с учетом ограничений из-за членства Армении в Евразийском экономическом союзе[329].

Еще один материал этого аналитического центра посвящен итогам 10 лет действия проекта «Восточное партнерство», а также политике России и Китая в отношении стран ВП. Большое внимание уделено взаимодействию Евросоюза и Китая. Автор отмечает, что Россия и ЕАЭС постепенно принимают стандарты ЕС, чтобы заменить более низкие по уровню и устаревшие стандарты ГОСТ[330].

В материале *Barcelona Centre for International Affairs (12)* анализируются перспективы возвращения повернувшей на восток России на путь интеграции с Европой. Ее автор, генеральный директор РСМД А. Кортунов, отмечает, что «Европейский союз не в восторге от российского видения “Большой Европы” как результата равноправного взаимодействия Европейского союза и Евразийского экономического союза)»[331]. Так происходит не только потому, что европейские политики не рассматривают ЕАЭС как сопоставимый с ЕС интеграционный проект и считают, что большинство членов ЕАЭС при возможности переметнутся от Москвы к Брюсселю, но и потому, что Европейский союз «плохо приспособлен к ведению равноправного диалога с кем бы то ни было, включая даже таких партнеров, как США и Китай»[332]. Автор констатирует, что сегодня у европейцев нет аргументов, чтобы убедить Москву вернуться к модели отношений, которая существовала в начале XXI в. То есть, по сути «Брюсселю нечего предложить Москве, кроме как вернуться к ситуации двадцатилетней давности, да и то при условии, что Москва откажется от всех своих реальных или мнимых достижений последних лет во внешней политике. Россия же (даже при совокупном потенциале стран ЕАЭС) не обладает достаточной мощью, чтобы заставить Брюссель (даже сильно ослабленный по сравнению с недавним периодом расцвета) вести равноправный диалог с Москвой»[333].

В достаточно объемном документе, подготовленном *German Council on Foreign Relations* (19) и в котором рассматриваются вопросы управления кризисными ситуациями в Евросоюзе, ЕАЭС упоминается в пункте «Вызовы будущего: поиск новых партнеров». Отмечается, что даже третьи страны, которые обычно защищают свой суверенитет, все больше склоняются к сотрудничеству перед лицом новых угроз, связанных с безопасностью границ, преступностью и терроризмом. В качестве примера приводятся ШОС и ЕАЭС, которые «продвигают свои собственные таможенные правила и правила борьбы с торговлей людьми»[334].

[329] *Emerson M. The new EU leadership's opportunity for an early win in Eastern Europe // Centre for European Policy Studies, 02.12.2019. Url: https://www.ceps.eu/the-new-eu-leaderships-opportunity-for-an-early-win-in-eastern-europe/*
[330] *Blockmans S. The Eastern Partnership at 10: The road to hell is paved with good intentions // Centre for European Policy Studies, 06.05.2019. Url: https://www.ceps.eu/the-eastern-partnership-at-10/*
[331] *Kortunov A. Will Russia Return to Europe? // Barcelona Centre for International Affairs, February 2019. Url: https://www.cidob.org/en/publications/publication_series/notes_internacionals/n1_213/will_russia_return_to_europe/(language)/eng-US*
[332] *Ibid.*
[333] *Ibid.*
[334] *Moving EU Civilian Crisis Management Forward: More Capable, More Flexible, More Responsive /Edited by C. Böttcher, M. Wolf // German Council on Foreign Relations, January 2019. P. 6. Url: https://dgap.org/system/files/article_pdfs/moving_eu_civilian_crisis_management_forward_conference_report.pdf*

В статье *Carnegie Endowment for International Peace Europe Center (20)*, посвященной десятилетнему юбилею программы «Восточное партнерство» ЕС, автор делит государства, участвующие в ВП, на три группы. Страны, входящие в первую группу (Грузия, Молдова и Украина), подписали соглашения об ассоциации, глубокие и всеобъемлющие соглашения о свободной торговле и соглашения о безвизовом режиме с ЕС. Отдельно выделена Армения, с ее «Соглашением о всеобъемлющем и расширенном партнерстве» 2017 г., которое является «новым типом более слабой интеграции с ЕС, который отражает реальность тесных связей Армении с Россией, включая участие в Евразийском экономическом союзе»[335]. Автор отмечает, что возможно когда-нибудь и Беларусь последует этой модели, но пока, в условиях санкций против Лукашенко, она входит в третью категорию стран ВП, куда входит и Азербайджан. Эта группа стран «заинтересована только в экономическом сотрудничестве с ЕС»[336]. При этом в контексте ситуации в Беларуси ЕАЭС в тексте не фигурирует.

Доклад *German Institute for International and Security Affairs (23)* посвящен анализу роли ОБСЕ в решении вопросов экономического и экологического характера, которые автор называет «вторым измерением» (second dimension). Как отмечается, экономика и окружающая среда, возможно, являются менее чувствительными вопросами для международного сотрудничества, поэтому взаимодействие в этой сфере может дать толчок и нормализации политических отношений. В этом контексте проводится анализ готовности различных стран развивать «второе измерение». Отмечается позиция в этом вопросе России, которая «вполне открыта для действий во втором измерении, и в частности с 2016 г. она пытается усилить роль ОБСЕ для поиска путей возможного сотрудничества между ЕС и ЕАЭС». Правда пока ни в европейских столицах, ни в США, подчеркивает автор доклада, эта идея поддержки не находит[337].

В комментарии на сайте *European Council on Foreign Relations (26)* рассматривается «поворот России на восток» в условиях кризиса отношений с ЕС, а также перспективы восстановления отношений между Россией и ЕС. В рамках этого «поворота», как отмечается, Москва укрепила свои связи с Пекином для создания интегрированного «Евразийского суперконтинента», для чего стороны договорились о сопряжении ЕАЭС и «Пояса и пути»[338]. Автор подчеркивает, что реализация этих проектов не противоречит друг другу.

В тексте отмечается, что попытки России создать «Большую Евразию» являются ответом на инициативу «Пояс и путь» и попыткой «слабеющей державы выиграть время, создавая себе образ равноправного со-архитектора формирующегося Евразийского порядка». Москва боится конкуренции со второй экономикой мира, что ограничивает ее стремление создать подлинную Евразийскую зону свободной торговли. «В связи с этим возникает вопрос: не является ли ЕАЭС скорее попыткой выкроить свою сферу влияния в самом сердце Евразии, чем подлинным стремлением к международной интеграции»[339].

---

[335] Sasse G. Lessons Learnt From the Eastern Partnership // Carnegie Endowment for International Peace Europe Center, 02.05.2019. Url: https://carnegieeurope.eu/2019/05/02/lessons-learnt-from-eastern-partnership-pub-79450
[336] Ibid.
[337] Smolnik F. Cooperation, Trust, Security? The Potential and Limits of the OSCE's Economic and Environmental Dimension // German Institute for International and Security Affairs, December 2019. P. 24–25. Url: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2019RP16_smk_WEB.pdf
[338] Paikin Z. Russia's pivot to the east: Where does it leave the EU? // European Council on Foreign Relations, 21.02.2019. Url: https://www.ecfr.eu/article/commentary_russias_pivot_to_the_east_where_does_it_leave_the_eu
[339] Ibid.

Говоря о перспективах создания «Европы от Лиссабона до Владивостока», автор отмечает, что сегодня стороны двигаются в противоположном направлении. Однако в будущем «ЕС мог бы начать диалог с ЕАЭС по таможенным и регуляторным стандартам – сначала неофициально, но в конечном итоге институционализировав их». Это помогло бы евпропейцам вовлечь соседние страны в свою орбиту неконфронтационным путем, при этом легитимировав одну из важных внешнеполитических инициатив Москвы, и успокоить Кремль, дав понять, что его видение полицентричной Европы, где с ним общаются на равных, все еще актуально[340].

В другом материале этого аналитического центра, подготовленном коллективом авторов, идет речь об инициативах французского президента по возобновлению конструктивных отношений с Россией, а также рассматриваются перспективы и последствия диалога с Россией для Франции, ЕС, НАТО. В частности, отмечается, что инициативы Макрона требуют «обеспечить новые, более продуктивные отношения между ЕС и Евразийским экономическим союзом»[341].

На сайте *Institute of International and European Affairs (41)* опубликован анонс подкаста, в котором отмечается, что Евразийский экономический союз не подтвердил опасений оппонентов и не оправдал надежд России. «С момента своего образования в 2011 г. (так в тексте. – *Р. Т., А. А.)* Евразийский экономический союз оказал меньшее влияние и чем опасались его противники, и чем надеялась Россия. Тем не менее ЕАЭС оказал заметное влияние на торговлю, таможенные пошлины и нормативно-правовую базу своих членов. Россия хотела бы расширить влияние ЕАЭС, не только принимая новых членов, но и подписывая торговые соглашения с внешними партнерами. Однако до сих пор Евросоюз не играл заметной роли в этих планах. И сегодня перспектива отношений между ЕС и ЕАЭС остается во многом открытым вопросом»[342].

Заключительный материал, включенный в данный блок, опубликован *Foreign Policy Centre (58).* Он посвящен стратегии «Европы от Атлантики до Урала» в условиях современных кризисов, на фоне конфликта Запада и России и ослабления доверия к либеральным институтам. Размышляя о необходимости взаимодействия с нелиберальными государствами, автор говорит, что не всегда целесообразен прямой диалог. Выстраивать его можно через посреднические институты, например ОБСЕ, ЕАЭС, или через создание новых, которые не требовали бы соблюдения демократических норм, а ограничивались бы общим интересом в снижении нестабильности, а также в восстановлении порядка, основанного на правилах, и адаптированного к современным обстоятельствам[343].

---

[340] *Ibid.*

[341] *Gressel G., Liik K., Shapiro J., Varma T. Emmanuel Macron's very big idea on Russia // European Council on Foreign Relations, 25.09.2019. Url: https://www.ecfr.eu/article/commentary_emmanuel_macrons_very_big_idea_on_russia*

[342] *Between Brussels And Moscow: A Tale Of Two Unions // Institute of International and European Affairs, 18.02.2019. Url: https://www.iiea.com/past-events/between-brussels-and-moscow-a-tale-of-two-unions/*

[343] *Oskanian K. FPC Briefing: Rethinking 'Wider Europe' in Times of Liberal Crisis // Foreign Policy Centre, 24.09.2019. Url: https://fpc.org.uk/rethinking-wider-europe-in-times-of-liberal-crisis/*

3.7. СЕРБИЯ И ЗАПАДНЫЕ БАЛКАНЫ

Прямые упоминания

Автор статьи *LSE IDEAS (18),* посвященной Соглашению о свободной торговле между Сербией и ЕАЭС, утверждает, что экономический эффект от этой сделки будет минимальным, а реальная цель соглашения с точки зрения Сербии заключалась в том, чтобы использовать угрозу более тесных отношений с Россией в качестве рычага давления на Запад. «Это было лишь одним из паттернов сербской внешней политики, в соответствии с которой страна балансирует и сталкивает страны Запада и незападные державы, такие как Россия, друг с другом»[344].

Аргументируя свой скептицизм относительно экономических выгод от сделки, автор отмечает, что она приходит на смену двусторонним соглашениям, которые Сербия уже имеет с Россией, Беларусью и Казахстаном, расширяя их на Армению и Кыргызстан. «Таким образом, эта сделка открывает лишь два новых рынка для Сербии, которые не входят в число наиболее привлекательных целевых рынков, и вряд ли можно ожидать быстрого скачка объемов торговли с этими странами».

Сравнивая показатели экономического взаимодействия с ЕС и ЕАЭС для подтверждения своих слов, автор приводит статистические данные, согласно которым в 2018 г. товарооборот Сербии с Россией и странами ЕАЭС оценивался в 3,4 млрд долл. Среди членов ЕАЭС Россия является единственным крупным торговым партнером для Сербии. При этом товарооборот с Россией составляет менее 10% от общего объема торговли Сербии, на ЕС же приходится 63%, при этом инвестиции из ЕС более чем в 10 раз превышают российские[345].

В статье отмечается, что с 2008 г. Балканы находятся в стратегическом вакууме, вызванном неспособностью ЕС инкорпорировать регион. В этих условиях Белград был особо заинтересован в поиске альтернативных партнеров. И подписание соглашения о свободной торговле с ЕАЭС было для Сербии способом послать сигнал (на тактическом и символическом уровне) ЕС и Западу, что у нее есть и другие варианты, потакая при этом пророссийской части сербского электората.

Тем не менее, по мнению автора, несмотря на поддержку этой идеи гражданами страны, «Сербия не сделает заключительного шага и не вступит в ЕАЭС, поскольку это поставит под угрозу ее важнейшие политические и экономические связи в Европе»[346].

Косвенные упоминания

В материале *Istituto Affari Internazionali (17)* ЕАЭС упоминается в контексте балансирования Сербии между ЕС и Россией, наряду с отказом Белграда поддержать антироссийские санкции по Крыму и закупкой российских истребителей в 2017 г.: «Сербия инициировала переговоры по соглашению о свободной торговле с Евразийским экономическим союзом под руководством Москвы. Статус кандидата на вступление в ЕС не мешает Сербии подписывать соглашения о свободной торговле, так как они станут недействительными, как только она вступит в ЕС»[347].

---

[344] Vuksanovic V. Serbia's deal with the Eurasian Economic Union: A triumph of foreign policy over economics // LSE IDEAS, 28.11.2019. Url: https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2019/11/28/serbias-deal-with-the-eurasian-economic-union-a-triumph-of-foreign-policy-over-economics/?from_serp=1

[345] Ibid.

[346] Ibid.

[347] Amadio Viceré M. G. The Future Is Back: The EU, Russia and the Kosovo–Serbia Dispute // Istituto Affari Internazionali, October 2019. P. 9. Url: https://www.iai.it/sites/default/files/iaip1919.pdf

В статье *German Council on Foreign Relations (19)* анализируется политика ЕС на Балканах в контексте позиции президента Франции Э. Макрона относительно переговоров о вступлении в ЕС Северной Македонии и Албании. И в частности отмечается: «Решение ЕС оставить свои двери закрытыми для двух балканских стран заставило государства региона осознать, что они не могут полагаться лишь на своих западных соседей. Президент Сербии Вучич заявил, что отказ ЕС начать переговоры о вступлении Северной Македонии и Албании подтверждает оправданность его политики налаживания более тесных связей с Китаем и Россией. В конце октября Белград подписал соглашение о свободной торговле с ЕАЭС – возглавляемым Москвой таможенным союзом»[348].

Комментарий *European Council on Foreign Relations (26)* посвящен анализу политики Макрона, направленной на расширение ЕС за счет стран Западных Балкан. В нем, в частности, отмечается, что «лидеры этих государств должны перестать говорить о европейских ценностях при авторитарных правилах игры в их странах. А ЕС не должен платить таким странам, как Сербия, чтобы помешать им подписать соглашения о свободной торговле с ЕАЭС». Отмечается, что такое поведение напоминает действия экс-президента Украины В. Януковича, который под давлением Москвы в 2013 г. отозвал решение о подписании Соглашения об ассоциации с ЕС[349].

Еще в одном комментарии на сайте этого think tank'а отмечается активизация политики ЕС на Балканах в связи с назначением Ж. Борреля на пост представителя ЕС по иностранным делам. Автор упоминает ЕАЭС в рамках анализа политики А. Вучича и отмечает, что он приветствует китайские и турецкие инвестиции и даже «планирует подписать 25 октября соглашение о присоединении (так в тексте. – *Р. Т., А. А.*) к Евразийскому экономическому союзу – возглавляемому Россией блоку, включающему Армению, Беларусь, Казахстан и Кыргызстан»[350].

О ситуации на Западных Балканах идет речь и в статье *Friends of Europe (57),* в ней говорится о соглашении по вопросу о названии Македонии и прорыву, который настанет после него в отношениях с Грецией, а также ЕС и НАТО в целом. Автор пишет о недостаточном присутствии ЕС на Западных Балканах, что создало там определенный вакуум власти и позволило другим странам, таким как Россия, Китай и Турция, нарастить свое влияние в регионе. В частности отмечается, что Москва предложила странам Западных Балкан вступить в ЕАЭС сразу после негативного для них решения Совета Европы»[351].

3.8. БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Прямые упоминания

Единственный материал с прямым упоминанием ЕАЭС, который мы отнесли к этому тематическому блоку, подготовлен *Institute for International Political Studies (15)* и

[348] *Schwarzer D., Nič M., Vallée S. Macron is Gambling Away EU Influence in Balkans // German Council on Foreign Relations, 31.10.2019. Url: https://www.ecfr.eu/article/commentary_borrell_will_face_centrifugal_forces_in_the_balkans*
[349] *Tcherneva V. French connections: How to revitalise the EU enlargement process // European Council on Foreign Relations, 11.12.2019. Url: https://www.ecfr.eu/article/commentary_french_connections_how_to_revitalise_the_eu_enlargement_process*
[350] *Tcherneva V. Borrell will face centrifugal forces in the Balkans // European Council on Foreign Relations, 10.10.2019. Url: https://www.ecfr.eu/article/commentary_borrell_will_face_centrifugal_forces_in_the_balkans*
[351] *Zeneli V. North Macedonia's success could change the future of Western Balkans // Friends of Europe, 21.11.2019. Url: https://www.friendsofeurope.org/insights/north-macedonias-success-could-change-the-future-of-western-balkans/*

посвящен политике России на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В публикации встречается более десяти упоминаний ЕЭАС, большинство из которых находятся в разделе с анализом экономической политики России в регионе.

Так, в части этого раздела с подзаголовком «Козырь в рукаве: Евразийский экономический союз» отмечается, что ранее Россия избегала соглашений о свободной торговле со странами, не входящими в «ближнее зарубежье», теперь же она стремится выйти за его пределы, но «все равно делает это посредством механизма, который составляют государства постсоветского пространства, а именно с помощью ЕАЭС». Отмечается следующее: «Первоначально задуманный исключительно как альтернативный способ экономической реинтеграции некоторых из бывших республик Советского Союза, ЕАЭС добился больших успехов в снижении барьеров для сделок между государствами-членами <...> параллельно устанавливая барьеры для стран, не входящих в Союз». Также подчеркивается, что ЕАЭС стал самостоятельным инструментом российской внешнеэкономической деятельности, с помощью которого можно предложить другим странам рынок, более широкий, чем только российский[352].

Среди проблем ЕАЭС автор раздела выделяет: разногласия между Россией и Казахстаном; обеспокоенность «политическим доминированием России в Союзе, которое препятствует дальнейшей интеграции»; «отсутствие прогресса в снижении внутренних барьеров». «Однако при этом ЕАЭС позволяет России формально закрепить экономические отношения со странами Ближнего Востока и Северной Африки; более того, легитимация, к которой так стремится ЕАЭС, отчасти может быть обеспечена путем заключения соглашений о внешней торговле, и в этом контексте регион выглядит весьма многообещающим»[353].

ЕАЭС может стать эффективным инструментом, с помощью которого Россия усилит свое влияние в странах Ближнего Востока и Северной Африки, однако для стран региона не все так просто: «С чисто экономической точки зрения, если бы стране нужно было выбирать между ЕАЭС и ЕС, было бы глупо не выбрать ЕС». Но страны, находящиеся возле российских границ, не могли позволить себе такую роскошь – руководствоваться чисто экономическими соображениями, так как подвергались политическому давлению для вступления в ЕАЭС. В качестве наиболее показательного, приведен пример с Украиной. Отмечается, что страны Ближнего Востока и Северной Африки в силу своего географического положения не подвержены такому влиянию России, поэтому могут более свободно выбирать между ЕАЭС и ЕС, но многие из них, среди которых называются Турция, Египет, Иран и Израиль, уже «заигрывают» с ЕАЭС. «Маловероятно, что страны региона откажутся от своего доступа к рынкам ЕС ради ЕАЭС, но остаться равноудаленными и при этом иметь соглашения с обеими сторонами вполне устроило бы многие североафриканские страны. При таком сценарии, при прочих равных условиях, вероятно, что торговля с Россией и инвестиции будут расти»[354].

Косвенные упоминания

В докладе *Institute for International Political Studies (15)* представлен анализ восточного направления политики Ирана. ЕАЭС косвенно упоминается в трех разных раз-

[352] *Talbot V., Lovotti C. (Eds.), Akl Z., Cherif Y., Hartwell Ch., Milosevich M., Tafuro Ambrosetti E. The Role of Russia in the Middle East and North Africa Region. Strategy or Opportunism? // Institute for International Political Studies, April 2019. P. 105. Url: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/joint-policy-study_12_the-role-of-russia-in-the-mena-region.pdf*

[353] *Ibid.*

[354] *Ibid. P. 105–106.*

делах. В первом случае речь идет о противостоянии Ирана и США, в рамках которого Тегеран стремится взаимодействовать с партнерами в Европе, а также азиатскими державами: «В настоящее время Иран использует такие региональные структуры и механизмы, как ШОС, Евразийский экономический союз, возглавляемый Россией, и, разумеется, китайская инициатива «Пояс и путь», чтобы стать более азиатской державой и попытаться ослабить возобновившиеся атаки Соединенных Штатов в политической и экономической сферах»[355]. Также упомянуто соглашение, заключенное в октябре 2019 г. между ЕАЭС и Ираном[356], и отмечается, что в настоящее время обсуждается вступление Ирана в ЕАЭС, правда, особых подвижек на этом направлении нет[357].

Автор материала, опубликованного *Foundation for Strategic Research (82)*, рассматривает сирийский фактор в российско-израильских отношений. О ЕАЭС идет речь в рамках анализа товарооборота между Россией и Израилем: «Чтобы придать новый импульс торговле, россияне и израильтяне уже несколько лет ведут переговоры о создании зоны свободной торговли ЗСТ между еврейским государством и ЕАЭС»[358]. Подчеркивается, что ЗСТ между Израилем и ЕАЭС «может вывести российско-израильскую торговлю, которая, похоже, столкнулась сегодня со “стеклянным потолком”, на новый уровень»[359].

В статье *Institute Montaigne (100)* об индийско-российских отношениях и влияющих на них факторах, ЕАЭС упоминается в контексте отношений Нью-Дели с Тегераном. Иран для Индии является «ключевым государством на пути в Афганистан и Центральную Азию, а также для реализации транспортного коридора “Север – Юг”, связывающего Мумбаи с Бендер-Аббасом, Тегераном и возглавляемым Москвой ЕАЭС»[360].

3.9. АФРИКА И АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН

Косвенные упоминания

В докладе *French Institute of International Relations (1)*, посвященном российской позиции в Африке, ЕАЭС упоминается в качестве одного из факторов активизации этой политики. «Возобновление Россией, начиная с конца 2014 г., африканской политики может объясняться сочетанием таких трех факторов: западные санкции в отношении России после аннексии Крыма, вступление в силу Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и начало военной операции в Сирии (30 сентября 2015 г.). Конфронтация с Западом стала структурирующим элементом российской внешней политики»[361], – полагает автор доклада.

---

[355] Iran Looking East: An Alternative to the EU?/ edited by A. Perteghella // Institute for International Political Studies, November 2019. P. 21. Url: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/ispi_iran_looking_web.pdf
[356] Ibid. P. 79.
[357] Ibid. P. 94.
[358] Delanoë I. Russia-Israel: Syria, a new structural challenge of Israeli-Russian relations // Foundation for Strategic Research, June 2019. P. 13. Url: https://www.frstrategie.org/sites/default/files/documents/programmes/observatoire-du-monde-arabo-musulman-et-du-sahel/publications/en/201916.pdf
[359] Ibid. P. 16.
[360] Racine J.-L. India and Russia – Bilateralism and Multipolarity // Institute Montaigne, 30.10.2019. Url: https://www.institutmontaigne.org/en/blog/india-and-russia-bilateralism-and-multipolarit
[361] Калика А. Активизация политики России в Африке и ее ограничения // Французский институт международных отношений, апрель 2019. С. 6. Url: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/kalika_russia_africa_ru_2019.pdf; англ. версия: Kalika A. Russia’s «Great Return» to Africa? // French Institute of International Relations, April 2019. P. 6. Url: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/kalika_russia_africa_2019.pdf

В другой публикации этой организации с анализом отношений России и стран Юго-Восточной Азии приводится мнение «российского аналитика», который полагает, что юбилейный саммит Россия – АСЕАН в 2016 г. был больше посвящен празднованию, чем чему-либо еще, и попытка Кремля протолкнуть соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и АСЕАН была в основном встречена благожелательным бездействием последнего[362]. Также упоминается соглашение между Вьетнамом и ЕАЭС[363] и обсуждение вопроса о заключении соглашения о свободной торговле, «которое свяжет Малайзию с ведомым Россией Евразийским экономическим союзом»[364].

Автор статьи *Konrad Adenauer Foundation (6)* пишет о вопросах безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и отмечает, что, хотя и США, и Китай, говорят об архитектуре безопасности в регионе, они имеют разное видение ситуации. «В последние годы инициатива Китая “Пояс и путь” и российская стратегия “Евразийского союза” ознаменовали собой первую попытку интеграции и начало регулирования “общей” архитектуры безопасности в новой геостратегической ситуации. Сегодня эти две стратегии в основном пересекаются в экономической сфере, в рамках сопряжения и сотрудничества между “Экономическим поясом Шелкового пути” и Евразийским экономическим союзом. Но на фоне стремительного “поворота России на восток” в ответ на американскую стратегию “возвращения” в Азиатско-Тихоокеанский регион, а также готовности России сотрудничать с Китаем в деле защиты морских прав и интересов, у Китая и России есть большой потенциал и перспективы для сотрудничества в рамках Морского Шелкового пути XXI века»[365].

В материале *EGMONT – The Royal Institute for International Relations (30)* – говорится о перспективах реализации «глобальной стратегии ЕС» в 2020 г., автор отмечает необходимость вовлечения большего числа участников в программы и политику ЕС в целом, с упором на «мягкую силу». Говоря о вовлечении азиатских стран в европейские проекты, автор отмечает: «В ответ на “Пояс и путь” ЕС принял свою собственную стратегию взаимодействия для Азии <…> чтобы убедить страны региона в том, что они заинтересованы в сохранении подлинно открытой экономики, и в том, чтобы не ставить под угрозу свой суверенитет, “складывая все яйца в корзину Китая” (или, в некоторых случаях, Российского/Евразийского экономического союза (Российский/Евразийский через косую черту в оригинале – *Р. Т., А. А.*)»[366]. Эта же аналогия использована и в другом материале того же автора, где поднимаются схожие вопросы[367].

---

[362] *Gorenbur D., Schwartz P. Russia’s Relations with Southeast Asia // French Institute of International Relations, March 2019. P. 18. Url: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/gorenburg_schwartz_russia_relations_southeast_asia_2019.pdf*

[363] *Ibid. P. 22.*

[364] *Ibid. P. 31.*

[365] *Yuanzhe R. Competitive Regional Security Architecture and the Value of ASEM // Konrad Adenauer Foundation, 26.09.2019. Url: https://www.kas.de/en/single-title/-/content/competitive-regional-security-architecture-and-the-value-of-asem*

[366] *Biscop S. The Power to Engage: Giving Punch to a new EU Global Strategy 2020 // EGMONT - The Royal Institute for International Relations, September 2019. P. 5. Url: http://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2019/08/SPB-114-The-Power-to-Engage.pdf*

[367] *Biscop S. A geopolitical Commission needs power: not to confront, but to engage // EGMONT - The Royal Institute for International Relations, 17.09.2019. Url: http://www.egmontinstitute.be/a-geopolitical-commission-needs-power-not-to-confront-but-to-engage/*

3.10. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ЕЕ ОТНОШЕНИЯ С ЗАПАДОМ

Прямые упоминания

В русскоязычной версии доклада, подготовленного *Friedrich Ebert Foundation (7)* при поддержке *Корпорации Карнеги в Нью-Йорке* и *Федерального Департамента иностранных дел* совместно с корпорацией RAND, анализируются отношения России с Западом, которые переживают глубокий кризис. «К многообразным проявлениям этого кризиса относятся, например, предполагаемое вмешательство России в американские и европейские выборы, зеркальная высылка дипломатов и объявление санкций. Вне зависимости от этих событий вопрос, изначально вызвавший дестабилизацию отношений и лежащий в корне более общих споров, – это соперничество за Украину и другие страны постсоветского пространства, которые можно назвать "серединными странами": Беларусь, Молдову, Грузию, Армению и Азербайджан. В Украине соперничество между Россией с Западом достигло апогея, однако и за остальные государства идет борьба внешнеполитических сил. В этой борьбе нет победителей: Запад и Россия находятся в состоянии опасного соперничества, которое наносит урон обеим сторонам и выхода из которого не просматривается»[368], – отмечается в предисловии.

Авторы предлагают ряд шагов по исправлению сложившейся ситуации, в том числе заключение двусторонних соглашений между государствами региона и торговыми союзами там, где это еще не произошло, и открытый диалог между комиссиями ЕС, ЕАЭС и государствами, не входящими ни в ту, ни в другую организацию[369]. Всего же ЕАЭС упоминается в тексте этого исследования более 100 раз.

В контексте конфликта на Украине отмечается, что протесты против Януковича были вызваны решением отложить подписание Соглашения об ассоциации с Евросоюзом «в пользу более тесного сотрудничества с Россией, "близкого к вступлению в ЕАЭС"». «Поскольку подписание соглашения сделало бы невозможным вступление в ЕАЭС, Украина была поставлена в ситуацию вынужденного выбора между двумя союзами». Также отмечается, что Россия в целом «стремится к разграничению географических сфер ответственности между евроатлантическим и евразийским сообществами», в отличие от США и других стран Запада, которые «по-прежнему отвергают любые договоренности, основанные на косвенном признании сфер влияния». Эти процессы «поставили "серединные страны", не входящие ни в ЕАЭС/ОДКБ, ни в ЕС/НАТО, перед дилеммой. Ситуации, в которых им приходилось делать сложный выбор из двух взаимоисключающих вариантов, возникали все чаще, достигнув апогея в 2013 г.»[370].

Также рассмотрены различные варианты деэскалации между Россией и Западом, в частности предлагается «решить такие вопросы, как надежные гарантии безопасности неприсоединившихся стран; принятие ряда мер, в том числе мер по контролю над вооружениями, обеспечивающих эти гарантии; принятие мер, позволяющих "серединным странам" сочетать ассоциацию с ЕС с нормализованными экономическими связями с Россией и ЕАЭС; а также взаимные обязательства по проведению политических совещаний в том случае, если вопрос статуса "серединных стран" будет поднят в будущем»[371].

---

[368] *Выйти из «промежуточного положения»: представления о региональном порядке в постсоветской Европе и Евразии / под редакцией С. Чарап, А. Демус, Дж. Шапиро // Региональное бюро сотрудничества и мира в Европе Фонда имени Фридриха Эберта, 2019. С. 7. Url: http://library.fes.de/pdf-files/bueros/wien/15428.pdf*
[369] *Там же. С. 13.*
[370] *Там же. С. 26–27.*
[371] *Там же. С. 32.*

Исследование состоит из статей разных авторов. В одной из них отдельным пунктом рассмотрена совместимость Углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли (УВЗСТ) с ЕС и экономических связей с ЕАЭС. «Соглашение о свободной торговле между ЕС и ЕАЭС – один из возможных вариантов, который, правда, пока не считается предпочтительным ни в Евросоюзе, ни в России», – отмечается в докладе. В качестве альтернативного варианта предложено «заключение “серединными странами” соглашений о свободной торговле как с ЕС, так и с ЕАЭС». Еще один вариант – «продвижение разработки совместимых нормативных баз и административных практик для ЕС и ЕАЭС с целью способствовать созданию более однородного общего экономического пространства»[372].

В другой части доклада отмечается, что ЕС и ЕАЭС могли бы «инициировать отдельный структурированный диалог в целях нахождения общих интересов и начала работы над конкретными проектами. Исследовательский центр, связанный с бывшим министром финансов России Алексеем Кудриным, в своем докладе о российской внешней политике рекомендует начать такое сотрудничество и деполитизировать диалог между ЕС и ЕАЭС»[373], а более подробно эта тема освещается в статье Э. Адеммер и Я. Лисоволика, также входящей в этот сборник. Эти авторы в частности предлагают «заключить двусторонние соглашения с целью усилить экономическую сцепку между странами, а в дополнение создать механизмы для начала всестороннего диалога между комиссиями ЕС и ЕАЭС и другими странами региона»[374].

По их мнению, «правила ЕС и ЕАЭС позволяют обоим союзам заключать соглашения с другими государствами и таможенными союзами. Договор о Евразийском экономическом союзе предусматривает возможность создания зон свободной торговли между ЕАЭС и третьими сторонами и не лишает вступившие в Союз государства права подписывать другие международные соглашения, если они не противоречат целям и принципам договора. Кроме того, любая страна, не входящая в таможенный союз типа ЕС или ЕАЭС, может установить любое количество классических ЗСТ. Это относится к странам региона, подписавшим соглашение о УВЗСТ с ЕС: Украине, Грузии и Молдове. Аналогично соглашение о УВЗСТ с ЕС не запрещает подписавшим странам заключать другие торговые соглашения, если они не вступают в противоречие с соглашением о УВЗСТ. Страны, входящие в УВЗСТ, обязаны провести консультации перед заключением других торговых соглашений»[375]. В качестве аргумента в пользу реальности такого варианта сотрудничества приводится пример Армении.

Автор еще одной из статей, составивших данное исследование, Ю. Никитина, анализируя кризис в отношениях между Западом и Россией, отмечает, что, по мнению России, «в центре глобального управления должны находиться “мощные региональные организации”, а международную стабильность можно обеспечить, выработав правила взаимодействия региональных организаций». Тогда как «Запад фактически отказывается признать созданные Россией региональные организации – ОДКБ и ЕАЭС, что привело к тупиковой ситуации в межорганизационном взаимодействии. Без этого признания невозможен диалог, направленный на сглаживание противоречий»[376]. В рекомендациях автор предлагает России и Западу «воспользоваться опытом ШОС – клуба, в который входят как очень большие, так и очень малые страны с различными режимами, культурами, религиями и разной историей. Для достижения прогресса

[372] *Там же. С. 36–37.*
[373] *Там же. С. 53.*
[374] *Там же. С. 63.*
[375] *Там же. С. 63–64.*
[376] *Там же. С. 91–92.*

ШОС усвоила так называемый *шанхайский дух*: члены организации готовы потратить на переговоры столько времени, сколько понадобится для достижения консенсуса»[377]. При этом «рабочие группы можно организовать, исходя из логики специализации соответствующих структур: ЕС – ЕАЭС; НАТО – ОДКБ; ЕС – ЕАЭС – ШОС – ОПОП (в экономическом измерении) и ОБСЕ – ШОС (в измерении безопасности). ОБСЕ могла бы стать третьим партнером в контактах ЕС – ЕАЭС и НАТО – ОДКБ в качестве организации, провозглашающей принципы регионального взаимодействия. Собственно, ОБСЕ может инициировать создание подобных рабочих групп и внутри организации»[378].

Также в исследовании представлены результаты социологического исследования, проведенного в сентябре-октябре 2017 г.[379]. В Армении оно было проведено армянским отделением Кавказского исследовательского ресурсного центра (CRRC-Armenia) (N=1647, погрешность: ±1,8% при доверительной вероятности 0,95).

В Беларуси – компанией Novak (N=1044, погрешность: 3% при доверительной вероятности 0,95). В Грузии – грузинским отделением Кавказского исследовательского ресурсного центра (CRRC-Georgia) (N=2379 погрешность: ±1,53% при доверительной вероятности 0,95). В Молдове Центром социологических исследований и маркетинга (SBS-AXA) (N=1109, погрешность: ±3% при доверительной вероятности 0,95). На Украине – Киевским международным институтом социологии (КМИС) (N=2027 погрешность: статистическая ошибка выборки, с вероятностью 0,95 и дизайн-эффектом 1,5, не превышает 3,3% для показателей, приближающихся к 50%; 2,8% – для показателей, приближающихся к 25%; 2,0% – для показателей, приближающихся к 10%; и 1,4% – для показателей, приближающихся к 5%)[380]. Результаты этого исследования приведены ниже.

В докладе *Centre for European Reform (43)* с анализом политики В. Путина в его «последний президентский срок», большая часть из порядка 20 упоминаний ЕАЭС находится на диаграмме со сравнением импорта-экспорта российских товаров в Китай, ЕАЭС и ЕС с динамикой за 5 лет[381]. В тексте отмечается, что в 2017 г. значительно возросла торговля внутри ЕАЭС. Но это произошло после четырех лет спада, и торговля внутри блока достигла лишь 80% от уровня в 2013 г.[382].

Также авторы полагают, что «роль организации в планах Путина на следующие шесть лет, по-видимому, ограниченна». Отмечается, что, согласно Майским указам, российское правительство должно развивать эффективное разделение труда и сотрудничества в сфере производства в рамках ЕАЭС с целью увеличения взаимной торговли и инвестиций. Однако 18 июня 2018 г. на Заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам под председательством Д. Медведева, где обсуждалась реализация проектов по увеличению российского экспорта, ЕАЭС вообще не упоминался[383].

В контексте российско-китайских сказано, что «ответом Путина на инициативу Си Цзиньпина “Пояс и путь” с ее масштабными инфраструктурными инвестициями в соседние с Россией страны стала попытка упрочить связи между ЕАЭС и этой китайской инициативой»[384].

[377] *Там же. С. 102.*
[378] *Там же. С. 103.*
[379] *Там же. С. 185.*
[380] *Там же. С. 187–189.*
[381] *Bond I., Yurgens I. Putin’s last term Taking the long view // Centre for European Reform, January 2019. P. 10. Url: https://www.cer.eu/sites/default/files/pbrief_putin_view_ib_22.1.19.pdf*
[382] *Ibid. P. 9.*
[383] *Ibid.*
[384] *Ibid. P. 15.*

Таблица. *Предпочтения относительно экономической и политической интеграции*

Вопрос: Какой вариант, по вашему мнению, был бы лучшим для будущего экономического и политического развития вашей страны?

	Армения	Беларусь	Грузия	Молдова	Украина
Вступить в Евразийский экономический союз, в котором ведущую роль играет Россия*	24,5%	30,8%	10,3%	20,1%	8,3%
Вступить в Европейский союз, в котором ведущую роль игр	5,2%	9,9%	29,2%	23,2%	46,7%
Поддерживать равно тесные отношения с обоими союзами	53,9%	46,4%	37,0%	38,0%	26,6%
Не вступать ни в тот, ни в другой союз	3,2%	4,1%	6,1%	10,6%	10,2%
Не знаю / Затрудняюсь ответить	13,2%	8,8%	17,5%	8,2%	8,1%

* В случае Армении и Беларуси формулировка гласила «остаться в Евразийском экономическом союзе», поскольку эти страны уже входят в его состав.

Таблица. *Предпочтения относительно отношений в сфере безопасности*

Вопрос: Какой вариант, по вашему мнению, в наибольшей степени способствовал бы обеспечению безопасности вашей страны?

	Армения	Беларусь	Грузия	Молдова	Украина
Вступить в Организацию Договора о коллективной безопасности, в которой ведущую роль играет Россия*	27,1%	38,9%	9,6%	17,1%	5,9%
Вступить в НАТО, в которой ведущую роль играют страны Западной Европы и США	5,4%	5,8%	28,3%	11,6%	43,5%
Поддерживать равно тесные отношения с обеими организациями	50,4%	37,9%	34,0%	29,7%	21,8%
Не вступать ни в ту, ни в другую организацию	2,9%	6,5%	7,7%	28,2%	16,2%
Не знаю / Затрудняюсь ответить	14,2%	11,0%	20,3%	13,4%	12,6%

* В случае Армении и Беларуси формулировка гласила «остаться в Организации договора о коллективной безопасности», поскольку эти страны уже входят в данную организацию.

Косвенные упоминания

В статье *Konrad Adenauer Foundation (6)* говорится о большом количестве различных международных площадок, которые создаются сегодня, это делается либо для совместного решения конкретной проблемы, либо потому, что государства чувствуют, что существующие форматы недостаточно отражают их интересы. «Например, появляющиеся региональные державы, которые оспаривают существующий статус-кво, могут создать свои собственные новые проекты или институты, чтобы продвигать собственную повестку дня и влиять на соседние страны в соответствии со своими собственными интересами. В евразийском регионе так дело обстоит не только с российским Евразийским союзом (так в тексте – Eurasian Union. – *Р. Т., А. А.*), но и китайским Азиатским банком инфраструктурных инвестиций и инициативой "Пояс и путь". Такое развитие событий и резкое увеличение числа многосторонних инициатив привели некоторых экспертов к выводу о наличии избыточного предложения таких форумов»[385].

В докладе «Милитаризация постмодернизма: новая война России против Европы», размещенном на сайте *LSE IDEAS (18),* речь идет об «информационной войне», которую ведет Россия после «аннексии Крыма» в 2014 г.

По мнению автора, А. Дугин оказал значительное влияние на внешнеполитические идеи российской элиты. «Ряд наиболее спорных проектов России, включая Евразийский союз, поддержку Россией Ирана, распространение ею антизападных посланий и ее паранойю по поводу того, что Запад замышляет дезинтеграцию России, можно найти в трудах Дугина»[386].

В исследовании *European Council on Foreign Relations (26)* анализируется новое поколение российских специалистов по внешней политике, в рамках которого рассмотрены несколько возрастных групп, взгляды которых серьезно различаются. ЕАЭС упомянут в рамках объяснения причин смены идеалистических представлений 30–40-летних на более скептическое отношение по отношению к Западу. Причины объясняются самими специалистами, в частности приводятся слова специалиста 1981 г. рождения: «НАТО отказывается сотрудничать с организацией Ташкентского договора [Организацией Договора о коллективной безопасности], заявляя, что это псевдоорганизация под руководством России. ЕС говорит, что не может вести диалог с Евразийским союзом, потому что его курирует Москва»[387].

В докладе *Royal United Services Institute (31)* выделяется такое понятие, как «международная система, основанная на правилах», и утверждается, что такой системы де-факто не существует, а есть три самостоятельных системы: универсальная система безопасности, универсальная экономическая система и отдельная западная система. Разделы доклада названы в соответствии с этими системами. В целом отмечается растущая роль незападных держав – России и Китая (большее внимание уделяется Китаю). ЕАЭС упомянут в разделе «универсальная экономическая

[385] *Rüppel P. Is Europe's Future in Asia? // Konrad Adenauer Foundation, 26.09.2019. Url: https://www.kas.de/en/single-title/-/content/is-europe-s-future-in-asia*
[386] *Craik P.B. The Weaponization of Postmodernism: Russia's New War with Europe // LSE, July 2019. P. 5. Url: http://www.lse.ac.uk/european-institute/Assets/Documents/LEQS-Discussion-Papers/LEQSPaper146.pdf?from_serp=1*
[387] *Liik K. The last of the offended: Russia's first post-Putin diplomats // European Council on Foreign Relations, 19.11.2019. P. 7. Url: https://www.ecfr.eu/page/-/Kadri_Liik_russias_first_post_putin_diplomats.pdf*

система» в заключительном абзаце с выводами, где рассматриваются основные акторы международной экономики: США, ЕС, Китай, Россия, отдельное внимание уделяется Великобритании. Отмечаются амбиции ЕС, торговая напряженность между западными и незападными международными игроками: «Китай стремится стать одним из игроков, которые будут устанавливать правила в будущем, в частности в рамках инициативы “Пояс и путь”. Россия также стремится к тому, чтобы остаться среди таких ключевых игроков, создав Евразийский союз в качестве регуляторной альтернативы европейскому и китайскому проектам»[388].

Очередной доклад приурочен к десятой годовщине программы Munich Young Leaders, одним из организаторов которой является *Koerber Foundation (73).* Проблемы, которые в нем поднимаются, так или иначе связаны с вопросами многостороннего сотрудничества (мультилатерализма), упоминание ЕАЭС встречается в комментарии российского эксперта *Дмитрия Суслова.* По его мнению, «Многостороннее сотрудничество не умерло, просто оно становится менее западоцентричным. Новый, “постзападный” мультилатерализм будет более плюралистическим и будет включать в себя незападные институты и механизмы, такие как ШОС, БРИКС, ЕАЭС и т. д.»[389].

3.11. СЦЕНАРИЙ РАСПАДА ЕАЭС

Прямые упоминания

European Union Institute for Security Studies (40) опубликовал интересный документ, который стоит особняком в ряду прочих исследований, им мы решили завершить данный раздел. В этом сборнике разные авторы анализируют возможное развитие событие в случае реализации какого-то нетрендового сценария. Всего рассмотрено 12 различных сценариев, каждый из которых начинается со слов «А что если…»: «А что если иностранная подводная лодка будет захвачена на территории ЕС?», «А что если джихадисты объединятся с криминалитетом?», «А что если начнется новая “арабская весна”», «А что если Турция и Россия столкнутся на Кавказе». Одна из глав, написанная *Станиславом Секриеру,* называется «А что если Беларусь и Казахстан выйдут из Евразийского экономического союза?».

Ее автор предлагает следующий сценарий развития событий (приведем обширную цитату с небольшими сокращениями): «В ноябре 2021 г. лидер российской оппозиции А. Навальный провел уличные акции протеста в Москве против фальсифицированных парламентских выборов, которые состоялись в конце сентября. Президента Путина не видели на публике в течение месяца, и ходят слухи, что его лечат в швейцарской клинике <…> В Москве разгорелась конкуренция между элитами: ее первой жертвой стал заместитель министра финансов, который был арестован по сфабрикованным обвинениям в растрате почти 44 млн долл. <…> Вакуум власти в Кремле, межклановые ссоры и возрождение массовой политики в России не остались незамеченными в соседних странах.

29 ноября президенты Казахстана и Беларуси в Астане выступили с краткими заявлениями. “Мы создали Евразийский экономический союз шесть лет назад в надежде,

[388] *Chalmers M. Which Rules? Why There is No Single ‘Rules-Based International System’ // Royal United Services Institute, April 2019. P. 28. Url: https://rusi.org/sites/default/files/201905_op_which_rules_why_there_is_no_single_rules_based_international_system_web.pdf*

[389] *Multilateralism is Dead. Long Live Multilateralism! 10 Years Munich Young Leaders / Edited by S. Eisentraut, C. Erber, E. von Hammerstein, A. Merk // Koerber Foundation, 2019. P. 11. Url: https://www.koerber-stiftung.de/fileadmin/user_upload/koerber-stiftung/redaktion/munich-young-leaders/pdf/2019/Multilateralism-is-Dead_Long-Live-Multilateralism.pdf*

что он станет средством всесторонней и взаимовыгодной экономической интеграции. К сожалению, несмотря на наши совместные усилия, поставленные амбициозные цели достигнуты не были, и мы все виноваты в этом", – сказал президент Беларуси. Его недавно избранный казахстанский коллега заявил: "В соответствии с пунктом 1 статьи 118 договора, сегодня утром мы уведомили Евразийскую экономическую комиссию о нашем решении прекратить членство в Евразийском экономическом союзе. Хотя мы и выйдем из ЕАЭС через 12 месяцев, мы сохраним тесное сотрудничество с Россией в военной сфере и будем уважать все взятые на себя обязательства в рамках Организации Договора о коллективной безопасности"»[390].

Также автор сценария прогнозирует гипотетические последствия такого развития событий. Их суть в том, что такие заявления имели бы эффект разорвавшейся бомбы для российской элиты. И между ее различными группами возникли бы споры относительно того, как реагировать на ситуацию. Победила бы позиция силовиков, которые приняли решение реагировать достаточно жестко. «Учитывая, что появившийся вакуум в сфере безопасности и экономики региона будет заполнен "враждебными силами", реакция должна была быть жесткой, чтобы ни одно правительство не относилось недостаточно серьезно к постпутинской России: нелояльные члены ЕАЭС должны были быть возвращены в лоно организации, а остальные удерживаться от нарушения субординации»[391].

При этом силовые варианты решения вопроса были отброшены, так как российские военные и так участвовали в слишком большом количестве операций за пределами страны. Поэтому было принято решение начать серию информационных войн (документальные фильмы о президентах Беларуси и Казахстана), использован запрет на ввоз продуктов питания, организованы рейды и высылка граждан этих государств из РФ, предприняты кибератаки[392].

Кроме того, автор предложил свою версию ошибок, которые могли бы привести к подобной ситуации. Среди них то, что «ЕАЭС был задуман Кремлем скорее как средство для институционализации геополитического превосходства России в постсоветском регионе, а не для содействия горизонтальной экономической интеграции». Кроме того, Россия сосредоточилась больше на том, чего хотела она, и меньше на том, что было нужно ее союзникам, используя в большей степени кнут, чем пряник[393].

---

[390] *WHAT IF...? Scanning the horizon: 12 scenarios for 2021 / Edited by F. Gaub // European Union Institute for Security Studies, February 2019. P. 44. Url: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_150_0.pdf*
[391] *Ibid. P. 45.*
[392] *Ibid.*
[393] *Ibid. P. 46.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках исследования был проанализирован достаточно большой массив публикаций западноевропейских и американских «фабрик мысли» с упоминанием Евразийского экономического союза – всего 145 материалов, опубликованных на сайтах 50 think tank'ов. Их авторы – эксперты в разных областях – представляют разные страны и научные школы, некоторые аффилированы с политическими институтами ведущих мировых держав, другими структурами или группами влияния, часто конкурирующими; поэтому неудивительно, что и разброс мнений о месте ЕАЭС в региональной политике и перспективах его развития относительно широк. В то же время можно констатировать, что большинство из них не выходят за рамки дискурса, традиционного для западной публичной политики и мейнстримовых медиа и в большинстве случаев не свободны от характерных для этого дискурса шаблонных подходов и оценок. Таким образом, если говорить обо всех рассмотренных материалах за 2019 г. в целом, то с некоторыми исключениями и оговорками, но достаточно четко прослеживаются определенные тренды в оценке ЕАЭС. Приведем некоторые наиболее общие из них.

Во-первых, авторы американских «фабрик мысли» проявили значительно более низкий интерес к ЕАЭС, чем их европейские коллеги. Что четко видно и по общему количеству материалов, и по количеству материалов с прямым упоминанием ЕАЭС, и собственно по количеству think tank'ов, которые так или иначе писали о Евразийском экономическом союзе (здесь и ниже более детализированные количественные показатели см. в Разделе 1, а основные методологические подходы – в «Методологии и структуре исследования»). При этом и отношение к ЕАЭС в публикациях «фабрик мысли» США значительно более критическое, чем в Западной Европе. Так, из 56 материалов, опубликованных ими, лишь два (т. е. 4%) можно отнести к материалам с положительным отношением к ЕАЭС, тогда как к отрицательным – 23 (41%). В материалах западноевропейских «мозговых центров» – 20 (23%) и 27 (30%) соответственно.

Во-вторых, в большинстве случаев ЕАЭС воспринимается экспертами западных think tank'ов в первую очередь как политический, а не экономический союз. Хотя это и идет вразрез с позиционированием ЕАЭС и государствами-членами, и наднациональными органами Союза, которые постоянно делают акцент на его преимущественно (если не исключительно) экономическом характере.

Лишь в отдельных публикациях авторы анализируют конкретные экономические показатели или отмечают приоритет этой сферы. Более того, интересно, что аналитические центры, специализирующиеся на экономике, в том числе международной, практически не пишут о ЕАЭС. Мы отдельно выделили «фабрики мысли» из обоих рейтингов – и западноевропейского, и американского, – которые декларируют вопросы экономики в качестве одного из основных направлений своей деятельности. И оказалось, что из 27 таких think tank'ов в США упомянул ЕАЭС лишь один, и то лишь в сноске. Из такого же числа европейских «фабрик мысли» с экономическим уклоном о ЕАЭС в 2019 г. писали всего три.

В качестве примера можно привести *European Centre for International Political Economy (64)*, на сайте которого есть отдельный раздел для исследований по темам «Россия – Евразия», но при этом за весь 2019 г. нет ни одного материала с упоминанием ЕАЭС. Понятно, что некоторые из таких «фабрик мысли» ориентированы в большей степени на внутреннюю политику своей страны или на какие-то актуальные, но достаточно узкие вопросы, но все же то, что ЕАЭС они не упоминают даже вскользь, показательно.

В-третьих, хотя отдельные авторы признают, что и другие государства – члены ЕАЭС все же получают дивиденды от участия в Союзе, в большинстве публикаций западных think tank'ов ЕАЭС описывается не как наднациональное объединение, созданное на добровольной основе всеми участниками, а как инструмент российского доминирования в регионе. А его создание и расширение, как правило, объясняется давлением Москвы, которая стремится включить в свою орбиту максимальное количество стран.

Иллюстрацией вышесказанному служат характеристики "Moscow-led", "Russia(n)-led", "Russia-dominated", "Russian-sponsored", "Moscow-supported", "Moscow-dominated", "Russian-backed", "Russia's Eurasian Economic Union" и некоторые другие подобные им, а также их комбинации, которые широко используются применительно к Евразийскому экономическому союзу.

Кроме того, практически не встречаются публикации, в которых идет речь о ЕАЭС, но не упоминается Россия, речь о которой в контексте ЕАЭС идет более чем в 90% материалов. Она рассматривается как инициатор и явный лидер ЕАЭС. Это во многом объясняет отрицательное отношение авторов западных «фабрик мысли», особенно американских, к ЕАЭС: враждебное отношение к России и ее правящей элите прямо экстраполируется и на Евразийский экономический союз.

В-четвертых, прослеживаются основные – в понимании западных экспертов – цели, в которых Москва стремится использовать ЕАЭС в качестве инструмента, это:

– укрепление влияния на постсоветском пространстве, вовлечение стран региона в свою орбиту;

– повышение привлекательности сотрудничества с Россией, для стран «дальнего зарубежья» за счет обеспечения доступа к рынкам сразу всех стран ЕЭАС;

– противостояние с Западом, в первую очередь с ЕС, в Восточной Европе;

– противодействие китайской экспансии в Центральной Азии, с позиционированием ЕАЭС как ядра «Большой Евразии».

Как правило, тот или иной автор концентрируется на одном из этих направлений, а общим местом остается все та же гипертрофированная роль России в ЕАЭС. Для американских «фабрик мысли» достаточно характерно определение последнего из выделенных направлений в качестве приоритетного. Европейцы демонстрируют более широкий взгляд, кроме того, уделяют достаточно много внимания российскому «повороту на Восток», который рассматривают в контексте противостояния России с Западом. Так или иначе, в качестве одной из его причин часто указывается украинский кризис, после которого на западном направлении Россия уперлась в тупик и была вынуждена более активно искать партнеров на Востоке. Об Украине, как правило, идет речь именно в таком контексте.

В-пятых, Китай в контексте обсуждения ЕАЭС упоминается чаще, чем любая другая страна, включая членов ЕАЭС, за исключением России. Очень много внимания уделено китайской инициативе «Пояс и путь», вопросам российско-китайских отношений, сопряжения российских и китайских интеграционных проектов в Евразии. Количество и объем материалов в тематических блоках «"Большая Евразия", "Пояс и путь", российско-китайские отношения», а также в корреспондирующихся с ними блоках «Центральная Азия» во 2 и 3 разделах основной части исследования говорят сами за себя.

Причем российские интеграционные инициативы рассматриваются, как уже было отмечено выше, скорее как политические и ориентированные на обеспечение системы безопасности в регионе, тогда как китайские – в качестве имеющих больший вес в экономической сфере. В целом преобладает подход, в рамках которого российские

и китайские проекты, несмотря на тактическое сотрудничество, рассматриваются в перспективе как конкурирующие, а не партнерские. А ЕАЭС и проект «Большая Евразия» – как российские инструменты, которые должны ограничить рост влияния Китая в регионе. При этом «Пояс и путь» рассматривается как более агрессивный и обладающий большим потенциалом проект. Особенно характерна увязка анализа ЕАЭС и китайского «Пояса и пути» для американских think tank'ов.

В-шестых, к анализу ситуации в странах – членах ЕАЭС и их роли в организации применяется дифференцированный подход. Казахстан и Беларусь, как правило, рассматриваются как более самостоятельные и влиятельные субъекты внутри ЕАЭС. Авторы некоторых материалов вспоминают, что экс-президент Казахстана Н. Назарбаев является инициатором реинтеграционных процессов на евразийском пространстве. Значительное внимание уделяется проблемам во взаимоотношениях этих двух стран с Россией. Применительно к Беларуси эксперты западных «фабрик мысли» пишут о традиционных противоречиях в отношениях Москвы и Минска, таких как вопросы поставок энергоносителей, в том числе о разногласиях, возникших в результате т. н. «налогового маневра». Также неоднократно отмечается недовольство членов ЕАЭС российским решением о введении ответных санкций против Украины и стран Запада, принятых без достаточных консультаций с партнерами по Союзу. Среди других проблем упоминаются зависимость от России Кыргызстана в экономической сфере, а Армении – в сфере безопасности.

Армения занимает особое место в материалах западноевропейских фабрик мысли. Она рассматривается в качестве возможного «моста» между ЕС и ЕАЭС и как успешная, с их точки зрения, модель возможного вовлечения в орбиту влияния Евросоюза страны, входящей в ЕАЭС и имеющей в связи с этим определенные обязательства, которые осложняют для европейцев построение отношений в желаемом для Брюсселя ключе. Обращает на себя внимание тот факт, что американские эксперты не видят серьезных перемен в отношении Еревана к ЕАЭС после «бархатной революции».

Наименее предметно рассматривается Кыргызстан. В публикациях американских think tank'ов в большинстве случаев просто констатируется факт, что эта страна входит в ЕАЭС. А среди проанализированных материалов с упоминанием ЕАЭС нет ни одного, посвященного собственно этой стране, по всем остальным государствам – членам ЕАЭС такие публикации есть.

В-седьмых, среди других стран наиболее часто вместе с ЕАЭС встречаются упоминания Украины, Молдовы и Ирана. Первые две страны рассматриваются как своего рода фронтирные государства между ЕАЭС и ЕС, на территории которых сталкиваются два встречных интеграционных проекта, что в целом негативно влияет на ситуацию в этих странах. Иран – в качестве одного из перспективных партнеров ЕАЭС за пределами постсоветского пространства, наиболее последовательно настроенного на углубление сотрудничества с ЕАЭС и благодаря которому ЕАЭС может упрочить позиции на Большом Ближнем Востоке.

Кроме того, эксперты западных «фабрик мысли» уделяют внимание вопросу сближения Сербии с ЕАЭС, а также взаимодействию с Союзом республик Южного Кавказа и Центральной Азии, не входящих в ЕАЭС; здесь больше всего упоминаний Грузии. Встречаются материалы, в которых отмечаются успехи ЕАЭС за пределами постсоветского пространства, – подписание соглашения о зоне свободной торговли с Вьетнамом и проявление интереса к партнерству с ЕАЭС таких стран, как Израиль или Египет.

В-восьмых, следует отметить, что в числе авторов проанализированных публикаций достаточно широко представлены эксперты либо сейчас живущие в странах бывшего

СССР, либо выходцы с постсоветского пространства, проживающие или работающие на Западе. Их материалы в целом носят более выраженный негативный или позитивный характер и реже бывают нейтральными, чем публикации их западных коллег.

Отдельно нужно сказать о российских экспертах. Так, из 56 материалов американских think tank'ов с упоминанием ЕАЭС по крайней мере десять, то есть немногим меньше 20%, были подготовлены российскими авторами или при их участии; в частности, автором или соавтором пяти из них является Д. Тренин – директор Московского центра Карнеги.

Среди авторов западноевропейских «фабрик мысли» российских экспертов тоже достаточно много, так же не менее десяти из 89. При этом в подготовке по крайней мере семи из 20 материалов аналитических центров Западной Европы с положительными упоминаниями ЕАЭС принимали участие российские эксперты.

В-девятых, европейцы (что вполне прогнозируемо) более дифференцированно подходят к процессам в регионе, чем американцы. Последние склонны рассматривать Евросоюз как единого актора, не выделяя отдельные европейские страны, но в то же время практически полностью игнорируя в контексте обсуждения ЕАЭС такую программу, как «Восточное партнерство», что особенно показательно на фоне 10-летнего юбилея ВП. Тогда как европейцы уделяют больше внимания политике отдельных стран ЕС, но в свою очередь практически совсем не пишут о США в контексте процессов, связанных с ЕАЭС.

Еще раз подчеркнем, что выше приведены наиболее общие подходы авторов западных «фабрик мысли» к анализу ЕАЭС и различных аспектов его деятельности. Конечно, есть и другие, в том числе с более конструктивным отношением к Евразийскому экономическому союзу и той роли, которую он может играть в региональной политике. Так, в некоторых публикациях он рассматривается в качестве возможного инструмента для преодоления или хотя бы некоторой деэскалации нынешнего конфликта между Западом и Россией. В частности, предлагается создание коммуникативных площадок, где, с одной стороны, был бы представлен ЕАЭС, а с другой – западные организации и/или отдельные страны, что дало бы дополнительные возможности для более конструктивного обсуждения актуальных для Евразийского континента вопросов.

Резюмируя, отметим: изучение и анализ позиции экспертов западных аналитических центров полезны для понимания и прогноза политических и управленческих решений в этих странах, на выработку и оценку которых «фабрики мысли» сохраняют значительное влияние. В том числе в вопросах политики западных держав и международных межправительственных организаций в отношении интеграционных процессов на постсоветском пространстве, в которых одну из ключевых ролей играет ЕАЭС.

Хотя ЕАЭС явно не входит в число приоритетных для изучения направлений западными аналитическими центрами, особенно в США, более глубокое понимание подходов, которые западные «фабрики мысли» используют в рамках осмысления процессов, связанных с ЕАЭС, позволит всем заинтересованным в дальнейшем развитии реинтеграционных процессов на постсоветском пространстве акторам:

– более успешно реагировать на внешние вызовы, стоящие перед Союзом, зная основные опасения, которые связывают с деятельностью ЕАЭС на Западе и его наиболее уязвимые, по мнению западных коллег, места, по которым будет осуществляться давление для сдерживания ЕАЭС;

– скорректировать собственную повестку в рамках позиционирования ЕАЭС в информационном пространстве;

– более аргументированно полемизировать с настроенными скептично или откровенно враждебно по отношению к ЕАЭС западными лидерами общественного мне-

ния, оперируя собранным массивом их утверждений и доводов;

– найти дополнительные точки соприкосновения западными коллегами и площадки для коммуникации.

Особенно важным является расширение диалога со всеми конструктивно настроенными представителями экспертного сообщества, политических и экономических элит западных стран. Потенциал такого диалога реализован на сегодняшний день далеко не полностью.

Кроме того, максимально детальное знание содержания дискуссий по тому или иному вопросу позволит более эффективно в них включаться и доносить свою точку зрения в рамках информационного противостояния, в котором сегодня так или иначе участвуют все сколько-нибудь значимые игроки международных отношений.

Системный мониторинг публикаций и анализ позиции западных «фабрик мысли» по самому широкому кругу актуальных вопросов, был бы полезен как для решения исследовательских задач, связанных с такими вопросами, так и для решения прикладных задач. В связи с чем авторы были бы искренне признательны за пожелания, рекомендации и отзывы, в том числе критические, о нашем исследовании, которые позволят в перспективе повысить качество такого мониторинга и анализа.

РЕКОМЕНДАЦИИ

По итогам проведенного исследования можно сделать ряд рекомендаций, которые, на наш взгляд, могли бы способствовать популяризации деятельности ЕАЭС, в том числе в экспертном сообществе западных стран, повышению узнаваемости и созданию более привлекательного образа и позитивного имиджа Союза, созданию новых диалоговых площадок с участием стран – членов ЕАЭС и его наднациональных органов. Эти рекомендации могут быть использованы в работе государственных и негосударственных структур различного уровня, а также в деятельности всех других акторов, заинтересованных в развитии евразийской интеграции.

1. При подготовке информационных, аналитических и других материалов о деятельности ЕАЭС, ориентированных на страны Запада, следует учитывать, что Союз там воспринимается преимущественно как политический, а не экономический, с гипертрофированной ролью России, которая использует ЕАЭС в качестве своего инструмента доминирования в регионе. Для коррекции такого восприятия необходимы целенаправленные усилия, в частности на системной основе в разной форме доносить более сбалансированную информацию о деятельности и целях ЕАЭС. Для этого необходимо вести более активную информационную политику в ее рамках было бы полезно:

1.1. регулярно публиковать «белые книги», аналитические доклады, пресс-релизы и другие материалы, посвященные широкому спектру вопросов, связанных с экономической деятельностью в рамках Союза;

1.2. стимулировать подготовку такого рода публикаций аналитическими структурами и СМК стран – членов ЕАЭС, в том числе независимыми;

1.3. переводить на основные европейские языки публикации такого рода, в том числе вышедшие ранее;

1.4. содействовать медиапродвижению и широкой популяризации таких публикаций (особенно подготовленных не в России, а в других странах ЕАЭС или с участием их представителей), их обсуждению в профессиональной среде, в том числе на Западе;

1.5. публиковать и популяризовать информацию об участии в Союзе отдельно каждого входящего в него государства, инициативах в рамках ЕАЭС, которые исходят от представителей разных государств, их роли в принятии общих решений;

1.6. включать краткую информацию об истории ЕАЭС, принципах функционирования и принятия решений, планах дальнейшего развития интеграционных процессов в рамках ЕАЭС в максимально возможное число различного рода печатных изданий, онлайн-публикаций, рассылок, раздаточного материала, так или иначе связанных с деятельностью ЕАЭС и ориентированных на западную аудиторию.

2. Достаточно четко прослеживаются положительные, нейтральные и отрицательные оценки деятельности ЕАЭС в материалах конкретных западных «фабрик мысли» и отдельных экспертов, в связи с этим было бы полезно:

2.1. отслеживать публикации с выраженно критичным отношением и отрицательной оценкой ЕАЭС, выделять наиболее типичные и резонансные примеры и аргументированно отвечать на них; в рамках такой деятельности публиковать ориентированные на западную экспертную среду обзоры с критикой материалов, опубликованных западными аналитическими центрами, в которых содержатся фактологические ошибки, недостоверная информация, наиболее характерные негативные шаблонные оценки;

2.2. при стратегическом планировании и прогнозировании развития ЕАЭС рассматривать наиболее негативные прогнозы западных экспертов в качестве наиболее же-

лаемых вариантов развития событий для конкурентов ЕАЭС, и исходить из того, что ряд внешних игроков будут прилагать усилия для того, чтобы реализовались именно такие негативные сценарии;

2.3. привлекать авторов материалов с положительной и нейтральной оценкой ЕАЭС к совместным проектам с представителями различных учреждений стран Евразийского экономического союза, использовать предложения и аргументы из их материалов в диалоге с западными партнерами;

2.4. поддерживать инициативы, предложенные экспертами западных «фабрик мысли», которые могли бы быть полезны для позиционирования и популяризации ЕАЭС на Западе;

2.5. предлагать западным «фабрикам мысли», которые публикуют материалы с положительными и нейтральными оценками деятельности ЕАЭС различные варианты сотрудничества, в том числе проведение совместных исследований, с авторами из стран ЕАЭС.

3. Результаты мониторинга показали, что think tank'и многих стран Западной Европы не упомянули Евразийский экономический союз даже косвенно ни разу за год, и в целом внимание к ЕАЭС в западной экспертной среде можно охарактеризовать как относительно низкое. Поэтому для повышения международного авторитета Союза и его влияния на актуальную мировую экономическую и политическую повестку дня было бы полезно:

3.1. создавать информационные поводы и аналитические продукты, связанные с ЕАЭС, ориентированные на представителей экспертного сообщества и других лидеров общественного мнения тех стран «фабрики мысли», которых при анализе ситуации в Евразии либо совсем не учитывают факторы, связанные с ЕАЭС, либо недооценивают их роль;

3.2. приглашать к сотрудничеству или конструктивной дискуссии те аналитические центры, которые так или иначе обращаются к вопросам, связанным с функционированием ЕАЭС;

3.3. более активно информировать западных экспертов о деятельности наднациональных органов Союза, в частности ЕЭК, в том числе по инициативе самой Комиссии;

3.4. привлекать западноевропейских экспертов, а также использовать их материалы для популяризации деятельности ЕАЭС и улучшения его имиджа в США, где внимание к ЕАЭС заметно ниже, чем в целом в Западной Европе, а отношение к Союзу более скептичное, чем у представителей западноевропейских стран.

4. Западные эксперты очень часто рассматривают ЕАЭС в контексте анализа китайских интеграционных проектов в Евразии, российско-китайских отношений и сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь», при этом китайские проекты в регионе, как правило, воспринимаются как более перспективные и стратегически более опасные для интересов стран Запада. С учетом вышесказанного было бы полезно:

4.1. отслеживать дискуссии в экспертном сообществе западных стран, связанные с китайскими интеграционными инициативами в Евразии и по возможности принимать в них участие, донося свое видение роли и потенциала ЕАЭС в регионе, в том числе в сопряжении встречных интеграционных проектов; можно предположить, что в этом контексте информацию о деятельности ЕАЭС будет донести легче, чем во многих других;

4.2. использовать возможность позиционировать ЕАЭС как проект, уравновешивающий влияние КНР в Евразии, что не противоречит интересам США и ведущих стран Западной Европы в регионе.

5. «Фабрики мысли» Западной Европы уделяют большое внимание проекту «Восточное партнерство», а некоторые эксперты западноевропейских think tank'ов признают, что столкновение европейских интеграционных проектов и ЕАЭС в странах восточной Европы негативно влияют на ситуацию в этих странах; в связи с этим было бы полезно:

5.1. отслеживать дискуссии на эти темы и предлагать инициативы по налаживанию диалога между ЕС и ЕАЭС, который мог бы позволить не допустить развитие сценариев аналогичных украинскому, как в странах одновременно являющихся участниками ЕАЭС и ВП, так и в других странах региона, а также в перспективе способствовать деэскалации украинского кризиса;

5.2. предлагать аналитическим центрам, публикующим материалы по этим вопросам совместные проекты и дискуссии по обсуждению проблем, связанных с негативным влиянием столкновения интеграционных проектов в Восточной Европе;

5.3. использовать внимание западных think tank'ов к армянскому кейсу, выступать с собственными инициативами относительно налаживания взаимодействия между ЕАЭС и ЕС с учетом опыта Армении.

6. В условиях, когда официальные структуры США, большинства стран Западной Европы и Евросоюза не готовы к полноценному равноправному диалогу с ЕАЭС и его органами, целесообразно более активно задействовать связи на уровне аналитических структур, в их рамках было бы полезно:

6.1. в ходе публичных обсуждений на уровне экспертов и в рамках разного рода аналитических публикаций предлагать свои инициативы и поддерживать предложения западных коллег по выводу на новый уровень отношений между ЕАЭС и ЕС, с тем чтобы в перспективе некоторые из них могли быть подняты и на официальном уровне;

6.2. создавать дискуссионные площадки, организаторами которых будут аналитические центры из стран ЕАЭС, с одной стороны, и/или стран Западной Европы – с другой, на которые кроме экспертов приглашать действующих политиков;

6.3. развивать и создавать новые аналитические структуры в рамках ЕАЭС, специализирующиеся на вопросах евразийской интеграции и функционировании других региональных интеграционных проектов;

6.4. налаживать контакты не только между ведущими think tank'ами ЕАЭС, США и Западной Европы, как правило столичными, но и менее крупными аналитическими центрами, которые работают в регионах своих стран.

ОБ АВТОРАХ

Роман Андреевич ТРАВИН

Руководитель проекта «Открытая аналитика».

В 2009–2017 гг. – директор Восточноукраинского центра стратегических инициатив (Харьков, Украина).

Преподаватель Белгородского государственного национального исследовательского университета (в 2015–2018 гг. кафедры культурологии и политологии; с сентября 2018 г. – кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии).

Регулярно выступает в качестве эксперта с комментариями, интервью и статьями в региональных и центральных СМИ по актуальным политическим вопросам.

Артур Юрьевич АВАНЕСОВ

Участник проекта «Открытая аналитика».

Принимает участие в работе ряда общественных и экспертных советов, среди которых:

Совет молодых политологов Российской ассоциации политической науки;

Экспертный совет молодых политологов журнала «Русская политология – Russian political science»;

Координационный совет по управлению научно-образовательной деятельностью НИУ «БелГУ»;

Совет по реализации программ стратегического развития и имущественному комплексу НИУ «БелГУ».

Студент 4 курса Белгородского государственного национального исследовательского университета, направление подготовки «политология».

О ПРОЕКТЕ

«Открытая аналитика» *(http://open-analytics.ru)* – независимый экспертно-аналитический проект.

Основная сфера исследовательских интересов: общественно-политические процессы на постсоветском пространстве, в том числе в Российской Федерации.

Все более заметной проблемой политологического экспертного сообщества на постсоветском пространстве становится самоцензура. Значительное число экспертов из академической среды можно назвать дипломатами, а экспертов-практиков – политтехнологами.

Первые зачастую предпочитают обходить наиболее неудобные и неполиткорректные вопросы, вторые же нередко выдают желаемое за действительное и предлагают т. н. формирующие, а не реальные аналитику и прогнозы. Оба этих подхода не лишены смысла, однако представляется, что сегодня есть необходимость в свободной от жестких рамок того или иного дискурса, открытой (во всех смыслах этого слова) аналитике.

В своей деятельности мы руководствуемся следующим подходом: объективность важнее идеологии и политических пристрастий, а замалчивание неудобных и проблемных тем непродуктивно, так как не позволит получить ответы на наиболее острые и актуальные вопросы. При этом, разумеется, не претендуем на исключительность и признаем, что ряд других независимых исследователей и исследовательских организаций строят свою деятельность, базируясь на аналогичных принципах.

Связаться с нами: *info@open-analytics.ru*

Научное издание

Травин Роман Андреевич
Аванесов Артур Юрьевич

ЕАЭС В ПУБЛИКАЦИЯХ ВЕДУЩИХ ЗАПАДНЫХ «ФАБРИК МЫСЛИ» В 2019 ГОДУ

Аналитический доклад

Корректура: Э. Ч. Травина *(redaktor@esmira.net)*
Дизайн обложки и верстка: Е. Г. Шеремеева *(sheremey@mail.ru)*

В авторской редакции

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 15, ком. 536
Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36
Подписано к использованию 09.09.2020.
Объем 2 Мбайт. Электрон. текстовые данные. Заказ 622.

9 785001 713913